

Embassy of Italy
Nur-Sultan

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева
Международная Ассоциация Средиземноморских и восточных исследований
(ISMEO)

САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ САРЫАРКИ

Коллективная монография

Нур-Султан, 2020

УДК 902/904
ББК 63.4

Рекомендовано к печати Ученым советом Евразийского национального
университета им. Л.Н. Гумилева

Издание подготовлено в рамках реализации научно-исследовательской работы по проекту
AP05133813 «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис,
типология, семантика»

Ответственный редактор
Тлеугабулов Д.Т.

Рецензенты:

Таймагамбетов Ж.К. – д.и.н., академик, главный научный сотрудник
Национального музея Республики Казахстан

Ганиева А.С. – к.и.н., ученый секретарь РГКП «Государственный историко-
культурный музей-заповедник “Бозок”»

Каженова Г.Т. – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

С 15 Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Хабдулина М.К.,
Тлеугабулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В., Букешева Г.К., Сапарова К.С.,
Файса А.М., Бонора Ж.Л. – Нур-Султан – Рим, 2020. – 222 с.

ISBN 978-601-337-412-3

В монографии на примере исследования двух локальных регионов северной Сарыарки: Акмолинского Приишимья и Тенгиз-Коргалжынского оазиса предлагается характеристика условий и механизма сакрализации ландшафта, показана роль культовых мемориалов в историко-культурных, этнических, интеграционных процессах древних и средневековых эпох. Приводится описание результатов раскопок царского кургана раннесакского времени в урочище Куйгенжар и казахского сезонного поселения Саркырама. В монографии воссоздан маршрут экспедиции И.П. Шангина 1816 г. по северной Сарыарке, представлены историко-культурные материалы натурального обследования культового некрополя – мусульманского зирата Караоткель. Одна глава монографии посвящена масштабным поисковым работам экспедиции с описанием и картографированием вновь открытых памятников по рекам Силеты, Ишим и Нура.

Издание адресовано историкам, археологам, этнографам, студентам вузов и всем кому интересно историко-культурное наследие страны.

© Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т.,
Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В., Букешева Г.К.,
Сапарова К.С., Файса А.М., Бонора Ж.Л.
© НИИ археологии им. К.А. Акишева

ВВЕДЕНИЕ

Научно-исследовательский институт археологии имени К.А. Акишева Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в течение трех лет (2018-2020 гг.) вел научно-исследовательские работы по проекту AP05133813 «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика».

Результатом этих исследований является монография. Монография является коллективным трудом казахстанских и зарубежных ученых. Согласно Договору о сотрудничестве между НИИ археологии им. К.А. Акишева и Международной Ассоциацией средиземноморских и восточных исследований (ISMEO) (Рим, Италия) руководитель с итальянской стороны – профессор Жан Лука Бонора принимал участие в полевых экспедиционных работах 2018-2019 гг. Вместе были пройдены разведочные маршруты по северной Сарыарке, осмотрены многие знаменитые сакральные объекты, раскопки которых продолжают археологи Караганды, Алматы. Это памятники Кентского оазиса, элитные погребальные конструкции Каражартас, Ащису, Аксу-Аюлы. Результатом международного сотрудничества стали совместные научные отчеты и главы монографии, написанные Ж.Л. Бонорой (главы 1, 4).

В реализации проекта участвовали зарубежные ученые из академических центров России: Института почвоведения и агрохимии СО РАН (Д.А. Гаврилов), Институт географии РАН, Институт этнографии РАН (Е.П. Китов). Их участие связано с выполнением естественнонаучных анализов по изучению погребенных почв, радиоуглеродного датирования, антропологического анализа.

Предметом научно-исследовательского изучения стала северная Сарыарка (столичный регион), в пределах которого основное внимание уделяется двум отдельным сакральным территориям: верховье р. Ишим и Тенгиз-Коргалжынский оазис (низовья р. Нуры). Проект был направлен на обоснование северной Сарыарки как особого сакрального ландшафта, созданного тысячелетней деятельностью обитавших здесь древних и средневековых этносов.

Сакральный ландшафт – геокультурное пространство, преобразованное духовной деятельностью поколений людей, оставивших следы пребывания в виде культовых объектов. Материальным выражением сакрального ландшафта являются памятники археологии в виде руин, развалов древних городов, храмов, святилищ, полотен наскальных рисунков, служивших местами поклонения, проведения ритуальных практик.

Поэтому в названии проекта присутствует уточнение «в археологическом контексте».

Сарыарка – огромный по площади природно-географический материк, состоящий из комплекса различных ландшафтов. Степная полоса Сарыарки характеризуется необычайным разнообразием типов: от разнотравно-луговых до засушливых и опустыненных экосистем. Высокогорья отдельными оазисами расположены среди мелкосопочного и равнинного рельефа. Ландшафтная неоднородность обусловила своеобразие культурных и исторических процессов, направления культурных связей и облик культурных традиций. Запад Сарыарки – Улытау, в древности в культурном отношении близок Приаралью и Южному Приуралью. Регион Шынгыстау имеет тесные связи с Семиречьем и Казахским Алтаем. Степная полоса Сарыарки подвержена культурным связям меридионального характера.

Тематическое разнообразие глав монографии отражает важные результаты выполненных работ и может быть поделено на три части: разработка теоретических проблем, заявленных в цели и задачах проекта, блок натурных обследований наиболее значимых сакральных центров, описание разведочных маршрутов по степной Сарыарке. И третий раздел монографии включает результаты археологических раскопок: исследование элитного кургана могильника Куйгенжар, сезонного поселения казахов нового времени Саркырама и средневекового могильника Киши Майлан.

Первая глава монографии «Хроника полевых работ 2018-2020 гг.», авторы Д.Т. Тлеугабулов, А.Т. Дукомбайев, Ж.Л. Бонора содержит календарное описание экспедиционных полевых работ по северной Сарыарке с включением карт, космоснимков, фотографий. При характеристике археологических памятников каждый разведочный маршрут дополнен сведениями из публикаций, отчетов Есильской археологической экспедиции и аналитическими выводами.

Ярко изложены материалы масштабных поисковых работ по озерам Тенгиз-Коргалжынского заповедника и низовьям р. Нуры. Этот регион насыщен средневековыми сакральными объектами. К числу вновь открытых объектов относятся крупные казахские поселения усадебного типа. Они расположены по берегам небольших пресных озер. Авторы делают вывод, что их концентрация свидетельствует о значительной заселенности края в конце XIX – начале XX вв. Кроме фиксации новых памятников, выборочно были проведены рекогносцировочные раскопки. При обследовании средневековых культовых и поселенческих объектов на территории Коргалжынского природного заповедника, внимание привлекли курганные могильники, выделяющиеся надмогильной конструкцией, топографией, планировкой. Описан результат разведочного раскопа одной из насыпей могильника на правом берегу р. Нуры, у кордона Кызыл Мешит.

Авторы главы считают, что изложение экспедиционных исследований

по месяцам необходимо, т.к. многое забывается. В первой главе приведено описание археологических памятников по р. Силеты, притокам р. Ишим: Жабай, Карасу. Текст сопровождается космоснимками маршрутов с нанесением открытых объектов. Каждый памятник зафиксирован фотографиями, не все они вошли в монографию, но будут включены в отчет полевых исследований Ишимской археологической экспедиции. В целом за три года 2018-2020 гг. пройдены десятки тысяч километров по северной Сарыарке, зафиксировано около сотни новых объектов, выделены районы концентрации и в конце главы отмечены новые направления научных поисков, вытекающие из результатов экспедиционных работ.

Вторая глава «Физико-географическая характеристика и типология культурных ландшафтов Северной Сарыарки» (авторы К.С. Сапарова, Г.К. Букешева) содержит физико-географическую характеристику региона, необходимую для грамотного описания сакрального ландшафта Сарыарки. Как отмечается в главе, археологическое описание должно предваряться характеристикой ландшафта с описанием рельефа, водных ресурсов, и, в целом, природных условий. При систематизации и анализе авторы использовали историко-географический метод, как способ изучения и реконструкции древних природных условий, обусловивших процесс формирования сакрального ландшафта. Кратко отмечено, что палеогеографические методы применяются в исследованиях Нура-Ишимского региона

уже столетия. По ним воссозданы основные изменения климата суббореального и субатлантического периодов, представлены периоды аридизации, увлажнения, приводившие к смещению границ ландшафтных зон. Работы в этом направлении сохраняют актуальность и в современной деятельности. Авторы упоминают о взятии на анализ почвенных грунтов кургана 2 могильника Куйгенжар и курганов Шубар, использование методов радиоуглеродного датирования по костным остаткам.

Вторая часть второй главы посвящена типологии культурных ландшафтов. Этот раздел необходим для соотношения понятий культурный ландшафт и сакральный ландшафт. Которое из них основное, которое является подвидом. Включение понятия *культурный ландшафт* в географическую науку произошло сравнительно недавно и вызвано осознанием, что ландшафт – это природно-культурный комплекс. В формировании его одинаково принимали участие человек, геологический процесс, природа. Авторы приводят историографию изучения ландшафта и содержание концепции культурного ландшафта.

В историографии выделены этапы формирования концепта *культурный ландшафт*. Ландшафтоведение изначально являлось исследовательским полем географии. Изучение пространственных различий между регионами Земли с точки зрения их культурной самобытности привело к оформлению культурной географии. Постепенно в культурную географию стали проникать методы гуманитар-

ных наук, прежде всего семиотические и философско-культурологические. Культурная география стала междисциплинарным разделом географических исследований, важным стало отражение своеобразия места в территориальной системе. Так зародился концепт «культурный ландшафт», как единство природных и культурных компонентов, как результат преобразования природного ландшафта человеческой деятельностью. В этом смысле культурный ландшафт понимается и исследуется как природный ландшафт, измененный человеческой деятельностью и дополненный ее артефактами. Географическое поле исследований стало совмещаться с разработкой этнографической концепции хозяйственно-культурных типов в этнической экологии. Появилось направление этнокультурного ландшафтоведения.

Авторы логически переходят к соотношению культурного и сакрального ландшафта. Они пишут, что необходимость сохранения культурного наследия в ландшафте породило понятие сакральный ландшафт. Сакральный ландшафт понимается как часть культурного, одухотворенного человеческим сознанием, мыслью и деятельностью. Материальные факты сакрального в ландшафте исследуются археологией, т.к. объективными, визуальными компонентами ландшафта являются виды археологических памятников: крепости, древние храмы, некрополи, памятники наскального искусства. Именно археология стала важным условием исследования понятия «сакральный ландшафт».

Разработка этого направления в монографии подробно представлена во второй главе. В ней указано, что сакральный ландшафт является подвидом культурного ландшафта, среди сакральных ландшафтов важное место занимают мемориальные ландшафты и реликтовые. Эти подвиды имеют отношение к археологии. Приведены примеры самых знаменитых сакральных ландшафтов, святилищ с наскальными рисунками Тамгалытас, Каратау, Акбауыр, показано как воспринимается ландшафт с руинированными остатками протогородов бронзового века, элитных курганов сакского времени. В числе культурных ландшафтов самым крупным является Отрарский оазис – огромное историко-культурное пространство, формирование которого длилось сотни лет.

Третья и четвертая главы монографии, написанные М.К. Хабдулиной и Ж.Л. Бонорой содержат разработку теоретических проблем процесса сакрализации ландшафтов. В главах дана философско-культурологическая интерпретация причин, факторов, условий сакрализации ландшафта, приведены трактовки понятий «сакральный ландшафт» в западной и отечественной литературе и история оформления этого концепта в археологии.

В теоретической части работы над проектом продолжена разработка методологических подходов к историко-культурному содержанию понятий: сакральный ландшафт, *механизм* (процесс) *сакрализации*. Исследование этих понятий основано на фило-

софских методах научного познания: объективности и системности, моделирования культурологических процессов с опорой на данные письменной истории и этнологии. Обобщения и реконструкции наполнены репрезентативным материалом, полученным в результате конкретных археологических исследований, в первую очередь городища Бозок.

Результаты аналитической работы изложены в главе III «Механизм сакрализации ландшафта и функции сакральных ландшафтов в историко-археологическом контексте», автор М.К. Хабдулина. В ней приведена краткая характеристика культурного ландшафта двух изучаемых территорий, указано, что современный ландшафт – есть результат многовекового формирования. В его структуре есть наложения, добавления, т.е. это был длительно функционировавший процесс. Важным условием являются факторы, причины и условия сакрализации ландшафтов. С использованием культурологических и этнологических разработок показана роль ритуала в сохранении стабильности коллектива и формировании сакральных центров.

Название проекта требует развернутой характеристики типологии, генезиса и семантики сакральных ландшафтов. В монографии типология сакральных ландшафтов Сарыарки предложена на основе этноэкологического, семиотического подходов. В первой части третьей главы представлен механизм сакрализации. Для этого сначала изложена характеристика двух отдельных

локусов степной Сарыарки, типологически структурированных и насыщенных знаковыми объектами культового назначения, дано пояснение содержания основных дефиниций: сакральный, сакральный ландшафт, механизм сакрализации. С позиции теории культуры и истории развития древнего мировоззрения предложена реконструкция процесса сакрализации.

Эти теоретические вопросы рассмотрены на примерах культурных ландшафтов двух крупных историко-географических регионов: Акмолинского Приишимья и Тенгиз-Коргалжынского оазиса. По типологии эти районы включают несколько самостоятельных сакральных территорий, которые, в свою очередь, состоят из отдельных сакральных комплексов. Внутри них выделены сакральные центры. Сакральные территории различаются современным состоянием: Акмолинское Приишимье – это урбанизированный ландшафт, второй (ТенГиз-Коргалжынский) – заповедный. В монографии дано пояснение выбора этих двух топосов. Указано, что это своеобразная территория междуречья Нуры-Ишима, связующий порт культурно-исторических, этнологических процессов для всей Сарыарки. Это междуречье играло важную роль во все археологические эпохи, было транслятором и одновременно хранителем многих традиций и инноваций. Эта территория сыграла важную роль в этногенезе казахов и формировании казахской государственности от Улуса Жоши до Казахского ханства XV в.

В главе III подробно рассмотрен феномен сакрального центра Бозок для территории Верхнего Приишима. Эти трактовки и интерпретации относятся к важным методологическим разработкам авторов монографии.

Отмечено, что созидание сакрального ландшафта начинается с выбора благоприятного местообитания и осуществления комплекса мер, направленных на упорядочивание, структурирование природного ландшафта. Важную роль играет природный объект, постепенно приобретающий статус «священного»: гора, озеро, родник, река. Вокруг него разворачивается сценарий сакрализации. Постепенно территория обитания наполняется разнообразными культовыми и жилыми зонами, совокупность которых придает ей статус сакральности. Ландшафт заселяется культовыми мемориалами. В дальнейшем они становятся центрами поклонения, подпитки энергетических сил, передачи культурно-мировоззренческих ценностей и сохранения их в памяти поколений. Сакральные объекты получают свои названия, которые хранились в веках и дошли до нас как топонимы, оронимы, айконимы.

В главе IV «Теоретические концепции и практика в изучении сакрального ландшафта Евразии» представлен текст, написанный на английском языке самим автором – Жан Лука Бонорой и наш перевод на русский язык. Перевод выполнен К. Сапаровой и Г. Букешевой. Структура главы состоит из трех подпунктов: интерпретация сакрального пространства,

толкование священного времени, в поисках «несакрального» ландшафта и заключения.

Глава начинается с философского размышления, что понятие «сакральный ландшафт» всегда содержит фактор субъективного восприятия и представляется как «набор возможностей». На самом деле, это великолепное утверждение. Набор возможностей очень велик и в реальности зависит от цели, задач, методов изучения, научного опыта наблюдателя, исследователя и таит в себе множество возможностей. Автор делает замечание, что концептуальные установки казахстанских коллег в восприятии и интерпретации сакрального ландшафта обусловлены знаниями и традициями евразийской гуманитарной науки. (Из этого логически следует, что европейские научные школы в трактовке «сакрального» отличаются от наших интерпретаций).

По его мнению, цель проекта «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика» отражает мировоззренческие установки современных людей или современное состояние, содержание наших знаний. Результатом научно-исследовательской работы является концептуальное развитие понятия «сакральный ландшафт». Автор пишет, что при отсутствии письменных источников по древней и средневековой истории казахских степей, главным источником остаются археологические памятники, поэтому можно сказать, что речь должна идти об истории «ландшафтной археологии».

Для всестороннего исследования этого концепта необходим мультидисциплинарный подход с использованием разных методов анализа: метода картографии, топонимики, ретроспективного, конкретно-исторического методов. В качестве наглядного примера Ж.Л. Бонора использует сакральный пейзаж средневекового города Италии, где можно выделить перемещение сакрального центра в разные исторические периоды, увидеть объекты в виде храмов, церквей, замков и за этим увидеть смену религиозных воззрений: архаическое мировоззрение, введение христианства. В истории отдельно взятого города проступает наложение разных культурных традиций и складывается сложный, многокомпонентный сакральный ландшафт.

Автор считает, что говоря о сакральном ландшафте, необходимо исследовать и понятие «несакральный ландшафт». И здесь он делает замечание, что для степной Сарыарки – это практически невозможно. На самом деле, весь земной ландшафт содержит и хранит следы вековых изменений культуры, идеологии и при попытке осмысления сакрального и профанного можно привести слова Мирчи Элиаде: «... как только вы начинаете определять границы понятия священного, вы сталкиваетесь с трудностями – трудностями как теоретическими, так и практическими». В целом следует сказать, что наши отечественные подходы, как и представления европейских ученых, ведутся в одних и тех же исследовательских традициях.

Научные этапы работ включают результаты раскопок. В главе V освещены материалы исследования элитного кургана сакского могильника Куйгенжар, авторы главы Д.Т. Тлеугабулов, А.К. Гайса. Раскопки его были осуществлены в 2018 г. Глава содержит подробное описание процесса археологических работ. В конце главы приведен текст антропологической характеристики вводных погребений позднего средневековья. Анализ выполнен Е.П. Китовым. Описание вещевого инвентаря вводного погребения № 1 сделаны Б.М. Хасеновой при сдаче коллекции в фонды Национального музея РК.

Элитный курган на основе многочисленных аналогий представлен как сакральный храмовый центр раннего железного века. В конструкции и архитектуре кургана показаны этапность сооружения и способы организации сакрального подкурганного пространства. Погребальный объект имел сложную структуру наземной части и труднодоступную конструкцию подземной части (могильной ямы). Дно могильной ямы находилось на глубине 5 м от современной поверхности насыпи. К ней с востока вел входной коридор (дромос) длиной 6 м. Коридор был подземный и спускался ступенями вниз на глубину 3,5 м от уровня древней поверхности. В западном конце коридора была выкопана погребальная камера длиной 2,2 м, шириной 1,8 м, высотой около 1 м. Она располагалась поперек оси дромоса, т.е. по линии север-юг. На дне и в заполнении погребальной камеры были найдены кости скелета челове-

ка, фрагменты железных предметов (от ножа или кинжала?). По костным остаткам сделан радиоуглеродный анализ, давший дату VI-V вв. до н.э. Архитектура и детали конструкции дают картину сложной сакральной ритуалистики, существовавшей у населения раннего железного века Сарыарки.

Тема казахских кыстау занимает значительное место в монографии. Это новое направление казахстанской археологии обусловлено разработкой методологической проблемы хозяйственной структуры кочевников. Обращение к этой теме вызвано открытием и исследованием большого количества поселений раннего железного века. По топографии оседлых объектов выявлена закономерная близость их с поселениями нового времени. На основании этого делается вывод о палеоклиматической, ландшафтной ситуации второй половины голоцена, создавшей условия для появления оседлой культуры в кочевом обществе. За предшествующие десятилетия разведочных работ на территории Акмолинского Приишимья зафиксировано около 80 комплексов казахских домостроений.

Глава VI «Раскопки казахского поселения Саркырама» (автор А.Т. Дукомбайев) содержит описание раскопок поселения казахов нового времени Саркырама. Это первое археологически исследованное этнографическое поселение Северной Сарыарки. В монографии приведены чертежи жилищ, фотографии раскопок, по ним видны архитектура и строительное дело. Дома были по-

строены из сырцового кирпича. В вывотах сделан сравнительный анализ поселений разных ландшафтных зон Сарыарки. Указано, что поселение Саркырама относится к виду сезонных поселений *кузеу*. Поселение расположено у сопки Тайтобе, в урочище Майлы в месте, где в Нуру впадает ее правый приток Саркырама. Майлы – это род аргынов и данная территория принадлежала их родовому подразделению.

Можно утверждать, что исследованное нами поселение Саркырама находится в сакральном месте, с которым связана история строительства Акмолы и Акмолинской крепости. Здесь же разворачивались страницы национально-освободительной борьбы под руководством Кенессары Касымова. Еще ранее эта территория была местом пребывания чингизида Аблай хана и его сына Уали. Сам топоним Тайтобе встречается в легендах и устных эпосах казахов и киргизов.

На сопке Тайтобе находятся курганы раннего железного века. У северо-западного подножия сопки расположено обширное мусульманское кладбище. Концентрация разнообразных видов древних и средневековых памятников свидетельствует о сакральности ландшафта, многовековом обитании здесь казахов, сохранении генетической памяти о предках. Скопление разнообразных памятников сакрализует окружающий г. Нур-Султан ландшафт и показывает значимость этой территории в истории страны.

Отдельная глава монографии посвящена истории первых разведоч-

ных экспедиций на территорию казахских степей – глава VII «Сакральные объекты Сарыарки в путевых записках И.П. Шангина (1816 г.)», автор Т.В. Кошман, М.К. Хабдулина. Это была крупная разведочная акция царской России (1816 г.) по поиску рудных богатств Киргизского края и выявления удобных маршрутов через степь в Среднюю Азию. По ходу экспедиции И.П. Шангин вел описание всех достопримечательностей: ярких природных объектов, старинных руин, фиксировал их топонимику, приводил легенды, мифы. Топонимика в его воспроизведении дошла в искаженном виде, но стала для нас основой составления карты маршрута экспедиции И.П. Шангина. Показаны сакральные объекты, которые в наше время стали объектами масштабных археологических исследований. Прежде всего – это некрополь Батагай и средневековое городище Бозок. Сам топоним «*Бузок*» не упоминается в дневнике И. Шангина. Есть данные об осмотре пространства от Нуры до р. Ишим с выходом к сопке Акмола (Тайтубе). В 1830 г. по генеральным картам, составленным экспедицией И.П. Шангина, на правом берегу р. Ишим, у брода Караоткель был построен казачий Акмолинский форпост (ныне г. Нур-Султан), на территории которого в 1998 г. обнаружен культовый объект – городище Бозок VII-IX вв.

Глава VIII «Натурное обследование культовых мемориалов Приишимья периода Казахского ханства», авторы Т.В. Кошман, А.Т. Дукомбайев, в первой части содержит описание

важного сакрального объекта г. Нур-Султана – казахского зирата Караоткель. Это один из самых старых и известных некрополей на территории Нур-Султана, расположен на правом берегу р. Ишим. История изучения некрополя подтверждена картами XIX – XX вв. Его размеры, топография, планировка были известны еще до основания Акмолинской крепости (1830 г.). Тогда он находился вне крепостных стен и имел довольно большую площадь. История некрополя Караоткель привлекает внимание исследователей загадкой даты основания зирата. Найдено надгробие датированное началом XVII в. Территория кладбища была закрыта в 1962 г. По надгробиям сделан подсчет захоронений. Их более 10 000. По сути, это сакральный объект полиэтнического населения Казахстана. Здесь не только мусульманские захоронения, но и могилы представителей других вероисповеданий. По мнению историков, здесь захоронены сарбазы Кенесары, штурмовавшие казачий Акмолинский форпост в 1838 г. В главе представлена топография могил, по анализу текстов надгробий выявлены первоначальные границы некрополя, показано расширение территории в последующие периоды функционирования.

Кладбище функционировало с XVII – до середины XX в. и вошло в список сакральных объектов Казахстана национального значения. Подробно изложена история изучения этого памятника, сделаны фотографии, подсчет могил, осуществлена хронологическая топография территории некрополя. В главе приве-

ден картографический материал XIX – начала XX вв., по исторической и этнологической ситуации округа г. Нур-Султан. Объект несет в себе историко-архитектурную, научную, мемориальную ценность и занимает особое место в сохранении генетической памяти народа. Авторы главы отмечают, что зират Караоткель – объект национального значения вошел в сводку сакральных объектов Казахстана.

Вторая часть главы VIII содержит характеристику основных сакральных центров округа г. Нур-Султана. В настоящее время – это ландшафт урбанизированный, сакральные объекты сохранились как осколки, редкие знаки-символы ландшафта, созданного в позднем средневековье. Интерпретация и реконструкция их истории основана на сочетании комплекса сведений историко-этнологического, картографического, археологического характера. В главе приведены этнографические описания быта казахов XIX в, оставленные чиновниками российской царской администрации, путешественниками, исследователями края. По ним видна высокая плотность заселения, обусловленная природными факторами (речные системы, озера, великолепные пастбища) и геостратегическим положением на караванных, пастбищно-кочевых, миграционных путях. Эти данные подкреплены картографическим материалом с нанесением топонимов, айконимов, границ хозяйственных владений отдельных родов.

В главе IX «Степи Сарыарки как этническая территория казахской го-

сударственности», автор М.К. Хабдулина, на основе археологических источников с привлечением письменных и картографических данных обоснован сакральный статус степной Сарыарки как этнической территории казахской государственности. Указано, что материальным выражением этого феномена является скопление в Нура-Ишимском регионе династических мемориальных ансамблей чингисидов от эпохи Улуса Жошы до Ак Орды.

Новым источником выявления и обоснования сакральных объектов, исторических факторов формирования сакральных центров стал картографический материал XIX - начала XX веков. Во второй половине XIX в. стали создаваться десятиверстные карты территории современного Казахстана. Геодезические работы на протяжении многих десятилетий проводили военные топографы Генерального штаба царской России. Ценность карт заключается в том, что на них запечатлена исконно казахская ландшафтная топонимика с нанесением местных гидронимов, омонимов, айконимов. Приведены наименования зимовок, урочищ, озер, на многих из них дополнительно указаны названия культовых мемориалов, существовавших ранее. В настоящее время этот архив карт является надежным источником реконструкции и уточнения сакрального ландшафта Сарыарки.

Главы монографии написаны с позиции реализации цели и задач проекта. Цель научно-исследовательской работы: исследование геокультурного пространства северной Сарыарки,

выявление границ особых сакральных ландшафтов и изучения форм бытия культуры в ландшафте. В главах монографии предпринята типология сакральных ландшафтов, показан генезис, большое место уделено семантике сакральных ландшафтов Сарыарки.

Сарыарка представлена как особый сакральный локус, культурный ландшафт которого сформирован тысячелетней деятельностью предшествующих поколений. Каждая историко-культурная эпоха оставила на этом пространстве свои культовые сакральные центры. Изучение факторов и условий их появления, формирование структуры, связь с определенными периодами и эпохами, причинность и длительность оформления их в особые сакральные ландшафты – основная идея проекта. И она выполнена.

В реализации проекта принимали участие магистранты и докторанты специальности «Археология и этнология» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Вовлечение в проект молодых научных кадров, докторантов, магистрантов и их практическое участие в выполнении конкретных задач является важным обучающим фактором. В рамках работы по проекту возрастают теоретический и практический опыт научных исследований молодых ученых.

В монографии в качестве иллюстраций приведены фотографии экспедиционных работ, чертежи раскопов, карты. Внутри каждой главы принята сквозная нумерация иллюстраций. В подрисуночных подписях номер главы указан римскими цифрами, порядковый номер рисунка арабскими цифрами.

ГЛАВА I. ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2018-2020 гг.

Д.Т. Тлеугабулов, А.Т. Дукомбайев, Ж.Л. Бонора

Сарыарка – огромный по площади природно-географический материк, состоящий из комплекса различных ландшафтов. Высокогорья отдельными оазисами расположены среди мелкосопочного и равнинного рельефа. Ландшафтная неоднородность обусловила своеобразие культурных и исторических процессов, направления культурных связей и облик культурных традиций. Запад Сарыарки – Улытау, в древности в культурном отношении близок Приаралью и Южному Приуралью. Регион Шынгыстау имеет тесные связи с Семиречьем и Казахским Алтаем. Степная полоса Сарыарки подвержена культурным связям меридионального характера.

Предметом изучения по проекту 2018-2020 гг. выбрана северная Сарыарка (столичный регион), в пределах которого основное внимание уделяется двум отдельным сакральным территориям: верховье р. Ишим и Тениз-Коргалжынский оазис. Цель данного исследования – поиск и фиксация археологических памятников древности и средневековья в изучаемом районе.

Одним из ключевых факторов, играющих роль в процессе расселения человеческих коллективов, является наличие водных ресурсов. Тем более важным этот фактор становится в

условиях аридной степи. В этом свете, система озер Тенгиз-Коргалжынской впадины и верховья р. Нура являются привлекательными для расселения, как в древности, так и в настоящее время. Однако, до сих пор данная территория остается малоизученной.

Сарыарка – огромный по площади природно-географический материк, состоящий из комплекса различных ландшафтов. Высокогорья отдельными оазисами расположены среди мелкосопочного и равнинного рельефа. Ландшафтная неоднородность обусловила своеобразие культурных и исторических процессов, направления культурных связей и облик культурных традиций. Запад Сарыарки – Улытау, в древности в культурном отношении близок Приаралью и Южному Приуралью. Регион Шынгыстау имеет тесные связи с Семиречьем и Казахским Алтаем. Степная полоса Сарыарки подвержена культурным связям меридионального характера.

Предметом изучения по проекту 2018-2020 гг. выбрана северная Сарыарка (столичный регион), в пределах которого основное внимание уделяется двум отдельным сакральным территориям: верховье р. Ишим и Тениз-Коргалжынский оазис. Цель данного исследования – поиск и фиксация ар-

Рис. 1.1 Территория экспедиционных работ 2018 -2020 гг.

хеологических памятников древности и средневековья в изучаемом районе.

Одним из ключевых факторов, играющих роль в процессе расселения человеческих коллективов, является наличие водных ресурсов. Тем более важным этот фактор становится в условиях аридной степи. В этом свете, система озер Тенгиз-Коргалжынской впадины и верховья р. Нура являются привлекательными для расселения, как в древности, так и в настоящее время. Однако, до сих пор данная территория остается малоизученной.

В период с 18 по 30 июня 2018 года было проведено разведочное археологическое обследование на территории Коргалжынского райо-

на Акмолинской области. Были обследованы берега озер Коргалжын, Султанкельды, и небольшой отрезок берега р. Нуры у с. Коргалжын. Был осмотрен некрополь (или городище?) Ботагай XIV-XV вв. Руины его расположены на левом берегу р. Нуры, заново проинспектирован мавзолей Жанибек Шалкар, расположенный на высоком коренном берегу озера Жанибек-Шалкар, в 20 км восточнее поселка Коргалжын. Данный объект был исследован отрядом НИИ археологии им. К.А. Акишева в 2009-2010 гг. (Хабдулина, Бонора, 2015, с. 91-97). До раскопок мавзолей фиксировался на поверхности распашки покрытой бурьяном, как небольшой бугор, поверхность которого покрыта

значительным количеством фрагментов жженого кирпича, а также осколков глазурованной плитки со штампованным орнаментом.

Далее маршрут прошел вдоль восточного и северного берегов озера Султанкельды. Были зафиксированы два зирата, одна усадьба с хозяйственным загоном (*кыстау*). В ходе проведения разведки был зафиксирован ряд объектов, ранее не известных для этого региона. Это загадочные поперечные рвы, тянущиеся от береговой линии озера в степь. От заповедника Каражар, который стоит на озере Султанкельды, на север вдоль берега мы насчитали 3-4 таких рва. Длина их от 50 до 300 м, ширина около 2 м (рис. 1.2). Расстояние между такими рвами варьируется от нескольких десятков до нескольких сот метров. Какой-либо связной системы их расположения не выявлено. Рвы к

настоящему времени заплыли, дно их покрыто гидрофильной растительностью. Глубина на данный момент не превышает 1 м. Важным и непонятным остается вопрос предназначения этих конструкций. Очевидно, что они не были предназначены для орошения возделываемых культур, т.к. почвы в данной местности заболоченные и солончаковые. Неубедительным выглядит и довод в пользу использования этих арыков для водопоя скота. Скот имеет свободный доступ к воде вдоль берегов водоемов. Наиболее вероятным выглядит предположение, что эти каналы использовались в качестве ловушек при загонном способе охоты. При осмотре вокруг и сверху (съемка дроном), мы решили, что это сооружения для облавной охоты, типа стреловидных планировок плато Устюрт. Возможно, они построены в XIII-XV вв.

Рис. 1.2 Ров, протянувшийся от озера Султанкельды. Вид сверху

Краткая история изучения некрополя Батагай. Во время разведочных работ 2018 г. внимательно осмотрели и сделали съемку дроном некрополя *Батагай*. Мавзолей Батагай – один из наиболее известных погребальных памятников средневекового периода степной Сарыарки. Расположен он в низовьях реки Нуры, в 2 км к востоку от поселка Коргалжын, в 1 км от русла реки.

Средневековый объект под названием «городище Ботагай (Бытыгай)» упоминается в путевых записках офицеров Российского Генштаба, в трудах дореволюционных топографов и историков. Первое описание было сделано П.И. Рычковым (1762 г.) в его знаменитом труде, посвященном Оренбургскому краю (Рычков П., 1762, с. 259-263), и затем повторяется у А.И. Левшина, Ч. Валиханова. Сам П.И. Рычков в Центральном Казахстане не был, памятники этого района были описаны им по материалам предшествующих экспедиций, рассказам путешественников и русских людей, побывавших в казахских степях. Тем не менее, его труд до сих пор не потерял своей научной ценности. Обмеры руин мавзолея были сделаны в 1831 г. сотником Сибирского линейного казачьего войска А. Шахматовым.

Одним из самых известных описаний Батагая является заметка инженера И.П. Шангина, опубликованная в 1820 г. (Шангин, 1820). Он описал большое количество архитектурных сооружений в долине реки Нуры. В частности, про мавзолей Ботагай он пишет: «Оно построено из кирпича;

внутри его находятся столбы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены, имеющие вместо связей четверугольные сосновые брусья в два вершка в поперечнике, для большей прочности, обожженные и покрытые камышом» (Шангин, 1820).

Мавзолей был принят И. Шангиным за развалины городского храма, а окрестный некрополь – за руины древнего города. Эта заметка вызвала волну интереса у исследователей, пытавшихся найти этот загадочный город. С этой целью работы в этом месте проводила Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А.Х. Маргулана в 1947 и 1949 гг. XX века. Никаких свидетельств существования древнего города, за исключением небольших поселений и обширных гробниц, обнаружено не было (Маргулан и др., 1966, с. 29).

Но, тем не менее, А.Х. Маргулан локализует на месте городища Батагай таинственный город *Aqsxint* – Акша-Кент, отмеченный на средневековых итальянских картах, в частности, на карте Пицигани, а также на Каталонской карте. На последней этот город показан как торговый центр на караванных путях из Сарайчика в Алмалык, через Тургайские и Сарысуйские степи (Маргулан и др., 1966, с. 10). Первые разведочные раскопки произведены в 1974 г. Коргалжынским отрядом ЦКАЭ под руководством М. Семби.

В 2006-2009 гг. руины мавзолея вторично исследованы отрядом РГП «Казреставрация» с участием научных сотрудников М. Семби и

Ж. Шайкен. Было открыто основание мавзолея, печь для обжига глазурованной терракоты. На прилегающей территории зафиксированы остатки строений и мусульманские могилы. Однако в самом мавзолее могильная яма не обнаружена. По мнению исследователей, мавзолей датируется XV-XVI вв. и является «поминальным храмом зороастрийских традиций» (Семби, 2015, с. 153). В 2012 г. на территории археологического объекта «городище Батагай» специалисты-реставраторы РГП «Казреставрация» по материалам предшествующих раскопок (1974; 2006-2009 гг.) возвели мавзолей (<https://e-history/kz.>). Мавзолей портално-купольный построен из жженого красного кирпича, фасад обращен на юго-запад. Говорить об исторической достоверности данной реконструкции сложно, так как не сохранились изображения мавзолея до его разрушения.

Как пишут авторы, наиболее ценным материалом для реконструкции представляются чертежи из архива Ш. Уалиханова и «рисунок» А. Шахматова 1831 г., Сотник Сибирского линейного казачьего войска А. Шахматов в 1831 г. получил задание «описать древние развалины города Татагая». Задание это было выполнено, и сотник А. Шахматов представил начальству «рисунок древнего здания Татагая с особым описанием». При знаков же древнего города он не обнаружил. Рисунок этот дошел до наших дней (Сембин, 1975, с. 7).

Комментарий к нему оставлен в работе подполковника Красовского «Область сибирских киргизов»

изданной в 1868 году: «По его описанию могила Ботагая сохранилась почти в целости. Длина основания кирпичного корпуса могилы 5 саж., ширина 4 саж; высота 3, до стоящего над корпусом купола 2, всего 5 сажень, внутри корпус имеет тоже прямоугольное основание; по стенам могилы 3 большие ниши, и над каждою три малые; стены внутри выштукатурены и выбелены. В основании купола 4 отдушины, каждая высотой в 1 аршин, шириною 3/4 арш. В основании могилы заметна кладка в два ряда брусьев, добытых вероятно из ближайших ущелий. Кирпич имеет форму квадрата в 6 вершков по стороне; толщина его вершок. Сведения эти и план могилы Ботагая можно найти в тех топографических описаниях степной местности, составленных офицерами сибирского казачьего войска, которые в числе 7 тетрадей, хранятся в архиве генерального штаба под номером 33363» (Красовский, 1868, с. 254).

Большой интерес представляют статьи Ш.Ш. Уалиханова о киргизкайсацких «молах». «В кайсацкой моле, и около нее выражается весь вкус кайсака, его искусство в архитектуре, его резьба и живопись», пишет Уалиханов. Он дает высокую оценку архитектурному искусству казахского народа. Помимо собственных исследований Ш.Ш. Уалиханова, в третий том вошел его архив, в котором можно найти весьма ценные и редкие материалы по истории народов Средней Азии и Казахстана. План и разрез мавзолея Бутагая из архива Ш. Уалиханова являются графическим материалом.

Описывая Кенгирские мавзолеи ученый говорит: «Эти могилы такая редкость, какая во всей степи уже не повторяется, кроме Нуры, недалеко от устья которой лежит могила Ботагай; о ее устройстве я ничего положительного не имею». По-видимому, ученый не успел осмотреть этот замечательный памятник (Маргулан, 1967, с. 202).

Эти чертежи дают общее представление о типе купольного мавзолея. Возможно, имелся развитый портал, о чем говорит наличие боковых камер со стороны главного фасада. По чертежу Шахматова ясно видно наличие четверика, выполненного для перехода к восьмерику. Купол опирался на восьмигранный барабан, угловые грани которого перекидывались через углы квадратного помещения арками, образуя собой так называемые арочные паруса. Три ниши в помещении,

зафиксированные в чертежах и отмеченные многими исследователями, позволяют сравнивать этот памятник с мавзолеем Алаша-хана. Эпиграфический орнамент, завоевавший в декоре зданий значительное место в мавзолеях Средней Азии уже в X веке, получает дальнейшее развитие и в степях Казахстана. А.Шахматов, не знавший восточных языков, постарался срисовать эпиграфику мавзолея Ботагай, но к великому сожалению, с это задачей не справился и надпись до сих пор является загадкой (Семби, 2015, с. 153).

Далее исследователь делает выводы об итогах изучения мавзолея. Мавзолей Ботагай ориентирован главным фасадом на юго-запад. Как и на многих средневековых мавзолеях здесь отсутствует фундамент. Его отсутствие заменялось тщательным подбором холма, на котором строился

Рис. 1.3 Некрополь Ботагай. Осмотр 2018 г.

мазар. Почва должна была содержать в основном устойчивые породы и легко пропускать влагу.

Толщину стен трудно определить, поскольку внутренняя часть остатков стен сооружения сильно разрушена, но все же, по остаткам можно предположить, что толщина ее составляет около 80-90 см. Мавзолей сильно разрушен, что затрудняет по результатам археологических раскопок решить вопрос о планировке его в целом, выяснить применение разнообразных строительных конструкций, материалов и др. (Семби, 2015, с. 152-153).

В 2018 г. в результате проведенных нами исследований на месте развалин средневекового мавзолея также никаких признаков оседлого поселения не обнаружено. Мавзолей Батагай расположен в центре обширного некрополя, который на данный момент представляет из себя едва различимые на поверхности земли всхолмления. Представляется вполне очевидным, что русские ученые-путешественники, в том числе И.П. Шангин, не знакомые со спецификой возведения подобных надмогильных сооружений, принимали их развалины за руины стен городов.

Использование фотографий, сделанных с высоты птичьего полета, позволило нам более детально рассмотреть и выделить наземные конструкции некрополя (рис. 1.3). В первую очередь, следует отметить наличие развалов двух крупных сооружений. Одно из них – непосредственно сам мавзолей Батагай, исследованный специалистами «Казреставрации» в 2007 году (Семби,

2015, с. 153). В 100 м юго-западнее от него расположены развалины еще одного крупного сооружения, круглого в плане, диаметром около 7 м. Вероятно, это развалины второго храма, упоминаемого И.П. Шангиным: «Близ его храма приметны следы другого подобного, а далее в восточную и западную стороны находится множество развалившихся зданий, из коих некоторых основание составляет до 300 сажень в длину, и в совокупности издали представляются они известковыми горами» (Шангин, 1820).

В 10 м к северу от мавзолея находятся остатки кирпичеобжигательной печи, также подвергнутой раскопкам. В непосредственной близости от нее расположены две ямы, выбранный грунт из которых, вероятно, использовался в качестве сырья для производства кирпичей.

Обломки кирпичей разного размера и разной степени сохранности в большом количестве встречаются в подъемном материале на территории вокруг мавзолея. По обнаруженным находкам выявились размеры кирпичей, использованные при строительстве памятника: 22×11×4,5 см; 22×11×4 см; 35×22×5 см, а также квадратные 22×22×5 см. Все кирпичи хорошего обжига (Семби, 2015, с. 153). Встречаются фрагменты поливной терракоты. Она, вероятнее всего, украшала порталную часть мавзолея.

Четко обозначить все погребения данного некрополя довольно сложно. Как уже было отмечено, все они представляют из себя небольшие, до 4 м в диаметре, округлые или оваль-

ные земляные оградки. Размеры и форма их проступают по обкладке из жженого кирпича. При осмотре могильника с высоты можно определить его примерные масштабы: погребения локализируются на площадке размерами около 100x100 м к юго-западу от его развалин, то есть напротив порталной части стоявшего некогда мавзолея. Нами выделены не менее 76 оградок разного размера в этой части некрополя.

Определить наличие погребений с северной и западной сторон от развалин мавзолея невозможно в силу проведения там строительных работ, связанных с реконструкцией мавзолея, представляющей собой, по сути, возведение полностью нового сооружения, т.н. «новострой» (рис. I.4).

Еще одним интересным объектом некрополя является сооружение, расположенное в 120 м к северо-востоку от мавзолея. Этот объект представляет собой круглую в плане оградку диаметром 8 м. Стены оградки выполнены из сырца, развалы стен мощные, шириной 2,5-3 м. С восточной стороны оставлена перемычка шириной около 1 м.

Дискуссионной проблемой является расхождение между письменными сведениями, что это «великий город ... с весьма много развалившихся каменных строений», и результатами археологического исследования, при котором какие-либо остатки жилищ не фиксируются. Однако, если есть мусульманский некрополь, то где-то поблизости должен быть и город. Тем

Рис. I.4 Реконструкция мавзолея Батагай

более, что он расположен в устье р. Нуры, на трассе караванных торговых маршрутов. И название города *Agxhint*, приведено на Каталонской карте и карте Фра-Мауро (1459 г.) М. Семби, вслед за А.Х. Маргуланом, читает его как «Акша-Кент». Следовательно, стоит задача тщательного осмотра низовьев р. Нуры, что планируется сделать в следующие полевые сезоны.

В июле-сентябре 2018 г. были произведены раскопки трех объектов на территории г. Нур-Султан. Это памятники, вошедшие в список сакральных объектов Астаны, но оказавшиеся под антропогенным разрушением: могильник раннего железного века Куйгенжар, могильник Шубар, и позднесредневековое поселение Саркырама. Памятники включены в Свод памятников историко-культурного наследия г. Астаны (2011 г.) Там же указаны их географические координаты. При исследовании выяснилось, что объект Саркырама ошибочно был принят за раннесредневековый могильник. На самом деле – это сезонное поселение казахов типа күзеу.

1. Могильник раннего железного века Куйгенжар расположен на высоком мысу правого берега реки Ишим, на 25 км отметке шоссе Нур-Султан-Караганда ($51^{\circ}14.105' N$; $071^{\circ}38.672' E$). На площадке мыса в древности были возведены 5 крупных курганов. Четыре кургана тянутся цепочкой по линии СЗ-ЮВ вдоль береговой террасы Ишима. Пятый курган находится в 35 м восточнее кургана №1, и в настоящее время оказался на территории современного казахского кладбища.

Исследования на данном памятнике проводилось в 1999 г. археологической экспедицией Целиноградского областного историко-краеведческого музея под руководством В.С. Волошина. Раскопки были неполными, так как после снятия бульдозером восточной половины насыпи кургана №1, выяснилось, что могильная яма была неоднократно ограблена. После чего дальнейшее исследование было приостановлено. Следующий этап исследований могильника осуществлен в 2005 году. Были раскопаны четыре кургана (№ 1, 3-5) (Свиридов, 2006, с. 40-48). Курган № 2 не исследовался, т.к. наверху насыпи фиксировалась огромная грабительская траншея длиной 2 м.

В последующие годы периодически производился мониторинг состояния памятника (Баранчук, Исаков и др., 2015, с.37-39). В 2018 г. в связи с разрастанием территории мусульманского кладбища и проникновения современных могил на восточную подошву древнего кургана возникла необходимость полного исследования кургана №2 могильника Куйгенжар. На основании Соглашения о научном сотрудничестве между НИИ археологии им. К.А. Акишева и Международной Ассоциацией средиземноморских и восточных исследований (ISMEO, Рим) в исследовании кургана №2 могильника Куйгенжар принимал участие наш зарубежный коллега, археолог из Италии Жан Лука Бонора. Его вклад в научный анализ выразился в определении ДНК по зубам вводных погребений, обнару-

женных в насыпи кургана, и их радиоуглеродной датировке.

Курган 2 могильника Куйгенжар имеет высоту 3,5 м, диаметр 45 м. Поверхность насыпи задернована, склоны покрыты каменным панцирем. Вершина кургана уплощена и поперек ее поверхности по линии запад-восток тянется грабительская траншея длиной 11 м, шириной 4 м, глубиной около 1 м (в 2005 г. траншея была длиной 2 м).

До раскопок при помощи дрона был вычерчен топографический план, сделаны снимки поверхности кургана и окружающего пространства. Вскрытие насыпи кургана 2 могильника Куйгенжар проводилось с помощью бульдозера. Оставлены две бровки по линии север-юг так, чтобы центр кургана с грабительской траншеей был снят. Расстояние между бровками составило 9-13 м. При вскрытии насыпи в верхних слоях, без определенного порядка было обнаружено 7 вводных захоронений. Одно из погребений по обнаруженным предметам украшений (серьги, серебряные пряжки) датируется ранним средневековьем (IX-XI вв.). Оставшиеся шесть погребений по признакам погребального обряда относятся к позднему средневековью и могут датироваться XIV-XVI вв.

Под насыпью кургана расчищена подземная катакомба с дромосом длиной 6,2 м. Входная яма и дромос ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. В конце дромоса была сооружена погребальная камера размерами 2,2x1,8 м, ориентирована длинной осью север-юг. Дно ее

находится на глубине 3,5 м от уровня древней поверхности.

Курган по своим размерам относится к категории элитных царских курганов эпохи раннего железа. На дне и в заполнении погребальной камеры были обнаружены разрозненные кости скелета человека. Тазовые и трубчатые кости отправлены на радиоуглеродный анализ. Полученные даты относят курган к раннесакскому времени.

2. Вторым объектом исследования Есильской археологической экспедиции являлся могильник Шубар, географические координаты: 51° 00' 11''N; 71° 19', 36,8'' E. Могильник располагается в 2 км севернее с. Шубары и в 3 км северо-западнее с. Коянды Целиноградского района. При разведочных работах 2006-2007 гг. этот памятник вошел в список объектов г. Астаны.

Могильник из двух курганов находится на вершине сопки, с которой хорошо просматривается окружающий ландшафт. Насыпи земляные диаметром 16 м, высотой 0,5 м, расстояние между ними – 8 м. Насыпи курганов вскрывались вручную с полным выносом грунта за пределы могильника. В профилях бровок обоих курганов четко фиксировался слой древней погребенной почвы. Материк в виде щебня был испещрен темными пятнами, что заставило прокопать его в центре подкурганых площадок еще на 0,5 м, однако могильные ямы не обнаружены.

3. Третий объект исследования 2018 года поселение Саркырама. Памятник находится на правом берегу

речки Саркырама, в 4 км к северо-западу от с. Косши (с.ш. 51° 00' 11", в.д. 71° 19', 36,8"). С территории памятника хорошо видны современные поселки Косшы, Тайтобе. На пологой поверхности берега р. Саркырама зафиксированы 4 насыпи, расположенные в ряд по линии запад–восток. Расстояние между сооружениями от 8 до 20 м. В центре насыпей глубокая западина прямоугольных очертаний, размерами примерно 3x2 м. Западины ориентированы широтно. Вокруг них фиксируется широкое кольцо насыпи. По внешнему виду объект был принят за средневековые погребальные ограды и обозначен как могильник. В процессе раскопок установлено, что это не могильник, а развалы казахских жилищ конца XIX в.

Исследованный поселенческий объект наглядно свидетельствует о существовании у казахов Акмолы нескольких видов поселений. Раскопки поселения Саркырама открывают новый вид сезонного обитания – «күзеу», а также свидетельствует о сезонном оседлом обитании казахов, наличии у них стационарно построенных домов, и навыках сырцово-архитектуры.

По результатам археологических работ 2018 года три объекта историко-культурного наследия г. Астаны исключены из списка сакральных памятников столицы. Местоположение их свидетельствует о значимости этой территории в предшествующие эпохи и заселенности современной территории Нур-Султана в I тыс. до н.э.- II тыс. н.э.

Полевые маршруты 2019 г.¹

Разведочные работы 2019 г. были начаты в июне и стали продолжением и уточнением изысканий, начатых в 2018 г. В течение лета было организовано несколько разведочных групп по Акмолинской области (Тлеугабулов, 2019). В июне масштабные поисковые маршруты были проведены в Тениз-Коргалжынском регионе по берегам озер Тенгиз-Коргалжынской озерной системы и реки Нура. В 2019 г. продолжилось сотрудничество с Международной Ассоциацией средиземноморских и восточных исследований (ISMEO, Италия, Рим). В июле и августе совместно с профессором Жан Лука Бонора были проложены поисковые маршруты по берегам степных рек, протекающих по Северной Сарыарке. Были обследованы берега рек Силеты и ее притоков: Карасу, Кедей, Акмырза, реки Жабай, а также берега озера Жаксы-Жангызтау.

В конце августа 2019 вместе с Жан Лука Бонорой и карагандинским археологом В.В. Варфоломеевым были осмотрены многие знаменитые сакральные объекты, раскопки которых продолжают археологи Караганды, Алматы. Это Кентский оазис, поселение Аккезен, элитные погребальные конструкции Каражартас, Ащису, Аксу-Аюлы. Результатом международ-

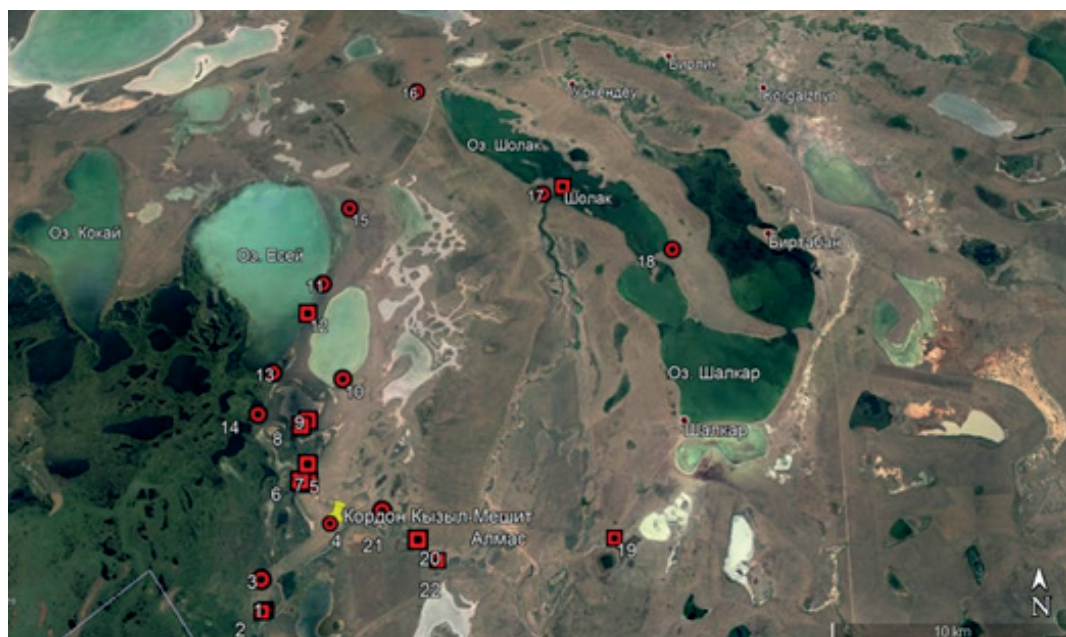
¹Исполнители проекта благодарят компанию VI Group в лице Асхата Омарова за оказание спонсорской помощи для проведения разведочных работ по Северной Сарыарке.

ного сотрудничества стали совместные научные отчеты.

Цель разведочных работ – поиск новых археологических памятников как компонентов сакрального ландшафта. Работы в Коргалжынском районе являются логическим продолжением проведенного в прошлом году исследования. В нынешнем се-

зоне обследованию подверглись берега озер Есей, Шолак, Когелем, Сухое, Жарсуат, Шубарсор, а также побережье реки Нура от поселка Коргалжын до ее впадения в озеро Коргалжын. Зафиксировано и нанесено на карту 23 объекта (Рис. I.5).

Интересным результатом полевых исследований, проведенных в ниж-

- могильники 1 Кызыл Мешит - 1 3 Кызыл-Мешит - 3 4 Кызыл-Мешит - 4 10 Жарсуат 11 Канай 13 Есей - 2 14 Есей - 3 15 Есей - 4 16 Есей - 5 17 Шолак - 1 18 Шолак - 2 21 Аккулын 2 22 Аккулын 3	- зимовки 1 Кызыл Мешит - 1 2 Кызыл-Мешит - 2 5 Кызыл-Мешит - 5 6 Кызыл-Мешит - 6 7 Кызыл-Мешит - 8 8 Құрғақ (Сухое) - 1 9 Құрғақ (Сухое) - 2 12 Есей - 1 19 Шалкар 20 Аккулын - 1

Рис. I.5 Карта исследованных объектов. 2019 г.

нем течении реки Нуры, является отсутствие памятников древних эпох при наличии большого количества поселенческих и погребальных комплексов позднего средневековья и нового времени. Нами сделан вывод о связи заселения этой территории с палеоклиматическими изменениями, т.е. с сильной увлажненностью местности в предшествующие эпохи, и, соответственно, невозможностью их хозяйственного использования. Но также мы должны упомянуть, что формирование позднего археологического ландшафта исследуемого региона могло быть вызвано начавшимися процессами седентаризации вследствие захвата и освоения земель Сред-

него Жуза колониальной администрацией Российской Империи.

В работе были применены методы дистанционного обследования археологических объектов, включающие в себя картографирование с указанием координат памятника в системе глобального позиционирования, описание, фотографирование. Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) при фотографировании позволило выявить новые типы памятников, а также обнаружить ранее не зафиксированные особенности у уже исследованных объектов.

Исследованные объекты Тенгиз-Коргалжынского региона поделены

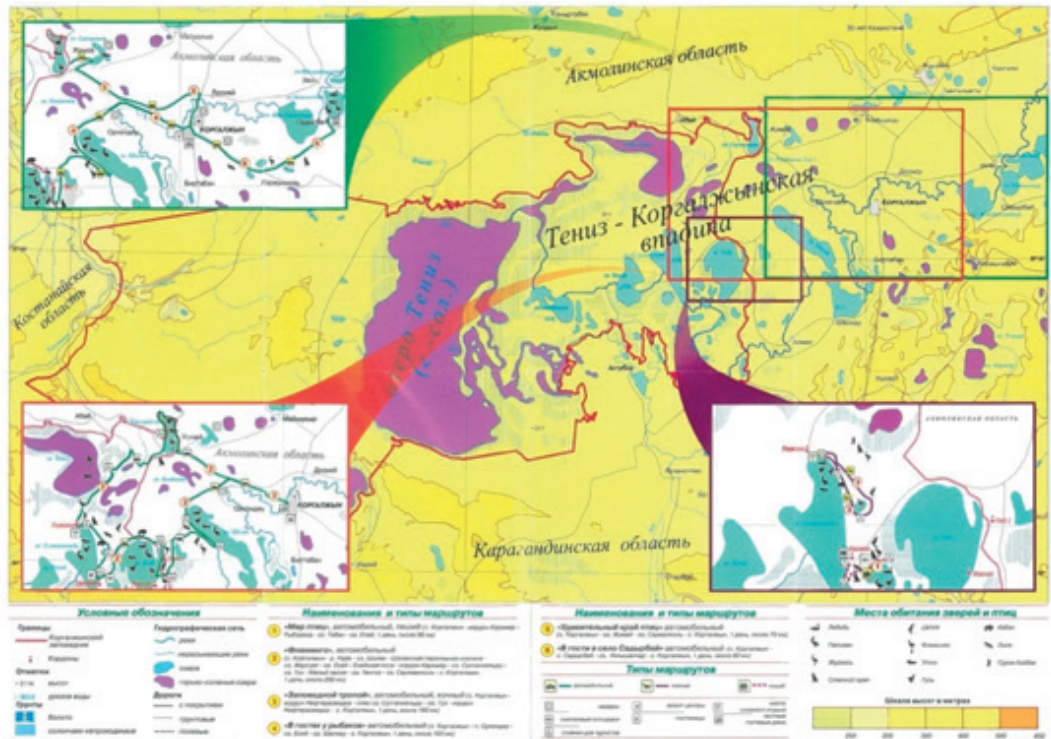

Рис. 1.6 Карта Коргалжынского заповедника

на 3 группы. Первая – это некрополи нового времени, включающие в себя сырцовые мавзолеи. Вторая группа – это казахские зимовки-кыстау, также относящиеся к новому времени. К третьей группе отнесены средневековые могильники.

Первая группа памятников.

Комплекс Кызыл-Мешит

Комплекс расположен на правом берегу р. Нуры, в 4,5 км на ЮВ от кордона Кызыл-Мешит. Длина огражденной территории (зирата) – 162 м, ширина – 77 м. Зират разновременный. Об этом свидетельствуют развалины различных погребальных конструкций. Зират разделяется ручьем, который тянется от русла р. Нуры с ЮВ стороны до мазара (мавзолея). Мавзолей сложен из сырцового кир-

пича. Крыша его имеет куполообразную форму. Вход с ЮВ стороны, коридорообразный треугольный, придерживался деревянными балками.

В северной части зирата расположены руины сооружения известного собственно как Кызыл-Мешит (Красная Мечеть), давшее название местности. Это прямоугольное сооружение размерами – 25x10 м. От него сохранились развалы стен высотой до 1,5 м и шириной до 2 м. В некоторых местах сохранились следы кладки из сырцовых кирпичей. Встречаются обломки красного обожженного кирпича, возможно, использовавшегося для облицовки, и впоследствии давшего название зданию. Внутренняя планировка визуально не фиксируется. В восточной широкой стене фиксируется проем шириной до 3 м. Вероятно, это был вход в комплекс (рис. I.7).

Рис. I.7 Зират Кызыл-Мешит

Зират Кызыл-Мешит-2

Расположен на расстоянии 1 км на юг от главного зирата (Кызыл-Мешит-1). В СЗ части стоит мазар более раннего периода, всего насчитывается более 30 погребальных сооружений. В СЗ углу зирата, судя по остаткам разрушенной конструкции, находилось погребальное сооружение из сырцового кирпича.

Зират Канай

Расположен на западном берегу оз. Есей. Обнесен железными столбами и огорожен колючей проволокой. Длина по С-Ю – 200 м, З-В – 100 м. На территории видны развалы крупных надмогильных сооружений. Вдоль западной стороны зирата в северной части тянется ряд крупных сооружений. Среди них выделяется сооружение, на котором расположен большой каменный обелиск батырам, участвовавшим в сражениях 1723-1727 гг. Надпись: Түгелбай руы Құттымбет Нұрбай руы Алыбай Бәйгісі руы Қанай.

Зират Есей 2

Зират расположен на возвышенном берегу оз. Есей. Южная могила обнесена железной оградкой, поставлен камень человеку из рода Канай, дата рождения – 1886, смерти – 1932.

Погребальные сооружения расположены довольно густо. Выделяются прямоугольные крупные развалы.

Зират Есей 3

Расположен на западном берегу оз. Есей в 8 км на юг от кордона «Камыш-завод». Территория зирата ограждена колючей проволокой. Площадь – прямоугольная. Длина – 250 м, ширина – 100 м. Территория поделена поперек ограждением из железных штырей и

колючей проволоки. Северная часть имеет большую площадь. Наземные сооружения из дерна, имеет ряд развалов округлой формы, высотой 0,4-0,5 м. У восточной стороны, возле наземного сооружения поставлена прямоугольная каменная вывеска, установленная нашими современниками в память предков из рода Алтай. На северной окраине установлен железобетонный кулпытас с датами 1848-1912 гг. В восточной части наблюдаются камни с датами, начиная от 1830-х гг.

Зират Есей 4

Расположен на западном берегу оз. Есей в 8 км на юг от кордона «Камыш-завод». Территория зирата ограждена шпалами и колючей проволокой. Расстояние с запада на восток – 58 м, с севера на юг – 140 м. Территория соответственно прямоугольной формы. На поверхности наблюдаются развалы круглой формы, высота развалов примерно 0,5 м. Наиболее крупное сооружение находится в ЮВ углу. Стелл нет. Поверхности задернованы. Самое большое сооружение квадратной формы (6х6 м). С северной и восточной сторон ямы от выемки грунта.

Зират Есей 5

На территории зирата сооружения возведены из разных строительных материалов: камень, дерн, железные ограды. Ограждение прямоугольной формы. Вход с ЮЗ стороны. Ширина зирата – 74 м. Выделяется сырцовое сооружение. Кирпичи укладывались друг на друга, соединялись раствором из глины. Захоронены 2 человека, которым поставлены прямоугольные камни. Надпись не читается.

Зират Шолак

Расположен на западном берегу оз. Шолак, в 3 км юго-восточнее строений ТОО «Жалын». Размер 86x86 м. На поверхности видны развалы строений круглой формы, в центре западина, в виде колец круглой формы. Развалы высотой 0,3-0,5 м, диаметром – 9 м. Особенностью зирата являются уставноленные на железных ножках каменные щиты с надписями.

Зират Жарсуат

Зират располагается на западном берегу озера Есей, на возвышенности в месте слияния оз. Сухое и оз. Жарсуат. Размеры территории 100x70 м. Первоначально территория зирата ограждена рвом и валом. С внешней стороны по кромке рва вертикально вкопаны железные столбы, обтянутые проволокой. На территории зирата в самом СЗ углу расположены развалы строения подквадратной формы, в центре имеют западины. Вокруг фиксируется развалы стен из грунта. Высота стен 0,4 м.

К числу вновь открытых объектов относятся крупные казахские поселения усадебного типа. Они расположены по берегам небольших пресных озер. Их концентрация свидетельствует о значительной заселенности края в конце XIX – начале XX вв. Осмотрены следующие зимовки-кыстау.

Комплекс Кызыл-Мешит

На расстоянии 36 м в ЮЗ направлении от зирата Кызыл-Мешит расположены 2 комплекса зимовок. Первый комплекс: ширина – 23 м, длина – 23 м. Комплекс имеет подквадратное строение. Имеется 6 западин. Вход с

ЮЗ стороны. Хозяйственных построек не наблюдается.

Второй комплекс. Вход с ЮЗ стороны. Имеется 5 западин. Ширина стен комплекса – 2 м. В 6 м южнее от комплекса № 2 расположена предположительно хозяйственная постройка, имеющая одну западину. Форма прямоугольная.

Зимовка Кызыл-Мешит-2

Прямоугольной формы зимовка имеет 5 западин. Вход с ЮЗ стороны. Длина – 39 м, ширина – 14 м. Ширина стен – 2 м. Зимовка более раннего периода, об этом свидетельствует подъемный материал (фарфоровая посуда).

Хозяйственное помещение расположено в 25 м от зимовки. Вход с северной стороны. Ширина – 14 м, длина – 110 м.

Поселение Құрғақ

Обнаруженное поселение окружено камышевыми зарослями оз. Сухое. К поселению была прирезана канава. Характерной чертой поселения является близкая расположенность к водному источнику. Всего 10 строений размерами от 10 до 23 м в длину и от 5 до 10 м в ширину.

Поселение Құрғақ-2

Развалины поселения, состоящие из 6 домов, расположены на западном берегу оз. Сухое в 30 м от берега. Жилища округлой формы, имеют диаметр от 2,4 до 4 м. Поселение растянуто на расстоянии примерно 50 м вдоль берега.

Комплекс Кызыл-Мешит-5

Комплекс расположен на западном берегу притока Нуры. Включает несколько хозяйственно-жилых строений.

Усадьба 1 расположена с северной стороны комплекса. Высота развала стен усадьбы 0,4-0,5 м. Длина – 17 м, ширина – 10 м. Состоит из 4 комнат, размеры самой большой комнаты 10х3 м. Усадьба продольной осью ориентирована по линии З-В. Состоит из комплекса жилых и хозяйственных построек.

Усадьба 2 прямоугольной формы, длина – 24 м, ширина – 14 м. Толщина стен – 1 м.

Строение прямоугольное, оно включало в себя жилые помещения и хозяйственную постройку под одной крышей. Ориентировано по линии З-В. Вход в жилище был с северной стороны через хозяйственное помещение. Из хозяйственного помещения в жилую часть дома вел коридор.

Комплекс Кызыл-Мешит-6

Комплекс расположен на запад-

ном берегу оз. Когелем. Из водоема в сторону степи прорыто углубление, возможно для привода воды к дому. Общая протяженность углубления составляет 140 м, тянется по линии З-В. На пути встречаются небольшие перемычки.

Зимовка Кызыл-Мешит-7

Состоит из двух усадеб. Усадьба 1 расположена на берегу оз. Когелем. Усадьба 2 примыкает к ней с юго-западной стороны. Усадьба 2 имела хозяйственную пристройку с СВ стороны, что фиксируется по почве, обильно удобренной навозом. Подъемный материал представлен фрагментами фарфоровой посуды и металлических изделий.

Зимовка Кызыл-Мешит-8

Состоит из 4 усадеб, в свою очередь, состоящих из 1-3 помещений размерами от 5 до 10 м в длину и от 5 до 8 м в ширину.

Рис. 1.8 Кыстау Аккулын

Зимовка Аккулын

Развалы строений расположены на останце первой надпойменной террасы. Терраса продольной осью ориентирована по линии З-В. Примерная ширина - 80 м, длина - 500 м. На ровной площадке террасы расположены в ряд развалы строений. На его восточном краю хорошо видны строения усадьбы, состоящей из большого дома, от которого на поверхности видны прямоугольные углубления. В 35 м западнее видны развалы второго строения. Высота развалившихся стен примерно 0,5 м. Вторая усадьба такая же крупная, состоит из комплекса жилых и хозяйственных построек. Общая длина по линии СЮ - 24 м, ширина - 13 м.

В 50 м западнее - углубление еще одного строения. Оно прямоугольной формы (рис. I.8).

Зимовка Есей – 1

На западном берегу оз. Есей в 30 м расположена небольшая зимовка, состоящая из 4 домов. В 500 м севернее находится кордон «Камышзавод». Размеры строений: длина – от 12 до 18 м, ширина – от 8 до 12 м.

В 20 м западнее жилища № 2 находятся 6 больших углублений, которые соединены между собой маленькими канавами. Вероятно, здесь изготавливали саман для постройки этих домов.

К третьей исследованной группе памятников относится могильник Кызыл-Мешит.

Расположен на правом берегу р. Нуры, на территории кордона Кызыл-Мешит. Размеры могильного поля: длина по линии запад-восток

- 90 м, ширина - 50 м. Насчитывается 25 насыпей. Могильные холмики практически не видны. Они овальной формы, ориентированы широтно. С целью проверки один из холмиков был раскопан. Был выбран курган диаметр 6 метров. В его центральной части была заложена траншея. На глубине 50 см от поверхности выявилось могильное пятно. На глубине 1,1 м был обнаружен скелет человека низкого роста. Ориентирован по линии З-В, руки вытянуты вдоль тела. Ширина могильной ямы – 0,4 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует. Погребение совершено по мусульманскому обряду, может быть датировано поздним средневековьем. После описания и фиксации, погребение было законсервировано.

В 2019 г. кроме исследований в районе Тенгиз-Коргалжынской впадины была значительно расширена география поисков.

В июле-августе 2019 г. вместе с нашим зарубежным партнером – археологом Жан Лука Бонора (Jean Luca Bonora) были проведены разведочные маршруты по северной Сарыарке. Они ставили цель: фиксация новых объектов, более детальное знакомство с состоянием археологических и этнографических памятников, их количеством и степенью сохранности. Был осуществлен мониторинг известных объектов, исследованных во второй половине XX в.

Первый маршрут пролегал по р. Силеты. Сама река по ходу течения, меняет название, имеет массу притоков. Осмотр левого берега был начат с сопки Майлан и дошел до сопки Киши

Майлан. По пути маршрут охватил частью берега речки Карасу – правого притока реки Силеты.

За сопкой Киши Майлан часть маршрута прошла по р. Акмырза и Кедей – притоки р. Силеты. Это произошло из-за того, что мы теряли русло реки Силеты и оказывались на его притоках. Самый северный пункт осмотра берегов Силеты – поселение раннего железного века Таскора, раскопки его были осуществлены Ишимской стационарной археологической экспедицией в 1999 -2001 гг.

Следующий маршрут охватил низовья р. Жабай – правого приток Ишима, от г. Атбасара до с. Покровка. Здесь были осмотрены известные археологические объекты – поселение эпохи бронзы Саргары, комплекс курганов «с усами» в пяти киломе-

трах севернее поселения Саргары. Затем с целью поиска средневекового городища на озере Жаксы Жангызтау, упоминание о котором есть в путевых записках И.П. Шангина 1816 г., (И.П. Шангин пишет о вале из крупных глыб порфирита, пересекающем полуостров на оз. Якши-Янгистау) мы осмотрели восточный и северный берег озера. Здесь мы осмотрели объекты, занесенные на археологическую карту Северо-Казахстанской области, но городище не нашли. Вероятно, оно находится с южной или западной стороны озера Жаксы Жангызтау (сведения о нем см. в главе VII).

У сопки Киши Майлан по Google-карте обнаружено несколько разновременных могильников. Особый интерес представляет средневековый

Рис. 1.9 Могильник Киши Майлан, река Силеты

могильник на южном склоне сопки, состоящий из 12 каменных насыпей. Насыпи уплощенные, частично задернованные. Диаметр – от 10 до 16 м. Судя по характеру надмогильных сооружений, памятник может быть отнесен к кыпчакской эпохе (рис. I.9). Это делает его крайне привлекательным для исследования, так как памятники этого периода в степной Сарыарке очень слабо изучены.

Помимо поиска новых объектов отрядом были проинспектированы ранее известные памятники. Так были осмотрены поселения Таскора и Таскора 1, относящиеся к раннему железному веку. Эти поселения были исследованы НИИ археологии в 1999-2001 гг.

Разведочный маршрут охватил северную оконечность Сарыарки. Были

исследованы берега реки Жабай и озера Жаксы-Жангызтау, которое расположено в Айртауском районе Северо-Казахстанской области. Здесь были проинспектированы ранее известные объекты и открыты новые. Интерес вызывает скопление памятников по южному берегу озера Жаксы-Жангызтау. На западном краю современного поселка Жаксы-Жангызтау зафиксирована казахская зимовка. Собран значительный подъемный материал. Обеспокоенность вызывает потревоженность поверхности памятника искателями черного металла.

На высоком южном берегу озера было зафиксировано два могильника, состоящие из курганов с каменными насыпями. Предположительно датируются ранним железным веком (рис. I.10).

Рис. I.10 Могильник Жаксы-Жангызтау

Могильник Карасу 1

Средневековый комплекс на левом берегу р. Карасу (правый приток р. Силеты) находится в 3 км восточнее села Кеноткель, на вершине гривки. Высота над уровнем моря 300 м. Координаты: 51° 36.461'N; 72° 9.651'E (рис. I.11).

Комплекс состоит из 14 курганов и нескольких развалов крупных строений зимовки, расположенных выше могильного поля. Фундаменты строений из грунта и камней, поросли высоким кустарником. Интересно, как жители зимовки отнеслись к курганным насыпям из крупных камней. Курганы по внешнему виду можно разделить на средневековые и раннего железного века. Выделяется группа каменных набросов диаметром 3-4 м, высотой до 0,5 м. Вокруг них виден ровик. Некоторые из конструкций пристроены друг к другу. Шесть каменных курганов тянутся полосой

в ряд, в сторону реки. Возле ЮЗ насыпи лежит плоский камень прямоугольной формы, похожий на заготовку каменного изваяния. Он врос в землю, зарос травой. Мы его перевернули – никаких изображений на нем нет.

Судя по достаточно крупным обломкам камней, эти курганы относятся к средневековой эпохе. Камни им приходилось доставлять с противоположного берега реки Карасу. На этом берегу вблизи выходы камня не фиксируются. В середине могильного поля есть несколько более крупных и уплощенных насыпей, возможно раннего железного века. На горизонте видна трасса Нур-Султан-Павлодар.

Могильник Карасу 2

В 500 м южнее береговой кромки на засеянном поле высится курган 1 диаметр 30 м, высота 1,5 м, курган каменный, на верху – грабительская

Рис. I. 11 Могильник Карасу 6

яма. Рядом с ним видны еще две насыпи. Курган 2 распахан, камни его растащены по полю. Курган 3 находится в 50 м юго-восточнее кургана №1. Диаметр 12 м, высота 0,4 м. При распахке поля курганы № 1 и 3 обошли. При осмотре территории по космоснимку видны еще 4-5 насыпей. Они тянутся цепочкой с восточной и южной стороны кургана №1.

Координаты: 51° 36.293'N; 72° 9.471'Е, высота над ур.морья 300 м.

Поселение Карасу 3

Переехали по броду через речку на правый берег Карасу. У брода стоит деревянный щит, на нем написано, что это территория охотничьего хозяйства «Камыстыколь». В 2 км севернее от берега речки зафиксировали развалы нескольких жилищ с хозяйственными загонами. Судя по развалам это XIX-XX в. Географиче-

ские координаты: 51° 36.332'N; 72° 10.067'Е.

Объехали в южном направлении небольшие участки правого берега речки Карасу, которая имеет ответвления, старые русла. Правый берег реки высокий, левый – равнинный, занят полями. Вдали видна трасса Нур-Султан – Павлодар. Затем наш маршрут пошел в северном направлении вдоль правого берега. Ориентир взяли на сопку Киши Майлан.

Позднесредневековый могильник Карасу 4

Расположен на мелкосопочной гривке в 7,5 км юго-восточнее с. Кеноткель. Памятник состоит из 11 погребальных конструкций, вытянутых по линии запад-восток. Размеры сооружения 4-6 м, сложены из камня. Более крупные насыпи расположены с восточного края могильника. В цент-

Рис. I.12 Долина реки Карасу. Космоснимок. Могильники Карасу I-VI

ре находится сооружение квадратной формы, высотой 1 м. Стены сложены из плитняка. Могильник позднесредневековый (рис. рис. I.11).

Позднесредневековый могильник Карасу 5

Расположен на правом берегу р. Карасу. Берег высокий, мелкосопочный, задернован. Высота над уровнем моря 321 м. Зафиксировали три кургана на соседних гривках. Диаметр 8-10 м. Центры курганов не задернованы и представляют собой наброс мелких каменных плиток. Такие насыпи имеют вид недавно сооруженных. Самый крупный квадратной формы длиной 10 м. По периметру такие конструкции заросли низким игольчатым кустарником.

Географические координаты: 51° 34.067'N; 72° 10.557'E.

Могильник Карасу 6

Находится на правом берегу р. Карасу, примерно в 2 км севернее средневекового комплекса Карасу 1. Состоит из двух курганов с каменной наброской. В центре одного из них выступает наклонно завалившаяся каменная стела. Курган диаметром 8 м, высотой 0,4 м. Края насыпи поросли кустарником. От кургана в 4 км на запад видно село Кеноткель. Координаты: 51° 36.974'N; 72° 9.707'E

Казахский зират Киши Майлан 1

Расположен на ровной надпойменной террасе правого берега р. Карасу, в 5,3 км северо-восточнее с. Кеноткель, в 1,8 км северо-восточнее места слияния р. Карасу с р. Силеты, в 500 м южнее сопки Киши Майлан. Насчитывается 13 мавзолейных конструкций квадратной формы 5x5 м, 9x9 м.

Рис. I.13 Зират Киши Майлан 1

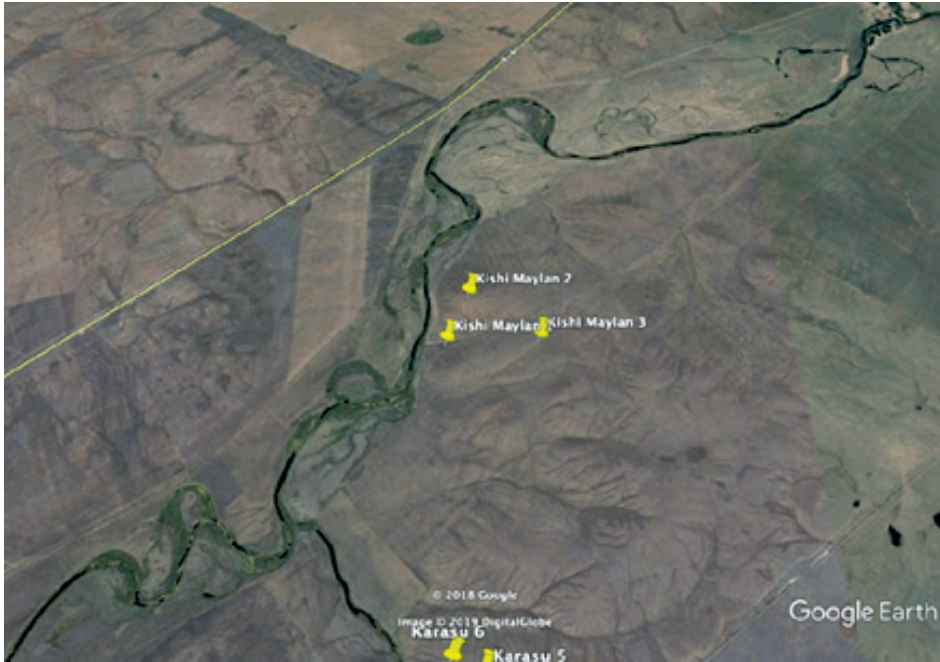

Рис. I.14 Долина реки Силеты. Космоснимок. Могильники Киши Майлан I-III

Стены возведены из горизонтально уложенных плит камня. Среди надмогильных сооружений 2-3 постройки из сырцового кирпича, но фундаменты их из каменных плиток. Вероятная дата 17-18 вв.

Географические координаты: $51^{\circ} 38.289'N$; $72^{\circ} 9.643'E$; 286 м над у.м.

Могильник Киши Майлан 2

Курганы расположены на вершине сопки Киши Майлан. На самом крупном из них вкопан тригонометрический знак. Курган диаметром 8 м, высотой 1,2 м сложен из камня. Могильник состоит из различных по размеру каменных сооружений, преимущественно овальной формы. Все они возведены из крупных каменных плит. На вершине сопки видны места, откуда добывали этот плитняк. Всего курганов около 10. Могильник

– средневековый, судя по наземным конструкциям.

Географические координаты: $51^{\circ} 38.536'N$; $72^{\circ} 9.798'E$. С вершины сопки открывается прекрасная панорама долины реки Акмырза и поселка Тимофеевка.

Средневековый комплекс Акмырза 1 (Жолбасшы)

Спустившись вниз, поехали вдоль правого берега р. Силета в северном направлении затем оказались на притоке Силеты – речке Акмырза. Северо-восточнее с. Тимофеевка, в 4 км восточнее с. Новомарковка зафиксировали огромный могильник из 60 надмогильных сооружений. Он занимает высокую площадку мыса левого берега р. Акмырза. На противоположном правом берегу находится поселок в развалинах (отделение совхоза

Жолбасши). Река петляет и огибает поселок, создает мысы, ложбины.

На площадке мыса зафиксированы погребальные сооружения и грунтовые стены зимовки (16x8 м), зимовка двухкомнатная, длинная ось по линии запад-восток. Погребальные сооружения разной конструкции. 42 конструкции из камня, есть и грунтовые сооружения круглые и квадратные. Каменные конструкции овальной формы, стены вертикальные возведены из каменных плит и кусков камня. Стены грунтовых сооружений оплыли и имеют валообразную форму с углублением в центре. Диаметры 6-8 м. Есть конструкции из огромных глыб камня, уложенных по кругу горизонтальными слоями.

Географические координаты: 51° 42.396'N; 72° 20.828'E; 306 м над у.м.

Могильник Жолбасшы 2

Обогнули ложбины левого берега р. Акмырза и оказались опять, напротив, с. Жолбасшы. Зафиксировали курганы раннего железного века тасмолинской культуры. У меня в дневнике написано, что на правом берегу, у Жан Луки – на левом берегу. У меня написано, что село в развалинах – Жолбасшы, у Жан Луки, что это Тимофеевка. Но расположение курганов на карте рядом с грейдером, соединяющим с. Новомарковка с селом Тимофеевка, и уходящим дальше на восток совпадает. Мы потом по ней и поехали в сторону с. Стаханово, посмотреть комплекс памятников Кумая.

Могильник из нескольких каменных хорошо задернованных курганов на правом берегу р. Акмырза. Крупная насыпь имеет диаметр 20 м, вы-

Рис. 1.15 Средневековый комплекс Акмырза 1

соту 1,3 м. У западной подошвы выступают камни без насыпи, общие очертания овальные СЗ-ЮВ. С южной стороны кургана кольцо из пяти затекших камней.

Географические координаты: $51^{\circ} 41.508'N$; $72^{\circ} 20.798'E$; 297 м над у.м.

Дальше мы поехали по дороге на восток в сторону заповедника Карагайлы. Здесь огромное количество сурков. Они даже не боятся машины, стоят группами возле своих нор. К вечеру мы были на комплексе Кумая, состоящем из обширного андроновского могильника, курганов раннего железного века, кургана с усами и тюркских оградок с каменными изваяниями, расположенных на правом берегу р. Кедей. Курган с усами раскопан и реконструирован. Весь комплекс занимает огромную площадь километра 3 длиной. Находится в 2

км запад-северо-западнее с. Стаханово. Под сопкой видны развалины казахских зимовок, колодец.

Географические координаты: $51^{\circ} 44.263'N$; $72^{\circ} 39.872'E$;

Могильник Кедей 1

Расположен на верхней террасе левого берега р. Кедей, состоит из двух каменных курганов стоящих близко друг к другу. Диаметр кургана 1 – 10 м, высота 1,5 м. Диаметр кургана 2 – 6 м, высота 1,0 м. Курганы хорошей сохранности. На полях большого кургана – средневековые каменные могилы овальной формы. Координаты памятника : $51^{\circ} 41.508'N$; $72^{\circ} 20.798'E$; 297 м. над у.м. Могильник находится в 6,5 км северо-западнее с. Нижний Тургай.

Поселение Таскора 1

Находится на правом берегу р. Силеты. Раскопки его под руководством

Рис. 1. 16 Могильник (Акмырза 2) Жолбасшы 2

В.В. Варфоломеева были проведены в 1999, 2001 гг. (Хабдулина, 2003, с. 193-195). Жилища земляночного типа. За 20 лет берега заросли густым кустарником. Вся площадка памятника задернована, ковыль высотой по пояс. Просматриваются западины жилищ среди крупных валунов.

На противоположном левом берегу осмотрели территорию поселения Тагсора с наземными жилищами, фундамент которых сложен из крупных камней.

Памятники на левом берегу р. Жабай

Казахский зират Борисовка 1

Возможно, он находится на пересыхающей мелкой речке Ащилы – левый приток р. Жабай. Точно не известно, т.к. мы потеряли русло и долго блуждали по пшеничным полям

и полям, засеянным подсолнечником. Установить можно по географическим координатам: 51° 59.903'N; 68° 47.366'E

Зират расположен на высоком берегу, состоит из 50 каменных конструкций. Крупные из них имеют высоту 1,5 м, сложены из плоских горизонтально уложенных плиток коричневого цвета. Ниже по склону тянутся могилы в виде аккуратных каменных набросов тоже из плоских плиток. На соседней сопке видны каменоломни по выборке крупных глыб.

Поселение Саргары

На левом берегу р. Жабай в 5 км севернее с. Покровка. Нашли с трудом, все изменилось. Географические координаты: 48° 09' 40.1N; 72° 05' 38.2 E

Комплекс курганов «с усами» расположен на ровной береговой пло-

Рис. 1.17 Казахская зимовка. Комплекс Кумай

щадке левого берега р. Жабай, примерно в 5 км от поселения Саргары. Состоит из 5 курганов с каменными грядами, направленными на восток. Все раскопаны. Судя по отвалу, это сделано в последние 10 лет.

Координаты 52° 00' 507.N; 68° 36'627.2 E

Проведенные исследования являются логическим продолжением работ предыдущего полевого сезона (Тлеугабулов, 2019). Все найденные в ходе разведок объекты тщательно задокументированы: описаны, сфотографированы, картографированы. Памятники поделены на группы, дано их описание, в приложении к промежуточному отчету представлены их иллюстрации.

Обнаруженные в ходе разведки памятники можно поделить на 3 группы. В первую группу мы относим курганы и курганные могильники. Не исключено, что исследованные одиночные курганы ранее являлись частью курганных могильников. Особенностью рельефа изучаемого района являются пологие холмы, удобные для распашки. Как следствие практически все господствующие возвышенности в районе исследования долгое время подвергались сельскохозяйственной обработке. Сохранились, как правило, курганы, на которых установлены геодезические знаки, охраняемые государством, либо находящиеся на территории кладбища.

Вторая группа памятников – мавзолей нового времени. Традиция возведения мавзолеев в казахстанских степях берет начало с эпохи Золотой Орды, времени окончательного ста-

новления ислама в регионе. Таким образом, возраст данных практик составляет около 700 лет. В силу множества объективных факторов, как природных, так и антропогенных, подавляющее большинство средневековых памятников подобного рода до нас в целости не дошло. Однако, мы имеем возможность изучать традиции и приемы строительства, проводить культурные аналогии благодаря исследованию казахских мавзолеев нового времени. Еще одной, немаловажной причиной изучения этих памятников является их сравнительная недолговечность. Как правило, основной материал для постройки мавзолеев – кирпич-сырец, очень легко разрушающийся под воздействием внешних факторов.

К третьей группе относятся зимовки-кыстау конца XIX – начала XX веков. Указанная датировка базируется на найденных артефактах (осколки керамики), а также на культурных аналогиях. Как показала разведка, большинство найденных памятников такого рода находится у берегов рек, на мысах, образованных естественными изгибами реки Нуры, либо, если речь идет об озере, то на приподнятых площадках выше уровня поймы. Как правило, большинство зимовок-кыстау появляется в регионе в XIX веке, что связано с начавшимся процессом седентаризации.

В 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 и карантином экспедиционные работы охватили только июль месяц. 7-12 июля были продолжены разведочные работы в Тенгиз-Коргалжынском регионе, зафиксированы

новые объекты, одновременно велся мониторинг состояния уже известных памятников археологии. В низовье р. Нуры было продолжено разведочное обследование этнографических памятников нового времени. Накопление сведений позволяет делать выводы о поисковых признаках казахских поселений, которые в зависимости от ландшафтной приуроченности имеют разную топографию.

16-28 июля произведены разведочные раскопки вновь открытого могильника Киши Майлан на р. Силеты, сделана съемка топографического плана хронологически разновременного и структурно разнородного археологического комплекса на берегу р. Карасу – правого притока Силеты.

Могильник Киши Майлан занимает поверхность плоских увалов правого коренного берега р. Силеты. Русло реки проходит в трех километрах южнее территории могильника. На вершине сопки Киши Майлан на древнем кургане установлен триангуляционный знак. Курганы с каменными насыпями тянутся полосой под восточной подошвой сопки Киши Майлан. Всего насчитано 12 насыпей расположенных близко друг к другу примерно в пределах территории 100 на 30 м. Кроме этого скопления, аналогичные насыпи тянутся единично и группами на протяжении 3-4 км западнее сопки. Они занимают как высокие точки увалов, так и ложбины.

Могильник был открыт в 2019 г. при осмотре данной территории по Google-карте. Насыпи уплощенные, представляют собой наброс сланцевых плиток в среднем размерами

20x40 см (рис. I. 9). Плитки легко откалывали со склонов сопки, которая сложена наклонно-плитчатыми структурами. Места выборки камня хорошо видны на вершине и склонах сопки. Внешне насыпи не задернованы. Они имеют блюдцеобразный вид, в центре плоские, по периферии заросли кустарником. Размеры насыпей 6-14 м, высота 0,2-0,5 м.

На памятнике было раскопано два кургана. Курган №1 диаметром 9 м, высотой 0,3 м. Насыпь возведена из каменных плит, уложенных очень плотно друг на друга. Приходилось использовать кирку и лом. На дне могилы, ориентированной СВ – ЮЗ, расчищено погребение человека вытянуто на спине, головой на северо-восток. Вещевой инвентарь отсутствует.

Второй курган диаметром 12 м, высотой 0,4 м. Центр наземного сооружения не задернован, уплощен и представляет собой наброс каменных плиток, как будто уложенных недавно. Такие насыпи составляют примерно 50% фиксируемых наземных сооружений, поэтому было принято решение раскопать одну такую конструкцию. Плитки в центре легко убирала вручную, они никак не связаны между собой, лежали в три слоя. Под ними появился гумусовый грунт, ниже желтая глина материка. Могильная яма не обнаружена. Время сооружения конструкции неизвестно.

В 5 км западнее сопки Киши Майлан на левом берегу р. Карасу зафиксирован куст памятников: могильник средневековый (Карасу 1, рис. I. 12), судя по размерам и возведению насы-

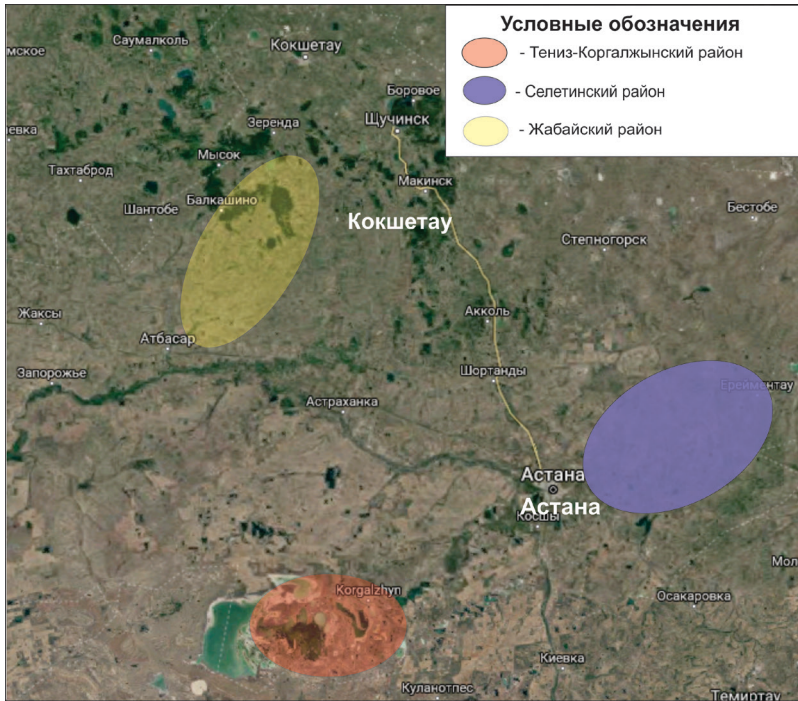

Рис. I.18 Карта районов исследования Есильской археологической экспедиции в 2018-2019 гг.

пей из крупных глыб камня. Тут же видны развалы строений казахских кыстау. Они представлены отдельными строениями круглой и квадратной форм. Фундаменты стен из камня и дерна. Вся территория памятника густо заросла кустарником и травой. Вдали от береговой террасы высится насыпь кургана раннего железного века. Она со всех сторон опажана, рядом с ней на пашне видны более мелкие насыпи.

За три года реализации проекта пройдены десятки тысяч километров разведочных маршрутов по Нура-Ишимскому междуречью. Проведены кустовые обследования отдельных регионов, осмотрены берега притоков рек Ишима, Силеты. Открыты новые

памятники, намечены перспективные районы работ, обозначены направления актуальных задач.

В результате реализации проекта 2018-2020 гг. получен новый материал, позволяющий расширить поле теоретических проблем. Накопление материала выдвигает на первый план задачу изучения оседлых поселений казахов. К настоящему времени нами выделены районы концентрации, особенности топографии, планировки, размеры отдельных усадеб. Крупный район локализации выделен в озерном крае Коргалжынского заповедника. Однако по берегам крупных озер они практически отсутствуют.

В конце XIX- начале XX в. наиболее удобными для проживания

оказались берега мелких озер, болот, протоков. Это крупные усадьбы, прямоугольной формы, расположены интервалами 0,5-3,0 км друг от друга. Они стоят всегда низко к воде и обращены торцовой стороной к водной глади. Самые распространенные размеры 24х12-14 м. Из этого следует, что модуль строительства равен 4 м. Усадьба ограждена общей стеной, включает хоздвор и дом с жилыми комнатами. Вход в усадьбу, как правило, со стороны хозяйственных построек. Жилые комнаты небольшие 3х4 м, соединены друг с другом проходными комнатами. Развалы внешних стен высотой 0,5-0,6 м достигают ширины 1 м. Стены построены из дерна, глины. Планировка усадеб

хорошо читается при съемке сверху. Рядом со скоплениями усадеб всегда есть зират.

Некрополи расположены на возвышенных сухих участках межозерья. На некоторых из них в центре или с краю выделяются крупные развалы погребальных сооружений, возведенных из сырцовых кирпичей. В настоящее время они сохранились в виде обваловок круглой и овальной форм. Таким образом, низовья р. Нуры, петляющей между озерами Тениз-Коргалжынской впадины, были благодатным пространством для оседлого пастушеского хозяйства. Точная дата этих кыстау пока не установлена. Подъемные сборы представлены фрагментами фарфоровой посуды

*Рис.1. 19 Могильник
Киши Майлан*

с клеймом заводов братьев Кузнецовых, иногда встречаются днища с китайскими иероглифами, часты осколки железных казанов, каменные песты. Эти находки дают относительную дату – вторая половина XIX – начало XX в.

В августе-сентябре 2020 г. небольшие осмотры сакральных объектов были предприняты на территории г. Нур-Султан. Проведен мониторинг территории казахского зирата Каратоткель, были осмотрены берега системы озер Талдыколь.

Предпринятый нами историко-культурный анализ связан со всплывшей в печати проблемой озера Малый Талдыколь. Берега его изменили природную конфигурацию, застроены жилыми микрорайонами левобережья г. Нур-Султан. Озера Талдыколь имеют узкие меридионально вытянутые котловины, расположенные довольно близко друг к другу. Происхождение озер относится к началу голоцена (10–13 тысяч лет назад), поэтому они имеют коренные берега и на этих перешейках зафиксированы 5 зиратов конца XIX– начала XX в. Некоторые из них имеют свои названия. При осмотре береговых террас в 2006–2007 гг. возле этих некрополей были видны развалы усадеб казахских поселений. В

настоящее время они уничтожены. На территории каждого некрополя есть древние погребальные сооружения. Это курганы раннего железного века. Именно вокруг них в течение тысячелетий формировался некрополь. Следовательно, сакральное преобразование этого ландшафта началось еще в сакскую эпоху, т.е. 3 тысячи лет назад. Древние курганные мемориалы являются древними святилищами, маркерами почитания святых мест. И в дальнейшие столетия пространство вокруг них становится местом захоронения более поздних обитателей края. Процедура выбора наиболее сакральных точек пространства всегда была связана с культом предков, т.е. с уже существующей зоной ритуального прошлого. В этом заключается особенность менталитета степных народов. К сожалению, в связи с бурной современной застройкой исчезают природные оазисы и культурные ландшафты, сформировавшиеся здесь в течение предшествующих столетий.

Таким образом, разведочные работы открыли новые районы локализации древних культовых объектов по берегам степных речек Акмолинского Приишимья. Они свидетельствуют об активном заселении края кочевниками с раннего железного века до позднего средневековья.

ГЛАВА II. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОЙ САРЫАРКИ

К.А. Сапарова, Г. К. Букешева

Территориальные рамки исследования охватывает регион Северного и Центрального Казахстана, входящий в историко-культурную область степной Евразии. В географическом отношении территория Северного и Центрального Казахстана включает юг Западной Сибири в пределах Ишимской, Прииртышской равнин и Казахский мелкосопочник. Территория региона занята лесостепью, степью и полупустыней умеренного пояса. С запада регион ограничен Зауральским плато и Торгайской ложбиной, с востока – долиной реки Иртыш и Алтайскими горами.

По своему физико-географическому районированию территория северной части Сарыарки расположена в Кокшетауской, Атбасарской провинциях степной и Есильской провинции лесостепной зоны Казахстана. По ботанико-географическому районированию данная местность расположена в Евразийской степной области, Причерноморско-Казахстанской подобласти, Заволжско-Казахстанской провинции, Центральноказахстанской степной подпровинции (Вилесов, Науменко, Аубекеров, 2009, с. 246).

Северная Сарыарка по геоморфологическому районированию занима-

ет равнины Западносибирской плиты в зоне сочленения с Казахским щитом и мелкосопочник, островные низкогорья и равнины Казахского щита. Рельеф региона представлен озерно-аллювиальными, аккумулятивными и денудационными равнинами (Силетинская, Атбасарская, Тенгизская впадина) с наличием котловин, западин (Тенгиз-Кургальджинская) и низкогорно-мелкосопочных возвышенностей (Кокшетауская возвышенность, горы Сандыктау, Ерейментау) (Вилесов, Науменко, Аубекеров, 2009, с. 92).

На севере региона расположена Ишимская (северо-казахстанская) равнинная лесостепь. Эта озерно-равнинная территория сложена олигоценовыми глинами. Их перекрывают литологически неоднородные речные отложения. Последние погребены под четвертичными лессовидными суглинками и озерно-аллювиальными отложениями мощностью от нескольких метров до 50-70 м. Равнина имеет небольшой уклон к северо-востоку, что соответствует наклону подстилающих третичных пород, являвшихся в прошлом берегом третичного пресноводного бассейна. Абсолютные отметки провинции равны 120-150 м.

Южнее Петропавловского Приишимья располагается Кокшетауская возвышенность, занимающая почти все пространство внутри угла, образованного широтным и меридианальным отрезком течения реки Ишим. Местность имеет равнинный характер и представляет собой полого-холмистое плато, с относительными превышениями, порядка 30-60 м, и очень пологими уклонами. Для района характерно крайне слабое развитие эрозионной сети.

Кокшетауская возвышенность является северной оконечностью Сарыарки – Казахского мелкосопочника. Кокшетауские горы не очень высокие (около 900 м). Они сложены известняками, кварцитами и порфиритами палеозоя. Их склоны расчленены текучими водами. В межгорных долинах расположены необыкновенно живописные озера, на побережьях и склонах которых растут сосновые боры. Растительность носит типичный степной характер: преобладает ковыль, типчак и другие степные травы и растения.

Лишь на ограниченных участках северной, западной и юго-западной частей района рельеф приобретает гористый облик (горы Кокшетау, с отдельными вершинами до 600-700 м: Акканская сопка - 730 м, Жиланды - 654 м, Имантау - 622 м, Балкашинская гряда сопок - 150-200 м). Если южный склон Кокшетауской возвышенности относительно абсолютных отметок равен 300-340 м, то северный отличается снижением абсолютных отметок водораздельных пространств - от 340 м у озера Челкар до 240 м на

окраине возвышенности. На северо-западе наблюдается медленное снижение высотных отметок с 300 до 200 м, на протяжении 80 км.

Кокшетауская возвышенность входит в Кокшетауский горно-металлургический центр, выделенный С.А. Берденовым как одна из шести составных частей Казахстанской горно-металлургической области. Недра Кокшетауской возвышенности содержат немало полезных ископаемых, в числе которых залежи меди и олова. Почти на всех месторождениях меди, по свидетельствам геологов, имеются следы древних работ (Смирнов, 1984, с. 4). Следы медеплавильного производства в Кокшетауском горно-металлургическом центре были зафиксированы на многих древних поселениях.

К югу от Кокшетауской возвышенности располагается широтная полоса обширных депрессий рельефа, сопровождающих долину верхнего Ишима и его притоков, в пределах которой абсолютные высоты опускаются ниже 300 м. Обширные поймы и низкие террасы Ишима располагаются на абсолютных высотах 280-290 м (восточная часть) и 240-250 м (западная часть). В пределах депрессий верхнего Ишима расчленение рельефа практически отсутствует, вертикальные превышения достигают не более 5-6 м.

Чрезвычайно характерны озерные котловины, разнообразные по размеру, глубине вреза и происхождению. Среди них выделяется Тенгиз-Коргалжынская впадина, занятая рядом пресных и солоноватых озер. Площадь, занимаемая впадиной, состав-

ляет около 13 тыс. кв.км. Центральную часть ее занимают озера Тенгиз и Коргалжын, общей площадью около 1500 кв.км. Абсолютные высоты местности, расположенной севернее этих озер, колеблются в пределах 200-240 м.

Речная сеть не отличается многоводностью. Крупные реки, протекающие по территории Северной Сарыарки – р. Есиль (Ишим), Нура, Силеты.

Основной водной артерией Северного Казахстана является река Ишим, берущая начало в отрогах Центрально-Казахстанского мелкосопочника, и протекающая с юга на север через территорию двух областей. Длина реки 2450 км. Начало свое она берет с северной окраины невысокого горного массива Нияз Казахского мелкосопочника, на высоте 560 метров над уровнем моря. Воды её текут с востока на запад, принимая ряд крупных притоков, стекающих с Кокшетауской возвышенности (реки Иманбурлук, Аршалы, Колутон, Жабай, Шортанды, Мойынды и др.) (Соколов, 1952, с. 128).

В верховьях река течёт преимущественно на северо-запад и запад, в основном в узкой долине, в скалистых берегах. В пределах города Нур-Султан Ишим принимает два небольших притока – ручьи Сарыбулак и Акбулак. Ниже Нур-Султана пойма реки расширяется, и за Атбасаром направление меняется с запада на юго-запад. У города Державинска русло Ишима упирается в скалистые северные отроги гор Улытау и резко поворачивает на север. Дальше она течет мериди-

онально с юга на север и через 1700 км впадает в реку Иртыш, который несет свои воды в Северный Ледовитый океан.

Ниже Сергеевки река выходит на Западносибирскую равнину и протекает по плоской Ишимской равнине в широкой пойме с многочисленными старицами, в низовьях проходит среди болот и впадает в Иртыш у села Усть-Ишим. Около Петропавловска направление реки незначительно меняется, она течёт на северо-восток (Вилесов, Науменко, Аубекеров, 2009, с. 192). В Иртыш она впадает уже за пределами республики.

Монотонная равнина Ишим-Иртышского междуречья прорезана в восточно-северо-восточном направлении *Камышловским логом*. Средняя ширина последнего 15-20 км, при глубине врезания долины - 10-20 м. Река Камышловка прекратила свое существование в XVIII веке, превратившись в цепь длинных озер, в весеннее время соединяющихся между собой протоками. Сплошное течение по Камышловскому логу обозначено в «Атласе Государственной Империи» (Атлас Российский, 1745). В 1768 г. академик П.С. Паллас в своем труде «Путешествие по разным местам Российского государства» пишет: «Камышловка сколь ни мала собою, бежит здесь (у пос. Мельничного) весьма быстро» (Паллас, 1788). Начинается она с небольшой речки Камысакты, стекающей с Кокшетауской возвышенности и впадающей в озеро Тарангул, от которого в настоящее время Камышловский лог прослеживается цепью озер: Балыкты,

Жиланды, Аксуат, Питное, Половинное и другие – до реки Иртыш.

В целом для территории характерно небольшое число рек с преимущественно весенним стоком и относительно большое количество временных водотоков. Насчитывается около 4000 озер. Наибольшее их количество сосредоточено в Аккольском, Астраханском, Коргалжынском, Щучинском районах и в западной части Ерейментауского. На рассматриваемой территории имеется ряд крупных озер: Селеты-Тенгиз, Шаглы-Тенгиз, Шалкар, Улькен Караой и др.

Нура является крупнейшей рекой Нура-Сарысуйского бассейна. Образуется она в центральной части Казахского мелкосопочника двумя горными речками – Мотак и Ащису, стекающими с гор Керегетас и Каражал, на высоте 1100-1250 м над уровнем моря. Далее река течет в низких песчаных берегах. Близ границы северной Сарыарки в Нуру впадает ручей Шийла с низкими песчаными берегами. Ниже Шийлы русло Нуры делится на два рукава. Долина расширяется до 600 м, и покрыта заливными лугами с пышной травой. Длина реки 978 км, площадь водосбора – 58,1 тыс. кв. км. Основными притоками реки Нура являются реки Шерубай-Нура, Улкенкундызды и Акбастау (Сибирская советская энциклопедия, т.3, 1932, с. 802)

Бассейн реки располагается на территории двух областей – Карагандинской и Акмолинской. Река протекает через Коргалжынские озера и впадает в озеро Тенгиз на отметке около 304

м. Близ Нур-Султана Нура близко подходит к Ишиму. Ныне обе реки соединены каналом Нура-Ишим.

Река Силеты, протекает по северо-восточной части региона. Свое начало она берет на севере Казахского мелкосопочника у впадин аула Бозайгыр. Течет по Западно-Сибирской равнине, проходит по территории Акмолинской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей. Общая её протяженность составляет 407 км. Основными притоками реки являются Шиили, Коянды, Акмырза, Жартас. Впадает она в озеро Селетытениз.

Такие реки Северного Казахстана, как Нура и Чаглинка, имеют внутренний сток. Первая берет начало в Казахском мелкосопочнике и, протекая по Центральному Казахстану, впадает в озеро Кургальджино. У второй – истоки в Кокшетауской возвышенности. Протекая в северо-восточном направлении, в пределах Акмолинской и Северо-Казахстанской административных областей, она впадает в озеро Шаглы-Тенгиз (Шагалалытениз). В среднем течении Чаглинка образует ряд стариц и временных водостоков, функционирующих в весеннее время.

По территории Акмолинской и Северо-Казахстанской областей протекает небольшая река *Чаглинка (Шагалалы)*. Река берет начало у подножья горы Акшоки, недалеко от села Цуриковка Айыртауского района. Течет на север по широкой долине. Дно песчаное, отчасти илистое. Шагалалы имеет ряд притоков, основные из которых – Терис-Путак, Кошкарбай, Ащи-Озен, Жангыз-Карагай. Берега

реки насчитывают до 3 террас. Наибольшая ширина долины реки Шаггалалы при подходе ее к озеру Копа достигает 5-6 км. Пойма в большинстве случаев двусторонняя, часто переходит с одного берега на другой. Высота ее – 1-2 м, а ширина преимущественно от 20-40 до 200-300 м, а на отдельных участках достигает 4-5 км. Шаггалалы вляется рекой внутреннего водосбора, впадает с юга в озеро Шаггалалытениз. Длина реки составляет 234 км, площадь водосборного бассейна – 9220 км².

Шагалалытениз – озеро на севере Казахстана. Площадь озера составляет 240 км² (до 380 км² в многоводные годы), глубина до 2 м. Расположено в 30 км к северу от города Тайынша (Тайыншинский район Северо-Казахстанской области). Озеро занимает большую по площади, но неглубокую котловину, сложенную глинами и иловато-глинистыми отложениями. Большая часть озера заросла тростником и другой водной растительностью. Центральная его часть преимущественно открытая. Дно покрыто иловыми отложениями мощностью около 1 м. Западный и северный берега озера крутые, местами обрывистые, высотой до 4-7 м; отстоят от уреза воды на 50-100 м. Восточный и южный берега низкие, пологие, постепенно переходящие в окружающую местность. Южный берег слегка заболочен, зарос водной растительностью.

Для всей территории Северной Сарыарки характерен резко континентальный климат. Его формирование обусловлено господством умеренных (полярных) воздушных

масс. Континентальность зависит от сравнительно большого колебания минимальных (январь) и максимальных (июль) температур. Для климата региона характерны также довольно резкие отличия температурного режима от года к году. Среднегодовое количество осадков составляет примерно 300 мм в год, и распределены они по территории более или менее равномерно. Распределение же осадков по месяцам и временам года неодинаково: в теплую половину года (апрель-октябрь) выпадает до 86% их общего количества, с максимумом в июле (50-70 мм). На холодное время (ноябрь-март) приходится всего 14-19% годового количества осадков, с минимумом в феврале-марте (10 мм). Среднегодовые суммы осадков испытывают резкие колебания. Засушливые годы чередуются с влажными. В засушливые годы суммы осадков могут составлять 65-70% от среднеголетних, а во влажные периоды более чем в полтора раза превышать их. Тепловой режим территории зависит не только от количества поступающей солнечной радиации, но и от циркуляционных процессов, которые также определяют количество и характер атмосферных осадков. В целом циркуляционный режим характеризуется преобладанием ветров с западной составляющей – юго-западных, западных, северо-западных.

В Северном Казахстане, где водораздельные пространства отличаются слабым стоком, почвы характеризуются большой засоленностью, а вследствие низких температур и малоснежности образуется трещи-

новатость. По трещинам происходит глубокое проникновение гумуса и корневой растительности в почву, что является дополнительным источником образования гумуса. Это определило высокое валовое содержание гумуса при укороченном (сравнительно с черноземами Европейской части Евразии) гумусовом профиле.

В центральной же части Казахстана почвы отличаются солонцеватостью, что связано с засоленностью почвообразующих пород и сухостью климата. В мелкосопочных районах преобладают щебнистые, малоразвитые и маломощные почвы на плотных породах. Вдоль Ишима залегают типичные пойменные почвы, занимающие сравнительно узкую полосу от 1-2 до 10-15 км в различных районах. Если степные черноземы отличаются трещиноватостью, то в долине, на более песчаных почвах, это явление не наблюдается.

По характеру *растительного покрова* территория области может быть разделена примерно на две части: южную степную и северную – лесостепную. Для первой характерна незначительная облесенность, а для второй – непрерывное чередование облесенных и открытых степных пространств. Участки покрыты лесом и кустарником и занимают до 23% площади. В степной же части они не охватывают и 10%. Таким образом, рассматриваемая территория представляет собой переходную полосу от степной зоны – на юге, к лесостепной – на севере. Древесная растительность размещена в виде отдельных рощ, называемых «колками» и состо-

ящих в основном из березы с примесью осины и тала. Травянистая растительность еще в недалеком прошлом была представлена преимущественно злаковыми травами – ковылем, типчаком, образующими сплошную дернину. Заливные луга распространены в долинах рек. На пойменных наносных гривах разнотравные луга имеют степной характер.

Фауна Северного Казахстана, в связи с распространением мозаики лесных колков, озер, тростниковых займищ, осоковых болот, носит пестрый, смешанный характер. Степные участки заселены многочисленными насекомыми и мелкими грызунами. Это сибирская кобылка и малая крестовичка, потребляющие особенно много растительной зеленой массы. Среди мелких грызунов следует отметить большого тушканчика, суслика, на которых, в свою очередь, охотятся такие хищники, как степной хорь и лисица, а из пернатых хищников – коршун и обыкновенный канюк. Остальные виды пернатых составляют полевые жаворонки, полевые коньки и садовая овсянка, кречет, дрофа, стрепет, большой кроншнеп – серый кулик, перепел, серая куропатка, скворец, воробей и многие другие. Из рептилий следует назвать лишь прыткую ящерицу.

В колковой части из мелких млекопитающих обильны красная полевка, лесная мышь, обыкновенный еж и др. Промысловые млекопитающие представлены зайцами-беляками, лисицей, барсуком и волком. Из копытных местами встречаются сибирская косуля и лось. С лесной растительностью

речных долин был связан также бобр, исчезнувший в Северном Казахстане в начале XIX в. Из птиц-дендрофилов в колках обитают большой пестрый дятел, вертишейка, иволга, синица. В рощах водятся кукушки, грачи, сойки, вороны; встречаются тетерев-косач, белая куропатка. Из хищников следует отметить мелких соколов, кобчика, пустельгу, дербника.

Своеобразна фауна озер и болот Северного Казахстана. От величины озер, наличия запасов кормов, рыбы и беспозвоночных животных зависит качественный и количественный состав птиц и зверей, населяющих водоемы. На них гнездятся серые гуси и утки многих видов, а также лысухи, поганки, чайки, кулики. На сплавных озерах гнездятся лебедь-шипун и серый гусь. Из мелких млекопитающих характерна водяная крыса и ондатра. Из амфибий широко встречаются зеленая жаба, остромордая лягушка, чесночница.

Географическое расположение Северной Сарыарки в центре евразийского континента обусловила своеобразие протекавших здесь историко-культурных процессов и во многие исторические эпохи Северная Сарыарка становилась местом инноваций и очагом культурогенеза.

Типология культурных ландшафтов

Культурный ландшафт – природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятель-

ности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности. Культурный ландшафт существует как двуединая совокупность конкретного преобразованного человеком географического пространства и связанной с ним системы представлений, культурных образов и мифов.

С самого зарождения человечества индивид, являясь частью природы, находится в прямой зависимости от неё. Человек, применяя и развивая свои знания, использует природу в качестве источника жизни, сырья и творчества. Используя природные ресурсы в своих целях, человек меняет культурно-географические характеристики среды обитания. Окружающее пространство преобразуется в культурный ландшафт.

Концепт культурного ландшафта из сферы географической науки постепенно становился предметом изучения многих научных дисциплин. В археологии он прошел путь от антропогеографии и географии человека к вопросу экологической обусловленности того или иного типа хозяйствования.

В 70-80-е гг. в рамках экологического подхода распространяются идеи адаптации Л. Уайта. Согласно его теории, культура в наиболее общем смысле понимается как «человеческие сверхприродные средства адаптации» (Косарев, 1991, с. 302). Идеи Л. Уайта в отечественную науку проникли благодаря работам Э.С. Маркаряна, который считал «адаптацию» фундаментальным

свойством саморегулирующихся систем (Маркарян, 1983, с. 96). К подобному образованию он относил человеческое общество, определяя его как «универсальное адаптивно – адаптирующиеся систему», где приспособительный эффект достигается не путём генетической перестройки, как это происходит в биоэволюции, а путём «материального преобразования природы» (Маркарян, 1983, с. 96). Система материальных элементов привнесённая в географическое, природное пространство формирует культурный ландшафт.

Первое упоминание понятия «ландшафт» относится к IX век и связано с деятельностью Фульдского монастыря. Именно в работах монахов этого учреждения и встречается впервые термин «ландшафт», что в переводе с латыни означает «...территория, упорядоченная, согласно общегерманскому плану».

В настоящее время принято следующее обозначение ландшафта: «Это геосистема с единым происхождением, общей историей развития, формирующаяся в условиях однородного геологического фундамента, одного преобладающего типа рельефа, одинакового климата, с характерным сочетанием почв, растительных сообществ и геосистем локального уровня» (Исаченко, Шляпников, 1989, с. 5).

«Культурный ландшафт» как научное понятие появилось относительно недавно. В культурологическом аспекте он понимается как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаи-

модействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» (Веденин, Кулешова, 2004, с. 24).

Ландшафт как самостоятельный объект, подлежащий охране, рассматривается в трех основных аспектах: экологическом, территориальном и историко-культурном. Третий, историко-культурный аспект ландшафта и его охрана имеют важнейшее значение для сохранения культурного наследия, так как в ландшафте отражаются исторические процессы, традиции и культура народов (Окладникова, 2014, с. 15).

Статус культурного ландшафта как объекта наследия был утвержден в 1992 году. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия стала первым международно-правовым документом, который признает и защищает культурные ландшафты. Комитет на своей 16-й сессии принял руководящие принципы, касающиеся их включения в Список всемирного наследия (Ссылка на интернет-источник [https://whc.unesco.org/en/cultural and scape/](https://whc.unesco.org/en/cultural%20and%20scape/)).

Согласно принятой типологии все культурные ландшафты подразделяются на три основные категории: 1) целенаправленно созданные руками человека, 2) естественно развившиеся, среди которых выделяются субкатегории реликтовых и развивающихся ландшафтов и, наконец, 3) ассоциативные ландшафты.

В основе, приведенной типологии лежат две характеристики культурных ландшафтов: во-первых, степень преобразования и культурного освоения исходного природного ландшафта (ландшафты целенаправленно созданные, естественно развившиеся и ассоциативные); во-вторых, жизнеспособность сформировавшегося ландшафта (ландшафты ископаемые, реликтовые, саморазвивающиеся).

К целенаправленно созданным (рукотворным) ландшафтам относятся объекты ландшафтной архитектуры – парки и сады, которые создаются по замыслу дизайнера. Их характерной особенностью является определенная планировочная композиция. В своем развитии данные объекты подчинены целеполагающей деятельности человека, в связи с чем представляют наибольший интерес в культурологическом аспекте.

В естественно развивающихся ландшафтах природные процессы в результате длительных и целенаправленных воздействий претерпевают определенные изменения. Природные компоненты ландшафта адаптируются к этим изменениям, в результате чего формируется ландшафтный комплекс, где сложным образом переплетаются процессы природной эволюции и целенаправленной деятельности человека. К такому типу ландшафтов можно отнести многие сельские и исторически индустриальные ландшафты. Различают три субкатегории таких ландшафтов:

1) ископаемые ландшафты, которые, как правило, включают в себя памятники археологического или

палеонтологического наследия. Это могут быть остатки древних городов, курганные комплексы, оазисы древних или сменивших географический ареал культурных общностей, сформировавших облик ландшафта, но безвозвратно ушедших или утративших функции носителя культурной традиции;

2) реликтовые ландшафты, которые в отличие от ископаемых ландшафтов продолжают жить и развиваться, но время их расцвета уже осталось в прошлом. В основном это «угасающие» ландшафты, оказавшиеся в окружении чуждой им культурной среды или под воздействием изменившихся природных условий. Носители культуры, создавшие этот ландшафт, уже исчезли, но сам ландшафт сохраняется в прежних своих формах усилиями представителей другой культуры, использующих его для своих собственных целей;

3) развивающиеся ландшафты могут быть связаны с географически детерминированными аборигенными культурами, такими как культуры американских индейцев, африканских племен, северных евразийских народов. Эти культуры являются уязвимыми в силу своей зависимости от природных свойств ландшафта, поэтому его сохранение – важнейшее условие их существования (Ссылка на интернет-источник <https://whc.unesco.org/en/culturallandscape/>).

Ископаемый подтип культурного ландшафта – это ландшафт, моделируемый исследователями на основе памятников археологии. Сакральные объекты и формируемый ими са-

кральный ландшафт являются важным фактором формирования национальной идентичности.

Сакральный ландшафт – разновидность культурного ландшафта, который сформирован системой священных мест, относящихся к одной и той же религиозной традиции. По сложности структуры внутренней организации сакральные ландшафты делятся на сакральные ландшафты мировых религий, на культовые или реликтовые сакральные ландшафты и на ассоциативные сакральные ландшафты. К ассоциативным ландшафтам относятся ландшафты, вызывающие сильные религиозные, художественные и культурные ассоциации, а также мемориальные ландшафты, хранящие память о важнейших событиях или великих личностях, ландшафты, нашедшие отражение в творчестве выдающихся деятелей искусства, и сакральные ландшафты.

Сакральный ландшафт является аспектом, компонентом и вариантом культурного ландшафта. Поэтому антропологическая составляющая сакрального ландшафта есть результат интеллектуальной и духовной деятельности людей по организации, управлению обликом природных географических ландшафтов. Управляющее воздействие людей на природный ландшафт, в процессе его сакрализации, выражается в наделении природных или рукотворных объектов, его составляющих, необычными качествами. Стоит отметить, что в зарубежной литературе места, связанные с памятными событиями также делят на «сакральные»

(священные) и «не-сакральные» (связанные с хаосом), что противоречит привычному нам бинарному делению на сакральное и обыденное (S.W. Nordeide, 2013, с. 13).

На сегодняшний день мы наблюдаем ситуацию, когда человечество находится в поисках выхода из кризиса индивидуализации и бездуховности. Человек остается один с проблемой угрозы бездуховности и деградации в результате десакрализации, секуляризации, демифологизации. Достойным ходом против данной проблемы в Казахстане выступают проекты, начатые Первым президентом страны Н.А. Назарбаевым, с целью сохранения и реконструкции исторических ценностей народа.

В своей программной статье Первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» пишет: «У каждого народа, у каждой цивилизации есть святыне места, которые носят общенациональный характер, которые известны каждому представителю этого народа. Это одно из оснований духовной традиции. Для Казахстана это особенно важно. Мы – огромная по территории страна с богатой духовной историей. Иногда наши размеры играли разную роль в истории. Но никогда в народе не прерывалась связь в этом духовном географическом поясе. Однако при этом за всю историю мы не создали единое поле, единую цепочку этих важных с точки зрения культуры и духовного наследия святынь мест. Вопрос даже не в реставрации памятников, зданий, сооружений. Вопрос в

том, чтобы увязать в национальном сознании воедино комплекс памятников вокруг Улытау и мавзолея Кожы Ахмета Яссауи, древние памятники Тараза и захоронения Бекет–Ата, древние комплексы восточного Казахстана и сакральные места Семиречья, и многие другие места. Все они образуют каркас нашей национальной идентичности. Когда сегодня говорят о воздействии чуждых идеологических влияний, мы не должны забывать, что за ними стоят определенные ценности, определенные культурные символы других народов. А им может противостоять только собственная национальная символика. Культурно-географический пояс святынь Казахстана – это и есть такая символическая защита и источник гордости, который незримо несет нас через века...» (Назарбаев, ссылка на интернет-источник http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad_vbudushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya).

Создание духовного географического пояса это не просто реконструкция хода исторических событий, это воссоздание и закрепление в памяти ярких моментов коренной трансформации, этапов пассионарных взлетов, менявших траекторию, направление развития и формировавших единый духовный потенциал нации. Эти «звездные часы» истории отмечены в геокультурном пространстве Казахстана системой сакральных объектов. Изучение их в единой целостности и локальном, региональном локусе – это накопление энергии, питающей и

сохраняющей генетическую память для будущих поколений.

Объединить в национальном сознании комплекс памятников и образовать так называемый каркас национальной идентичности возможно при исследовании, поиске, систематизации памятников, образующих сакральный ландшафт Казахстана. В список таких сакральных объектов, составляющих культурно–географический пояс страны, входят объекты, занимающие важное место в историко-культурном наследии и в социально-политической жизни Казахстана.

Объектами культурно–географического пояса выступают и археологические памятники, повышенный интерес и популяризация которых на сегодняшний день связана с принятием этих объектов гражданами страны как наследия, доставшегося от предков – наследников евразийских степей. Среди объектов, включенных в данную группу: погребальные сооружения, поселенческие памятники, памятники древнего искусства. Этапы эволюции памятников передают процесс возникновения и расцвета Казахского государства, а также в целом политических процессов на арене евразийских степей.

Казахстан представляет собой неповторимый сакральный объект, культурный ландшафт которого состоит из археологических памятников, начиная с памятников каменного века. Здесь имеются сакральные центры, являющиеся наследием от ранних кочевников предшествующих эпох, исследованием данных объектов занимается археология.

Исследование сакрального ландшафта требует в свою очередь сбор, систематизацию и анализ, как новых, так и уже известных материалов. Сакральные ландшафты представлены памятниками древнего искусства, среди которых Тамгалы-Тас, Каратау, Ешки-Олмес, Акбауыр и т.д., поселенческими и погребальными памятниками эпохи камня. Одним из ярких примеров является энеолитическое поселение Ботай, открытие которого вывело археологию Казахстана на новый уровень. На территории казахских степей встречаются памятники трех линий развития андроновского мира: алакульской, федоровской и бегазы–дандыбаевской культур.

Важное место в исследовании бронзы всего евразийского пространства представляет феномен протогородской цивилизации. Памятники данного типа встречаются на территории Северного и Центрального Казахстана поселениями раннеалакульской культуры, среди которых поселения Петровка, Новоникольское II, Боголюбово I и т.д. Открытие памятников данного типа позволяют удревнить археологическую датировку эпохи бронзы урало–казахстанских степей до XXIII века до н.э.

Исследование протогородов связано также с наличием военной аристократии, системой общественного строя, высоким уровнем металлопроизводства и ремесла, поэтому особое значение занимают погребения воинов-колесничих на территории Казахстана. Одним из ярких памятников, относящихся к данному феномену, является могильник Ащису в Цент-

ральном Казахстане. Вопросы миграции, расселения и особенности культуры и архитектуры затрагиваются так же и памятниками федоровской (нуринской) культуры, среди которых могильники Бесоба, Кырыкунгир и т.д., а также такие памятники бегазы–дандыбаевского типа, как мавзолеи Тагискен, Караоба (Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 21, с. 48, с. 65).

Раннежелезный век казахских степей представлен погребальными сооружениями и поселенческими памятниками. Исследуются царские курганы сакской цивилизации, загадочные страницы истории тасмолинской культуры, культурные ареалы и государственные образования гунно–сарматского времени.

Памятники средневековья представлены средневековыми городами, возникновение и расположение которых было связано с караванными путями, которые проходили через территорию казахстанских степей. Яркими примерами таких памятников являются городища Сарайчик, Жайык, Бозок. Отдельный вопрос занимает исследование памятников средневековья на территории Северной Сарыарки, что вызвано недостатком археологического материала. Письменные источники, материалы А.Х. Маргулана свидетельствуют о наличии более чем 20 памятников городской культуры эпохи средневековья на данной территории, поиски которых являются актуальным вопросом на сегодняшний день (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 24, с. 79; Хабдулина, 2016, с. 234).

В период средневековья решающими для расселения людей на исследуемой территории были два фактора. Первый – это наличие мощных водных ресурсов, второй – это караванные пути, сходящиеся в этих местах. Наличие воды, многочисленные озера, богатые пастбищные угодья предоставляли условия для караванных маршрутов.

В регионе Северной Сарыарки зафиксировано большое количество памятников средневековья. К ним относятся: курган Александровский, могильник Красное озеро, могильник Ольгинка Аршалынского района; могильник Джамбул, могильник Алгабас, могильник Бирлик, могильник Старый Колутон 1, могильник Зеленое I, II, Курган Соколь 2, могильник Бирлик 1 Астраханского района; могильник Каражар XV, поселение Каражар XII, могильник Митрофановка I, могильник Каражар IX, курган Полтавка 1, поселение Тельмана XVII, могильник Пригородное II, могильник Тимашевка X, могильник Самарка XV, могильник Смирновка II, могильник Тастобе Атбасарского района и другие.

Исследования археологических памятников сакрального ландшафта символизируют качественно новое осмысление истории и культуры Казахстана, древней культуры ранних кочевников. Открытие памятников, исследование и анализ представляет собой первые шаги в решении такой сложной и важной проблемы, как исследование возникновения и развития сакральной географии Казахстана.

Сакральный ландшафт является частью, компонентом и вариантом культурного ландшафта. Ископаемый подтип культурного ландшафта представляет собой ландшафт, моделируемый исследователями на основе сакральных объектов и полученный ими сакральный ландшафт является важным фактором формирования национальной идентичности (S.W. Nordeide, 2013, с. 4-6).

Нура-Ишимское междуречье – особый сакральный регион, территория которого в силу своего географического положения в центре евразийского континента является перекрестком взаимодействия древних кочевых культур. Данный регион входит в маршруты древних миграций, благодаря этому здесь обнаружены памятники практически всех археологических эпох.

Каждая историко-культурная эпоха оставила на этом пространстве свои культовые сакральные центры. Изучение факторов и условий их появления, формирование структуры, связь с определенными периодами и эпохами, причинность и длительность оформления их в особые сакральные ландшафты – основная идея исследовательских работ Есильской археологической экспедиции в 2018-2020 гг.

В результате масштабных разведочных поисков Есильской археологической экспедиции выделены крупные территориальные образования, насыщенные культовыми объектами разных эпох. Это Акмолинское Приишимье (верховья Ишима) и Тенгиз-Коргалжынская долина. На тер-

ритории Акмолинского Приишимья известно 122 кургана кочевой знати. По концентрации и особенностям планиграфических композиций они объединены в шесть локальных регионов, которые можно трактовать как сакральные центры раннего железного века. К ним относятся: окрестности города Астана, излучина р. Ишим, верхнее течение р. Акан-Бурлук, среднее течение р. Иман-Бурлук, нижнее течение р. Шагалалы, среднее течение р. Ащису (Хабдулина, 2016а, с. 138-140; Свиридов и др., 2014, с. 577-590).

Ярким локальным регионом является территория Тенгиз-Коргалжынской впадины. Здесь, в месте впадения р. Нуры в систему Тенгиз-Коргалжынских озер, на протяжении 60 км зафиксировано 35 памятников в диапазоне от раннего железного века до нового времени. Это одиночные курганы, зимовки-кыстау и разнообразные по стилю и архитектуре сырцовые мавзолеи нового времени. На этой территории Есильской археологической экспедицией раскопаны руины мавзолея XIV-XV вв., стены которого были покрыты бирюзовой майоликой (Хабдулина, Бонора, 2015, с. 94). Здесь, в низовьях р. Нуры находится средневековое городище Ба-

тагай, в исторических записках XIX в. упоминаются два мавзолея (Сырлытам, Сулутам) (Спасский, 1818).

Еще один локальный регион сакральной территории Акмолинского Приишимья представлен Бозокским археологическим микрорайоном, расположенным на территории, где сходятся истоки рек северного сибирского бассейна (Ишим, Селеты, Шидерты) и среднеазиатского внутреннего бассейна (Нура, Сарысу). Культурные слои городища Бозок хранят информацию о четырех государственных образованиях в истории Центрального Казахстана: Западно-тюркского каганата (VI-IX), Кипчакского ханства (X-XII), Улуса Жоши (XIII-XIV вв.) и Казахского ханства (XV-XVI вв.). Таким образом, освоение данной территории началось 1200 лет назад (Хабдулина, 2016, с. 234).

Т.о., в результате научно-исследовательских работ на территории Северной Сарыарки выделены крупные территориальные образования, насыщенные культовыми объектами разных эпох. Комплексное исследование этих территорий с ландшафтных и историко-культурных позиций позволит трактовать их как особые культурные ландшафты, обладающие вариативной иерархией.

**ГЛАВА III.
МЕХАНИЗМ САКРАЛИЗАЦИИ ЛАНДШАФТА И
ФУНКЦИИ САКРАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ
В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

М.К. Хабдулина

Одной из задач проекта является разработка теоретико-методологических подходов к содержанию историко-культурного понятия «сакральный ландшафт». На современном уровне исследование этой проблемы требует обращения к новым направлениям комплекса естественнонаучных и гуманитарных дисциплин (философии, культурной географии, культурологии, истории) (Замятнин, 2006). Составной частью этой проблемы является изучение механизма сакрализации ландшафта, который в философско-культурологическом контексте понимается как преобразование естественного природного ландшафта в искусственную социальную среду.

Предлагается следующая структура изложения.

1) Краткая характеристика сакральных ландшафтов двух отдельных локусов степной Сарыарки, насыщенных знаковыми объектами культового назначения;

2) Пояснение содержания основных дефиниций: сакральный, сакральный ландшафт, механизм сакрализации;

3) Реконструкция процесса сакрализации с привлечением общих

положений теории культуры и истории развития древнего мировоззрения. Подтверждение этого процесса на примере Бозокского сакрального локуса.

1. Реализация проекта базируется на исследовании двух отдельных территорий степной Сарыарки, насыщенных сакральными объектами. Это Тениз-Коргалжынский регион и верховье р. Ишим. Тениз-Коргалжынский регион включает нижнее течение р. Нуры и западную половину Тениз-Коргалжынского природного заповедника (Рис. I.5). Это уникальное место на территории всей Центральной Азии. Тениз-Коргалжынская система озер питается от р. Нуры, находится на перекрестке двух мировых пролетных путей миграций птиц и является одним из самых важных водно-болотных угодий в мире. Коргалжынский Государственный природный заповедник в 2008 г. вошел в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО (www.zapovedniki-mira.com).

В Тениз-Коргалжынском регионе нами обследована территория по петляющему руслу реки Нуры, размерами 50x20 км. Ведущим компонентом

археологического ландшафта являются памятники позднего средневековья (Рис. I. 5). Единично зафиксированы курганы раннего железного века и отсутствуют памятники более ранних эпох. Этот факт при наличии благоприятных природных условий (обилие озер, река) отражает динамику палеоклиматических изменений позднего голоцена. Вероятно, в бореальном и суббореальном периодах степная полоса Сарыарки испытывала сильное увлажнение, которое и было причиной незаселенности края. Хотя берега реки Нуры, в верхнем и среднем течении, протекающие по полупустынной и степной зонам, насыщены памятниками первобытности.

Сакральный ландшафт Тениз-Коргалжынского региона сформирован разнообразными культовыми объектами развитого и позднего средневековья. Здесь открыты мавзолеи из жженого и сырцового кирпича. Назва-

ния некоторых из них запечатлены в письменных источниках XIX в. (Сырлытам, Сулутам, Батагай). Археологически исследованы два мавзолея XIV-XV вв.: Жанибек Шалкар и Батагай (Хабдулина, Бонора, 2015, с. 92-94; Шайкен, Семби, 2019, с. 286-289).

Кроме культовых памятников по берегам небольших пресных озер сконцентрировано большое количество крупных казахских стойбищ – кыстау. Топографически они расположены низко к воде, состоят из трех-пяти крупных усадеб и тянутся вдоль берега. Усадьбы прямоугольной формы, состоят из множества жилых и хозяйственных секций (рис. III. 1). В непосредственной близости от кыстау, на плоских поверхностях межозерных пространств зафиксированы казахские зираты, в центре которых высятся один-два сырцовых мавзолея, сохранивших архитектуру золотоордынского времени. Рядом с

Рис. III. 1. Тенгиз-Коргалжынский регион. Кыстау Кызыл Мешит 5

ними находятся разрушенные сырцовые конструкции, в настоящее время они имеют вид оплывших курганов.

При разведочном обследовании берегов озер Коргалжынского заповедника Султанкельды, Есей, Шолак зафиксированы загадочные рвы, выкопанные перпендикулярно берегу (Рис. I. 2). Длина их от 20-30 м до километра, современная глубина 0,5-2,0 м. Они расположены с интервалом в 200-500 м (Тлеугабулов, 2019, с. 123). Эти сооружения относятся к категории загадочных, т.к. их функциональное назначение неизвестно. Высказываются предположения об отнесении их к мелиоративным устройствам или конструкций, предназначенных для облавной охоты (Кошкин, 2011, с. 36-38).

Второй сакральный ландшафт, привлеченный в качестве объекта исследования – Бозокский археологический микрорайон площадью около

40 га (Хабдулина, 2016, с.232-235). Бозокский археологический микрорайон имеет четкие границы, жестко ограниченные природными рубежами: на востоке водной гладью озера Бузукты и с трех сторон труднопроходимыми болотными массивами (Рис. III. 2). Сакральный ландшафт этой изолированной территории формировался в течение восьми столетий (VIII-XV вв.). Здесь расположены разновременные культовые сооружения погребально-поминального и гражданского назначения. С востока к этой цепочке руин примыкает крупная по площади ирригационная планировка. Т.о., культурный ландшафт Бозокского археологического микрорайона имеет сложную многокомпонентную разновременную структуру, которая характеризуется наложением, поглощением отдельных культурно-хронологических пластов.

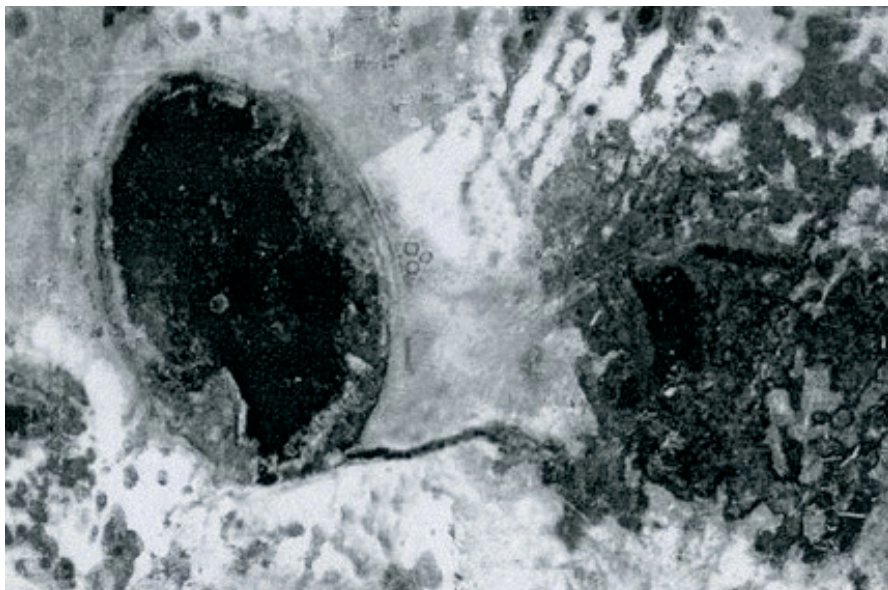

Рис. III. 2. Городище Бозок. Аэрофотоснимок

Обе территории исследуются в течение ряда лет и накоплен материал для реконструкции механизма сакрализации ландшафтов.

2. Сакральный (лат. Sacer (sacri) – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу, обрядовый. «Сакральный ландшафт» – это сформированное духовным человеческим опытом, т.е. одухотворенное воображаемое пространство, оно содержит природные и культурные компоненты. По мнению исследователей, сакральный ландшафт вписан в пространство человеческой хозяйственной деятельности (Окладникова, 2014, с. 26). Территория его может быть обширна, и окружена определенными природными рубежами, а может быть небольшой по площади. В любом случае сакральный ландшафт состоит из ряда отдельных центров, созданных в разные исторические периоды, и в таком виде он представляет собой культурный ландшафт, дошедший до наших дней.

Изучение механизма сакрализации ландшафта базируется на теории культуры и истории развития древнего мировоззрения. Само понятие «механизм» понимается нами как комплекс движущих сил, причин, как процесс реализации определенных действий. В данном случае действий, ведущих к обеспечению устойчивости и жизнеспособности древнего коллектива. Для сохранения целостности и единства формируются единые правила поведения, общая (коллективная) память, складывается общая картина мира (Байбурин, 1991, с. 24).

Категория «сакрального» разработана этнологией при изучении теории культуры, которая была разделена Э. Дюркгеймом на культуру сакральную (неукоснительную, коллективную) и профанную, обыденную. По его концепции жизнь человека протекает как бы в двух измерениях: индивидуальная жизнь и коллективная. Коллективная предполагает сохранение целостности, единства коллектива. Для этого необходимо неукоснительно следовать социальным нормам поведения, в основном состоящим из системы запретов и предписаний. Нарушение их может привести к несчастьям для человека и коллектива.

В истории эволюции древнего мировоззрения выделяют два этапа: космологическое мировоззрение, соответствует архаичному обществу и историческое мировоззрение характерное для традиционного общества. Перестройка сознания на историческую парадигму связана с коренной ломкой концепта времени, с ее «выпрямлением», с осознанием линейности, необратимости. Это привело к тому, что в традиционной культуре этап иррациональности сменяется ориентацией на практические ценности.

На первом космологическом этапе у человека, в результате контактов с окружающей средой, формируется образ мира, модель, которую надо поддерживать и воплощать в результате деятельности. Образ мира передается в мифах, реализуется в религии и ритуале. Появление этой идеи сопровождается разработкой комплекса мер, направленных на сохра-

нение целостности и стабильности жизни коллектива. Комплекс мер состоит из действий, включающих обычаи, обряды, ритуал. Параллельно ведется мифологизация пространства.

Ритуал должен проходить в наиболее сакральной точке, своеобразном «центре мира», где наблюдается наибольшая концентрация космических, мистических, священных сил. Отсюда родилась идея разной степени сакральности разных объектов, оказывающих энергетическое воздействие и вызывающее чувство благоговения. Так начинается оформление сакрального ландшафта и созидание святилища.

В процессе сакрализации большую роль играет ритуал как особая программа коллективного поведения, с помощью которой социум преодолевает критические точки бытия (Байбурин, 1991, с. 23-24). Ритуал неизменно связан со сферой сакрального, коллективного и имеет высокую степень жесткости, т.к. только преодолевая, можно достичь сплочения коллектива.

Археология реконструирует этот процесс в изучении крупных курганов элиты, строительство которых требовало значительных трудозатрат. Над могилой особой исторической личности, представителя знати, строится мощный и сложный по структуре погребальный комплекс. Например, раскопанный нами в 2018 г. курган 2 могильника Куйгенжар имел наземную часть, построенную из нескольких слоев дерновой кирпичной кладки, чистой материковой глины и сверху был покрыт каменным панци-

рем. Гранитные плиты были доставлены на берег Ишима из скальных выходов береговых террас р. Нуры, расположенных в 40 км от урочища Куйгенжар. Такие трудности (расстояние и транспортировка) были традиционны для этапа космологического мироощущения. Кроме трудоемкой наземной конструкции курган 2 могильника Куйгенжар имел глубокий, длинный (6 м) подземный коридор (дромос) для спуска в могилу. Строительство его также было сопряжено с большим объемом работ. Аналогичные иррациональные трудозатраты – обычное явление для сакральной практики древних обществ.

Созидание сакрального ландшафта начинается с выбора благоприятного местообитания и осуществления комплекса мер, направленных на упорядочивание, структурирование природного окружения. Представляется, что первым шагом является природный объект, постепенно приобретающий статус «священного»: гора, озеро, родник, река. Вокруг него разворачивается сценарий сакрализации. Важную роль играет и хозяйственный аспект: богатые пастбища, целинные земли, залежи рудных богатств, промысловые угодья. Постепенно территория обитания наполняется разнообразными культовыми и жилыми зонами, совокупность которых придает ей статус сакральности. Ландшафт заселяется культовыми мемориалами, связанными с особыми историческими событиями и историческими личностями. В дальнейшем они становятся центрами поклонения, подпитки энергетических сил,

передачи культурно-мировоззренческих ценностей и сохранении их в памяти поколений. Сакральные объекты получают свои названия, которые хранились в веках и дошли до нас как топонимы, оронимы, айконимы.

Наиболее ярким примером служит сакральная карта Тенгиз-Коргалжинской впадины, на которой запечатлена исконно казахская ландшафтная топонимика с нанесением местных гидронимов, омонимов, существовавших в конце XIX – начале XX в. Указаны именные зимовки, названия урочищ, саев, гор. Указаны бесчисленное количество исторических наименований озер (Султанкельды, Коккай, Аблай, Есей), на многих из них дополнительно написаны названия культовых мемориалов (Жанибек, Кирей, Тохтамыш, Аблай). Это мемориалы, связанные с историей Казахского ханства (Хабдулина, Бонора, Билялова, 2018, с. 163-165).

3. Реализацию процесса сакрализации ландшафта можно реконструировать на примере социально-пространственной структуры Бозокского археологического микрорайона и археологического ландшафта Тенгиз-Коргалжинского оазиса.

Сакральный профиль Бозока. Главным фактором выбора этого места является озеро Бузукты (современное название на картах Целиноградского района). Именно оно привлекло внимание как яркий природный объект. Водная гладь имеет яйцевидную форму с четким контуром берегов, что удивительно в виду отсутствия в рельефе коренной террасы. Озеро пресноводное, питается родниками,

даже сейчас оно не усыхает в жаркие сезоны. Второй фактор привлекательности озера, что – это место гнездования экзотических птиц. В летнее время здесь выводят птенцов белые и черные лебеди, журавли, встречаются пеликаны, бесчисленное количество уток. В-третьих, вода и яйцевидный абрис – главные компоненты космологических мифов о сотворении мира. Так в одном географическом пространстве уникально соединились природные знаки, символы идеальной модели (образа) мира.

Такое место в космологическом мироощущении, вне сомнения, наделялось высшей сакральной субстанцией, требующей его сохранения и целостности. Для архаического мировоззрения эта ситуация соотносилась с организацией сакрального пространства для проведения ритуальных действий по предотвращению хаоса, укреплению космического и земного порядка. Действенным может быть ритуал, происходящий в самом центре сакрального пространства. Именно в центре наблюдается мощнейший коммуникативный порт общения с Небом, успешным становится преодоление ситуации неопределенности, напряженности, тревоги, страха (Байбурин, 1991, с. 39).

Началом организации сакрального пространства Бозока – стало строительство культового центра для проведения важных ритуалов. На возвышенной точке берега были построены три квадратные площадки, обнесенные глубоким рвом и внешней крепостной стеной. Сама трехчастная композиция, мощные кре-

постные укрепления являются кодом, семантический смысл которых надо разгадать. В центре северного «квартала» было построено юртообразное жилище, возведенное из сырцового кирпича. В 2 м от входа стояло крупное деревянное изваяние (Хабдулина, Тлеугабулов, 2019, с. 588-590). Под полом в центре жилища открыто захоронение человека без ступней, с отрубленными и перемещенными кистями рук.

Все эти элементы свидетельствуют о сложности проводимых ритуальных церемоний. Можно только догадываться о периодичности посещения этого святилища и отправлении культовых обрядов. Непонятные для нашего рационального сознания характеристики: труднодоступность, расположение среди болот, мощные крепостные сооружения, скрытность происходящего для внешнего мира – яркие черты древнего святилища (кура, т.е. запретной территории – по древнетюркски).

О том, что у древних тюрков были специальные места, даже города для отправления культов, приношения жертв божествам свидетельствуют письменные источники: китайские, европейские (Bilyalova, Tleugabulov, 2018, p.189-196). Культовый центр Бозок не предполагал массовое и длительное пребывание. Это было святилище сезонного характера, одновременно оно использовалось как временная ставка – ордакент правителя Нура-Ишимского междуречья (VII-IX вв.).

Судя по стратиграфии, конструкции святилища стояли более 100 лет.

Рвы подчищались, стены обновлялись, достраивались. Однако к X в. культовый центр был оставлен. Позже рядом с его руинами возникают дома земляночного типа. Их появление, обустройство ирригационной планировки – свидетельство поколенной памяти об особом статусе этого небольшого по площади локуса и приобщения к его сакральности. В следующие столетия XIII-XV вв. территория Бозокского археологического микрорайона стала местом возведения мусульманских могил. Здесь нами расчищены мавзолеи из жженого и сырцового кирпича, сырцовые оградки, раскопано 72 погребения языческой и мусульманской принадлежности.

Функции сакрального ландшафта в историко-археологическом контексте

Проект «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика» посвящен исследованию истории и развития сакрального ландшафта северной Сарыарки. В географическом плане северная Сарыарка включает несколько ландшафтных зон: лесостепь, степь и полупустыню. Разнообразие природно-экологических условий исторически определяло особенности хозяйственной деятельности, способ освоения и использования разнообразных ландшафтов, динамику формирования культурных объектов.

Исследование обширных пространств северной Сарыарки и сравнительный анализ с соседними

ландшафтами показал, что привлекательными для обитания являются территории, насыщенные плотной гидросетью, имеющие широкие возможности коммуникаций, обладающие удобными для хозяйственной деятельности природными характеристиками. К такому району относится небольшое по площади, но сложное по структуре пространство междуречья Ишима и Нуры.

В архаические эпохи стратегию цивилизационного развития определяли междуречья рек: Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Хуанхэ и Янцзы. Руслу двух рек как естественные рубежи концентрировали социально-экономические, культурные достижения. В их пространствах зародились первые государства, города, храмы, сакральные центры.

Эти примеры подчеркивают важность изучения междуречья Нуры-Ишима, расположенного в центре казахских степей. В отличие от рек древневосточных цивилизаций, наши реки имеют разнонаправленный сток. Ишим несет свои воды в бассейн Северного Ледовитого океана, Нура относится к рекам внутреннего среднеазиатского стока, не имеющего выхода к мировым океанам. За десятилетия археологических работ на этой территории накоплен обширный материал.

Исполнители проекта за основу анализа и изучения взяли два крупных природно-исторических региона, расположенных в географически значимых местах: в верховье р. Ишим и низовье р. Нуры. По концентрации археологических памятников и типологии ландшафтов они выделены в

две крупные сакральные территории: вокруг г. Нур-Султана – Козыкош-Караоткельский район и в низовье р. Нуры – Тениз-Коргалжынский оазис. Каждая территория по широтной оси равна примерно 50 км. С точки зрения современного состояния – это урбанизированный и заповедный ландшафты. Они хранят природные и культовые объекты разных временных периодов и различаются между собой структурой сакральных ландшафтов.

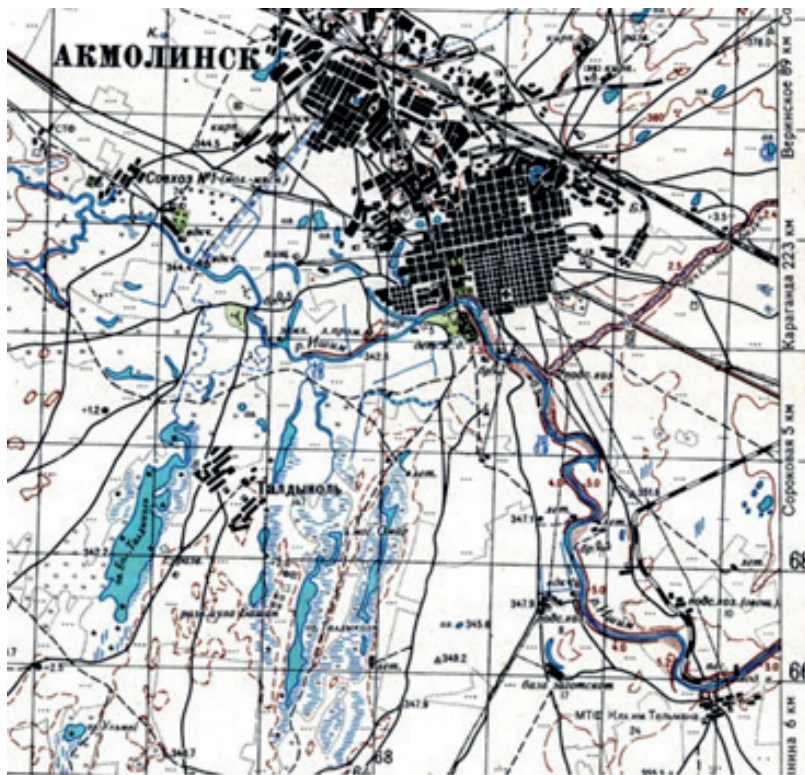
Функционирование концепта «сакральный ландшафт». Сакральный ландшафт – это жизненное пространство, структура которого состоит из переплетения пространственных материальных, природных и культовых объектов. С философской точки зрения сакральный ландшафт отражает процесс бытия культуры в определенном пространстве и времени. Метками этого процесса являются сакральные центры, топонимы, гидронимы. Топонимы как знаки-символы обладают исторической семантикой и могут быть прочитаны как текст, потому что само появление топонимов связано с определенными историческими событиями, необычными природными объектами или исторической ролью харизматических личностей (Лавренова, 2010, с. 13). Формирование любого сакрального ландшафта есть результат освоения и культурного преобразования пространства в течение многих столетий. Каждая историческая эпоха добавляет свои культовые и хозяйственные сооружения. Такой ландшафт становится многослойным. Складывает-

ся эффект палимпсеста. Археология располагает методами и приемами вычленения хронологической цепи древних памятников, этапов появления (оформления) сакральных объектов, и воссоздания на их основе палеогеографических и исторических процессов региона.

В типологии сакрального ландшафта выделяют крупные сакральные территории, включающие несколько сакральных комплексов, обладающих семантической целостностью и знаковой символикой. Внутри комплексов вычленяют сакральные центры.

Козыкош-Караоткельская сакральная территория состоит из нескольких сакральных комплексов: система озер Талдыколь, мусульманский некрополь Караоткель, река Козыкош, средневековое городище Бозок. Наиболее изученным среди них является городище Бозок. По археологическим данным формирование этой территории длилось в течение семи тысяч лет: от эпохи неолита (неолитические стоянки обнаружены по берегам р. Ишим) до позднего средневековья.

Натурные обследования, раскопки и старинные карты конца XIX – пер-

КазССР Акмолинская область. Фрагмент
(желтым выделено оз. Большой Талдыколь, синим - группа озер Талдыколь, красным - оз. Ульмес)
Видно поселок Талдыколь. Нанесены развалины аулов (зиновок) рода Бощан, и родовые кладбища/могильники
Составлено в 1952 году. Отпечатано в 1954 году.
Составила техник топографической службы Цветухина З.А.

Рис. III.3. Фрагмент карты 1952 г. Этнографические памятники Талдыколя

вой половины XX в. дают картину интенсивного использования данного историко-географического пространства. На исторической территории, прилегающей к г. Нур-Султан, зафиксированы следы преобразования ландшафта в виде многочисленных мусульманских зиратов, казахских поселений (*кыстау*). Даже сейчас, несмотря на бурную застройку левого берега р. Ишим, здесь еще сохранились древние и средневековые объекты. Важным привлекающим элементом ландшафта является плотная гидросеть, состоящая из сетки степных речек и озер.

К числу крупных озер Козыкош-Караоткельской сакральной территории относится система озер Талдыколь.

Они имеют узкие меридионально вытянутые котловины, расположенные довольно близко друг к другу. Происхождение их относится к началу голоцена (10-13 тысяч лет назад), озерные котловины имеют коренные берега и на этих узких перешейках зафиксированы 5 зиратов конца XIX- начала XX в. Некоторые из них имеют свои названия (рис. III. 3).

На территории каждого некрополя есть древние погребальные сооружения. Это курганы раннего железного века. Именно вокруг них в течение тысячелетий формировался некрополь. Курганные мемориалы являются древними святилищами, маркерами почитания святых мест. И в дальнейшие столетия пространство

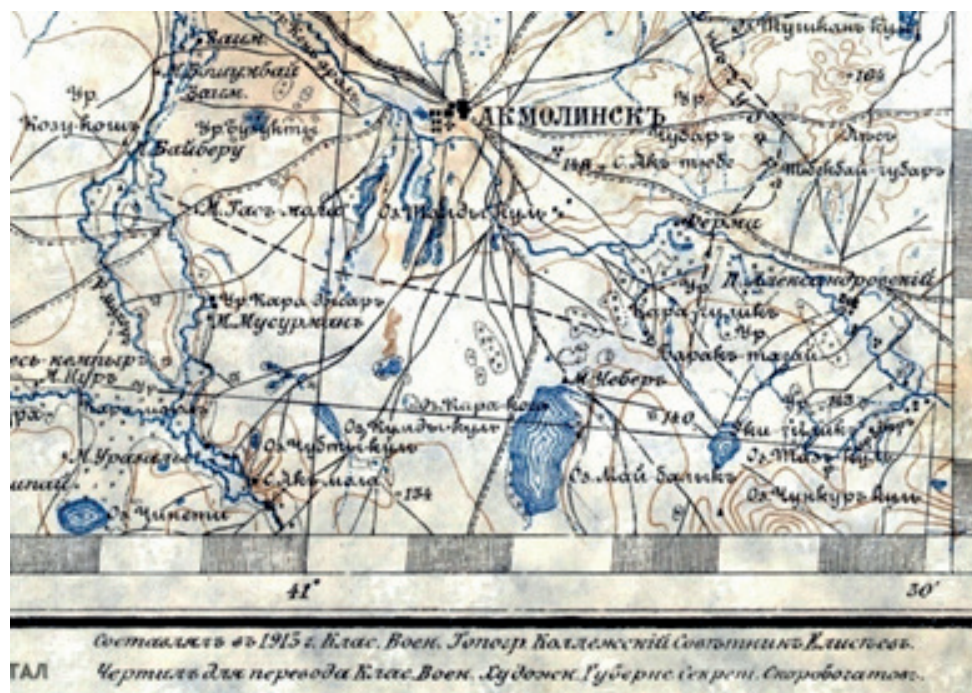

Рис. III. 4. Фрагмент карты 1913 г. Казахская топонимика начала XX века вокруг Акмолинска

вокруг них становится местом захоронения более поздних обитателей края. Процедура выбора наиболее сакральных точек пространства всегда была связана с культом предков, т.е. с уже существующей зоной ритуального прошлого, которое всегда воспринималось как родственное. В этом заключается особенность менталитета степных народов.

При осмотре в 2006-2007 гг. ныне застроенной северной оконечности озер Талдыколь возле этих некрополей были видны развалы усадеб казахских поселений. В настоящее время они уничтожены. Карта 1913 г. (рис. III.4) показывает обилие урочищ, сохранивших топонимику мест, заселенных казахами. Мы видим названия, которые не соответствуют природным характеристикам равнинного озерно-речного рельефа местности. А на карте есть урочища Тасмола, Кзылжар, Каражар. Много омонимов (имен собственных) в обозначении урочищ Мусурман, Уразалы, Бошумбай. Карта показывает систему расселения казахов нового времени, тесную связь их хозяйственной деятельности с ландшафтом и природным окружением. Традиционным образом жизни для них являлось сочетание оседлости и полукочевых форм скотоводства.

Сакральный комплекс Караоткель находится на территории г. Нур-Султан и включает мусульманский зират Караоткель и элитные курганы раннего железного века урочища Куйгенжар и Сыгнал. Два последних объекта раскопаны (2009, 2018 гг.) и дают яркий материал по организации

сакрального храмово-ритуального пространства сакского времени (Хабдулина, 2016, с. 137-148; Хабдулина, 2019, с. 23-24).

Козыкош – это небольшая степная речка течет с юга на север, соединяет воды Нуры и Есиля. В настоящее время русло ее наполняется водой только в половодье. Река являлась удобной водной магистралью караванной и пастбищной деятельности. Берега ее насыщены развалами казахских кыстау. Среди них выделяются скопления крупных поселений нового времени у слияния речки Козыкош с Ишимом (рис. III.5).

Феномен сакрального центра Бозок. В структуре Козыкош-Караоткельской сакральной территории главным сакральным центром является городище Бозок. Дата появления этого сакрального объекта – VII-VIII вв. н.э. Территория бозокского археологического микрорайона функционировала в течение восьми столетий (VII) VIII-XV вв.). В начале XX в. южная окраина территории городища Бозок, судя по развалам двух жилых усадеб казахского поселения, все еще была местом сезонного обитания.

Городище Бозок или по археологической номенклатуре «бозокский археологический микрорайон» многозначен по форме выражения и смыслу содержания. Сначала о содержательной функции. Средневековое городище Бозок - это святилище, культовый центр раннего средневековья (VII-IX вв.). Своим расположением он маркирует трассу продвижения тюркоязычных этносов из Центральной Азии на запад (Тлеугабулов, 2020, с. 20-22).

Продвижение было многоэтапным и шло по хорошо известным миграционным путям. Новый этнос пришел не на пустое место. Здесь в казахских степях еще с раннесакской эпохи обитали западные динлины (из конфедерации племен теле) – выходцы из Центральной Азии (Пьянков, 2011, с. 415; Хабдулина, Свиридов, 2017, с. 164).

Динлины сыграли большую роль в истории Центральной Азии. Сведения о них сохранились в китайских династийных хрониках. По ним динлины делились на северных и западных. Северные динлины проживали в Минусинской котловине и с этим этнонимом археологи связывают общности карасукской, тагарской и таштыкской археологических культур Южной Сибири.

Китайские исторические хроники «Вэйли» и «Хоу Вэйшу», говоря о западных динлинах, упоминают о существовании государства Динлин к северу от Кангюя и западу от Усунь. Следуя этим указаниям, западные динлины занимали территории Восточного и Центрального Казахстана (Ахинжанов, 1989, с. 88; Пьянков, 2011, с. 415). Сопоставление сведений письменных и археологических источников привели востоковеда И.В. Пьянкова к выводу, что западные динлины обитали в казахских степях еще в первом тысячелетии до н.э. и с ними можно соотнести тасмолинскую археологическую культуру (Пьянков, 2011а, с. 96; Байпаков, 2012, с. 138). Следовательно, раннесредневековые миграции тюркоязычных племен теле

Рис. III. 5. Казахские кыстау в устье р. Козыкош

– это было проникновение в родственную среду. И эта историческое событие является стандартной ситуацией миграции и распространения носителей древнетюркской элитарной культуры.

Во все времена активной трассой миграционного пути после пересечения реки Иртыш было широтное русло р. Ишим. Именно здесь в верховье Ишима, в месте традиционного пересечения широтных и меридиональных караванных и миграционных путей, в точке наибольшего сближения двух рек – Ишима и Нуры был построен ордакент, совмещавший в своей структуре функции сезонной ставки и культового центра.

Сарыарка вошла в состав Западнотюркского каганата. Древние тюркоязычные племена, осваивая территорию казахских степей, принесли свои традиции. Хозяйственно-культурный тип степных империй обусловил сезонные перемещения кочевой ставки правителя. Владетели кочевых империй имели несколько городов-ставок. Кочевой образ жизни гуннов, тюрков, монголов привел к географическому размежеванию летних, зимних ставок, откуда и осуществлялась власть хана, шаньюя. В степных империях существовали различные типы городов: столичные, церемониальные, города-хранилища государственных богатств. Обязательным было строительство особых церемониальных центров для отправления традиционных обрядов и ритуалов (Кызласов, 2016, с. 145; Данилов, Именохоев и др., 2016, с. 89-90; Харинский, 2017, с. 146).

Существование у гуннов, тюрков, киданей специально отведенных мест для жертвоприношений и обрядов зафиксировано письменными источниками. У гуннов Центральной Азии одна из столиц – г. Лунчэн являлся не только императорской ставкой, но и храмовым, религиозным центром, где проходили ежегодные сборы для совершения обрядов и жертвоприношений (Кызласов, 2016, с.145). Город Дайлин выполнял экономическую функцию, известен город Чжаосиньчэн, который являлся государственным хранилищем (Кызласов, 1998, с. 50). У киданей возле пяти столиц существовали особые места – храмы для поклонения Небу, Земле и Великому предку (Крадин, Ивлиев, 2014, с. 66).

К категории такого ордакента и церемониального центра относится Бозок. О его функциональном назначении известный казахстанский археолог К.А. Акишев, писал, что Бозок в средние века – это «город типа ордакент – сезонная административная резиденция правителя, возникшая на священном месте. Это был не только крупный политический, ремесленный и торговый, но также и культовый центр Приишимья» (Акишев, 2008, с. 23-24).

Планиграфически Бозок древнетюркского времени состоит из трех квадратной формы площадок общей площадью 12646 кв.м. Каждая площадка автономно обнесена глубоким ровом и высокой крепостной стеной. Две из них: южная, и восточная, были пространством для размещения кочующего за правителем администра-

тивного двора. Северный квартал выполнял функции культового центра. Он выделялся более крупными размерами оборонительных укреплений, имел всего один вход с южной стороны. Таким образом, Бозок VII-IX вв. совмещал в своей структуре функции ордакента и древнетюркского святилища, культового центра. В течение восьми столетий Бозок сохранял этот священный статус. Как древнетюркское святилище Бозок полностью соответствует всем критериям этого понятия, выделенного по славянским и буддийским памятникам (Тимошук, 1990, с. 55; Забияко, 2012, с. 136).

Первый признак – обособленность от мирского, профанного окружения. Бозок запрятан среди болот левой пойменной долины реки Ишим, территория его окружена системой природных и искусственных ограждений. Искусственные ограждения – это крепостные стены и глубокие (3 м) рвы, окружающие каждую площадку городища Бозок (Глеугабулов, 2020).

Второй признак – особая аура окружающего ландшафта. Ландшафта, своим природным окружением, оказывающего энергетическое воздействие на эмоциональное состояние человека, пронизывая его ощущением уединения, оторванности от суеты, единения с высшими силами, восприятия сакральной информации (Харькова, 2014, с. 178). И в создании такого настроения важная роль принадлежит озеру Бузукты, на восточном берегу которого и построен Бозок.

Именно озеро привлекает внимание как яркий природный объект. Акваторий его имеет яйцевидную форму

с четким контуром берегов, что удивительно в виду отсутствия в рельефе коренной террасы. Озеро пресноводное, питается родниками, даже сейчас оно не усыхает в жаркие сезоны. Второй фактор привлекательности озера, – это место гнездования экзотических птиц. В летнее время здесь выводят птенцов белые и черные лебеди, журавли, встречаются пеликаны, бесчисленное количество уток. Звуки птичьих голосов под бездонной синевой неба вызывают сильные эмоциональные реакции, пробуждают воображение, стимулируют интеллектуальную деятельность.

В-третьих, вода и яйцевидный абрис – главные компоненты космологических мифов о сотворении мира. Такое место в традиционном мироощущении, вне сомнения, наделялось высшей сакральной субстанцией, требующей его сохранения и целостности. Расположение святилища на берегу озера – это выбор наиболее сакральной точки пространства. Так в одной географической точке уникально соединились природные знаки, символы идеальной модели (образа) мира. Бозок оказался материализованным в пространстве мифом о сотворении мира.

Для архаического мировоззрения эта ситуация соотносилась с актом сакрализации пространства для проведения ритуальных действий по предотвращению хаоса, укреплению космического и земного порядка. Традиционное мышление считает, что действенным может быть ритуал, происходящий в самом центре сакрального пространства. Именно

здесь наблюдается мощнейший коммуникативный комплекс общения с Небом, успешным становится преодоление ситуации неопределенности, напряженности, тревоги, страха (Байбурин, 1991, с. 39).

Археологические следы регулярных ритуальных действий. О длительности таких практик на городище Бозок свидетельствуют стратиграфия рва и вала, отражающие картину неоднократного обновления вала-стены и расчистки заполнения рва в течение нескольких столетий. При этом первоначальный, и последующие разрезы рва не совпадают. В один из периодов расчистки рва у северного входа в восточный «квартал» на глубине 1,8 м была сделана строительная жертва – захоронение лошади. На черепе лошади лежали две пары железных удилов и роговой двухдырчатый псалий. Дата этого комплекта узды VIII-IX вв. (рис. III. 6) (Хабдулина, Орлова, 2010, с. 161-163).

Северный квартал, территория которого и являлась культовой площадкой, имел всего один вход с южной стороны в виде перемычки во рву шириной 2,3 м. В глубь квартала вела стена, обозначенная четырьмя мощными столбами, вкопанными на глубину 0,5 м. В центре квартала стояло юртообразное строение, в 2 м от входа в «юрту» было вкопано деревянное изваяние (менгир ?), которое неоднократно ремонтировалось. В центре юрты на глубине 0,7 м обнаружено ритуальное захоронение человека, скорчено на левом боку, без ступней и с отрубленными кистями рук. Доступ к юрте прегражден двумя рядами де-

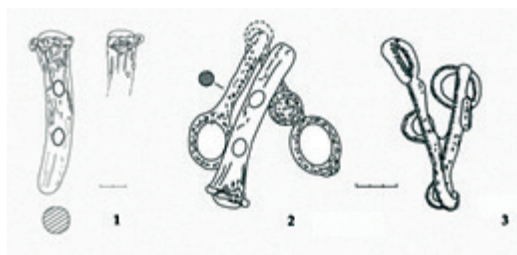

Рис. III. 6. Городище Бозок.
Комплект конской узды

ревянного частокола. Возможно, для прохода к «юрте» была оставлена какая-нибудь «калитка». Т.о., комплекс признаков характеризуют закрытость и малодоступность внутрь северного «квартала».

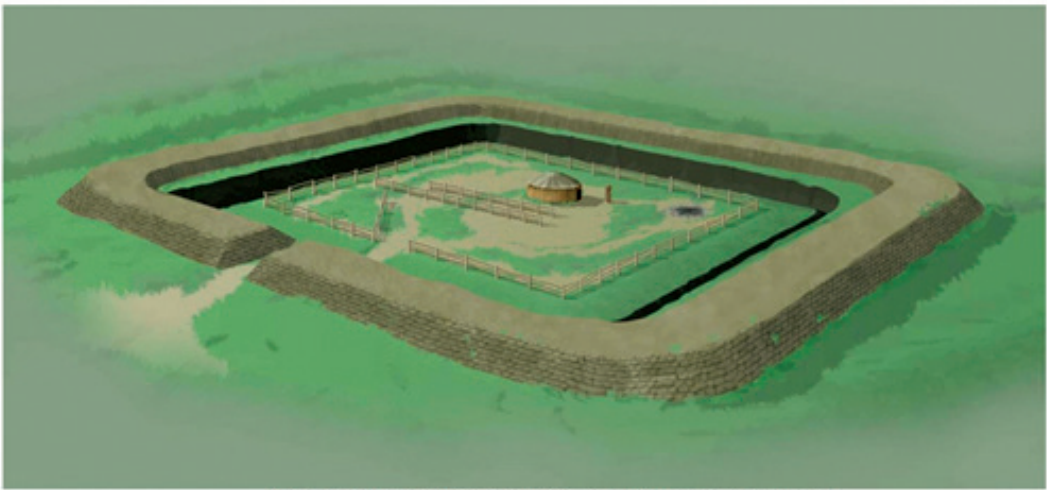
Стратиграфия оборонительных сооружений свидетельствует, что, культовый центр Бозок периодически оставлялся, затем использование его возобновлялось. Еще одна интересная деталь находит аналогии в средневековых сакральных объектах Евразии. Это организация дополнительных мест для участников ритуальных церемоний, которым был запрещен доступ на территорию северного квартала. На заключительной фазе использования бозокского культового центра (IX в.), уже затекшие грунтом рвы на глубине 1 м выстланы горизонтально уложенными сырцовыми кирпичами. Получилась как «пешеходная тропа» внутри рва вокруг внутреннего пространства северного квартала. Это были дополнительные места для размещения людей во время проведения обрядовых действий. Об аналогичных примерах пишут исследователи центрально-азиатских средневековых городов-

святилищ. На Байкальских мысовых городищах VI-IX вв. за пределами вала и рва открыты горизонтальные площадки, расположенные ярусами по склону мыса. На этих горизонтальных площадках обнаружены следы кострищ, пережженные кости животных, фрагменты сосудов. По мнению исследователей – это специально отведенные места для членов общины, не имевших доступа на центральную, огороженную часть святилища (Харинский, 2017, с. 144).

Мы предполагаем, что северный квартал городища Бозока воспринимался как храмовая площадка, вокруг которой в затекшем грунтом рву, специально выстланном кирпичами, размещались прибывшие на проведение культовых обрядов. Аналогичный сценарий предполагается и для архитектурного пространства болгарского святилища Тигашевского городища X-XII вв. в Прикамье. Внутреннее пространство Тигашевского святили-

ща было обнесено концентрическими рядами деревянных ограждений. По мнению его исследователя А.П. Смирнова это был крупный племенной культовый центр. «Двойное, а может быть и тройное деление святилища позволяет думать, что центр его, святая святых, мог быть доступен только жрецам. Народ, вероятно, располагался в пространстве между оградами и на свободной площади вокруг первой ограды» (Смирнов, 1961, с. 141). Такие же детали характерны для славянских городищ VIII-IX вв. (Русанова, 1997, с. 48).

Известные по письменным источникам сведения о существовании у кочевников церемониальных центров общегосударственного значения, в настоящее время получают подтверждения в результатах археологических исследований средневековых городов Центральной Азии (Данилов, Именохоев и др., с. 74-93; Харинский, 2017, с.143, 146). На за-

Городище Бозок. Реконструкция строений нижнего горизонта.

Рис. III. 7. Рисунок В. Меденко.

падном фланге степной Евразии к кругу этих памятников относятся Вознесенка, Глodosы, Перещепино (Амброз, 1981, с. 14; Плетнева, 2003, с. 39; Хрисимов, 2009, с. 37-38).

Т.о., Бозок – свидетельство существования церемониальных городов у древних тюркоязычных племен и яркий объект сакрального ландшафта верховьев Ишима. Второй аспект сакральности этого феномена связан с названием озера, зафиксированного в искаженном виде на картах Целиноградского района (1963 г. - Бузукты) и в названии урочища Бузук на картах начала XX в. Этот топоним, дошедший к нам из более чем, тысячелетней давности, насыщен знаковой символикой.

В названии озера таится глубокий семантический смысл. Расшифровка его возможна с привлечением разного вида источников: эпических, исторических топонимических, археологических. Следуя художественному содержанию эпоса «Огуз наме» мы вправе слово «бузук» обозначить как «небесные стрелы», стрелы, посланные с востока (Акишев, 2008, с. 16-17). Разворачивая эту логику можно утверждать, что это слово закрепилось на века в названии маленького затерянного озера в долине верхнего Ишима, потому что было принесено элитой древних тюрков, осваивавших реку Ишим как транспортную магистраль на пути их движения с востока на запад.

Гидроним, сохранившийся в названии озера Бузукты, позволяет определить историческую эпоху появления и использования слова бузук и его по-

следующую славную историю. Этот термин принадлежал эпохе Тюркских каганатов (VI-IX вв.). Исторически он обозначает восточную часть территориально-административного деления тюркоязычных государств (Акишев, 2008, с. 15). Термин имеет героическую историю. Бузук – это название правящей династии Османов XI-XII вв. Привлекая топонимику, мы можем проследить продвижение тюркоязычных племен на рубеже первого и второго тысячелетий из глубин казахских степей на Ближний Восток, в Малую Азию. По пути следования остались города с этим названием – на Сырдарье есть Бузук-кала. В настоящее время термин, зафиксированный как гидроним в названии озера Бузукты, известен в современной Турции как название университета «Бозок» в г. Йозгат (Yozgat). Во всем этом проявляется яркая сакральная сущность древнетюркского слова бузук / бозок.

В древнетюркских эпосах и текстах термин бузук используется в нескольких значениях: как правое крыло войска; в системе титулатуры огузского каганата данный термин означал высокую статусность воинской и родовой знати. Удивительно многовековое сохранение термина бузук и проявление его в названии небольшого, затерянного среди болот озера – маленькой точке на бескрайних просторах евразийского пространства. Наше рациональное сознание должно воспринимать его как высший знак, удостоверяющий феномен сакральности этого места.

Не случайным оказалось мистическое расположение археологического

объекта на центральной оси городского пространства новой столицы Казахстана – г. Нур-Султан: Бозок – Акорда – Студенческий городок. Дизайнеры назвали его «ось тысячелетий» (прошлое-настоящее-будущее). Все это семиотические знаки сакральности данного ландшафта, идущие из глубины веков.

Вторая заповедная территория – Тениз-Коргалжынская, включает нижнее течение р. Нуры и сам природный заповедник (рис. I.6). Это уникальное место на территории всей Центральной Азии. Тениз-Коргалжынская система озер питается от р. Нуры, находится на перекрестке двух мировых пролетных путей миграций птиц и является одним из самых важных водно-болотных угодий в мире. Коргалжынский государственный природный заповедник в 2008 г. вошел в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО (www.zapovedniki-mira.com). Озера Тениз-Коргалжынской впадины – место гнездовый более 200 видов птиц: лебеди, журавли, пеликаны, черные аисты и экзотические розовые фламинго. Степные пространства являлись прекрасными пастбищами, озера изобиловали рыбой, стада сайгаков, джейранов, косуль, вепри и рыси в камышах – были объектами облавной охоты <https://fb.ru/article/437615/korgaljyinskiy-zapovednik-opisanie-raspologenie-flora-i-fauna>.

Эти природные условия края известны с эпохи голоцена, а может и раньше. Открытые здесь археологические объекты датируются от раннего железного века (I тыс. до н.э.) до

позднего средневековья (XVIII-XIX вв.). В целом, такой культурный ландшафт формировался в течение трех тысяч лет.

Сакральная аура культурного ландшафта Тениз-Коргалжынского оазиса включает несколько территориальных комплексов: сырцовые мавзолеи, расположенные с интервалом 3-5 км вдоль русла реки Нуры и казахские кыстау среди озер Шолак и Исей рис. (I.5).

Сырцовые мавзолеи стоят одиночно, как правило, на западном краю заброшенных казахских некрополей. Многие из них полуразрушены временем. Многие мавзолеи имеют собственные названия (Хабдулина, Кожамжаров и др., 2011). Эти мавзолеи придают особое очарование сакральному ландшафту. Словно в этом месте встретились время и пространство и оставили неземное ощущение покоя, умиротворения в виде неспешного шага сырцовых мавзолеев, возвышающихся над степью.

Таким образом, историко-географический регион Северной Сарыарки при анализе пространственных природных и культурных компонентов дает материал для изучения механизма сакрализации и функций сакральных ландшафтов. Сакральные ландшафты выполняли социально-интеграционную функцию, сохраняя целостность и непрерывность социальной системы. Сакральные ландшафты обеспечивали сохранение и трансляцию ценностно-нормативных норм, служили поддержанию баланса сил в природе и обществе, несли знаково-символическую функцию.

**CHAPTER IV.
THEORETICAL CONCEPTS AND PRACTICES IN THE STUDY
OF THE SACRED LANDSCAPE OF EURASIA**

Gian Luca Bonora

What is meant by saying that a landscape is sacred? It is difficult to find a single definition that encompasses the complexity and multiplicity of meanings it conveys, perhaps because it is continuously built and deconstructed, adapted to different contexts, shaped on the basis of the experiences of individuals and society. A sacred landscape is a fabric, like a tissue, of interactions between perceptions and actions: this means that the environment is never conceptualized in an objective sense, but always as a set of possibilities and possible practices (Swan 1991; Häussler, Chiai 2020). From this perspective begins the analysis of the landscapes, places and sacred spaces in Northern and Central Kazakhstan, in particular in the Saryarka region, where the coexistence of animism, totemism, Islam and Christianity has helped to originate a composite and sometimes contradictory panorama of sacred spaces, intended both as external and domestic places.

The sacred places are signs and markers in the perception of the physical, symbolic and cultural space: therefore it's necessary to study local contexts through the analysis of all the available sources, including the spatial distribution of the holy places and the spatial re-

lationships existing between the various evidences of archaeological contexts, according to the perspective of global history of the "Landscape Archaeology". The research on sacred places proves to be a privileged means of investigating the social and cultural history of a landscape, because these places mark, not only the physical space, but also the symbolic and cultural perception of it (Walter 1988). Some examples of continued use of the same spaces, that continue to be considered as sacred in different periods and cultures, may be understood in this way.

Understanding the ambiguous relationship between people, nature, and the sacred in the territory of Northern and Central Kazakhstan is the theme of this book. Most of the articles were originally written after the field research, explorations and surveys carried across Saryarka in the summers of 2018, 2019 and 2020. They are written primarily by Kazakhstan scholars who focus on the Eurasian landscape or landscapes as they might have been observed through the eyes of Kazakhstan people. The Kazakhstan landscape was never isolated, either in time or space, and with the coming of Islam from roughly the turn of the I millennium AD onwards, it be-

came increasingly linked to the southern and more central parts of the Eurasian continent, in particular.

The term “landscape” is defined in many ways (Muir 1999: 2 - 12; 2007). Landscape in this context constitutes the space – real or mythical – in which people live. Bonds between individuals and landscapes are shaped under various conditions. An individual’s life can be coloured by this space, while, equally, the landscape can be changed by the actions of individuals (Giddens 1984; Tuzbekov, Bakhshiev 2019). Adding the sacred to this perspective makes this space even more complex: the way in which the world (and thus the landscape) is observed depends on cultural and religious contexts. A “sacroscape” could be understood as transitive, not fixed, and as a conglomerate of cognitive and cultural processes. It is a complex topic from the observer’s point of view, the study of which requires an interdisciplinary approach in terms of considering the landscape and its cultural heritage, as well as the interpretation of relevant textual sources.

The topic “sacred landscape” is generally used as a term for the definition of a multidimensional phenomenon. In the literature, the topic “sacred landscape” signifies the opposite of the secular landscape. But what it exactly entails remains quite difficult to explain precisely. As the theologian and religious scientist Rudolf Otto (1869 - 1937) from Marburg remarked many decades ago, “we have got used to ally the adjective “sacred” in the sense which is a transferred one but not its original one” (Otto 1923: 5). The fact is we have come to use the

words holy, sacred in an entirely derivative sense, quite different from that which they originally bore. The aim of our research project “The Sacred Landscape of Saryarka in its archaeological context: genesis, typology and semantic” was to prove that the sacred landscape is not a terminological fossil, neither an ideogram nor a vague collective term, but it refers to the current worldview of the people who were influenced by the culture and *ethos* in the context of their strategies of communication and symbolism (Singh and Rana 2019).

Thus, the sacred landscape is not only a matter of religious monuments, buildings, temples, sanctuaries, churches and ritual acts, which in antiquity trace back to the magic and which should mediate the attainment of divine salvation. It is not only a matter of simple explanation of terms like “pure” and “impure”, magic and *mythos*, but should rather be denoted as an aspect of expression and of *mysterium tremendum*, where solemnity and attunement of rites and cults are taking place” (Otto 1923: 13).

In addition to elucidations on the general topic, our research project provided the opportunity to spatially indicate the historical origins and the conceptual development of the notion of “sacred landscape” and the changing moral expression of piety. This opportunity promoted the conclusion that contact with diverse communication systems in the course of time exercised influence on the practice of ritualisation. In this regard, the holy landscape seems to be strictly stereotyped, but at the same moment also flexible and compatible with different communities and their religious needs,

because even ritualization has self-developmental possibilities.

Any academic endeavour utilizing multidisciplinary methodologies is not without its problems. In particular, constructing an interdisciplinary study on the sacralization of landscape within an Eurasian context is fraught with potential difficulties to be overcome. Scholarly understanding of Kazakhstan society and culture along the whole protohistory as well as early and mediaeval history till the latest two-three centuries is hampered by the lack of written sources; most surviving contemporary sources are archaeological, though fragments of texts and toponymic evidence have been preserved. Most of the surviving texts concerning the Iron Age and Middle Ages in the Eurasian countries were written considerably further than the events described, and the texts preserved many errors and misconceptions specifically in relation to the geography of Central Asia. The historical validity of many of these documents is also somewhat shrouded by the subjectivity of their authors, whose writings are often coloured by a mix of discordant ideologies and political allegiances.

For a better understanding of different dimensions of the “sacred landscape”, an interdisciplinary orientation of our research project appeared to be indispensable. The topic of the “holy landscape” finds attention not only among archaeologists, ancient historians and classical philologists, but, for example, also among archaeoastronomers and ethnologists. In this constellation, the issue of the “sacred landscape” is not only limited to the period of protohistory, but

it is also expanded to the modern and contemporary societies as well.

The following papers also seek to offer some indication of how and when sacrelements were established in the landscape, which depended on individual influences as well as cultural and societal conditions. For an understanding of human development, one has to comprehend the interactions between humans and the physical environment (respectively landscape) and perceptions of it. Innovative research on the development of human groups in landscapes refers to such topics as the interaction between individuals and the creation of social spaces and landscapes shaped by humans in a changing environment. Knowledge about material culture, reflecting the interactions between man and spaces as testified in historical-philological sources of the past and of the present, is of crucial importance. One of our aims is a reconstruction on how landscapes were used in antiquity for the interpretation of ideological structures of the societies.

Interpreting the Sacred Space

The sacred is attractive and bright, but at the same time it is regularly associated with danger, impurity, and taboos; thus access to a sacred area is often regulated by physical borders and rituals to separate it from everyday life. An individual's experience of the sacred is determined by the cultural context in which the reverential act occurs, for as Veikko Anttonen has noted,

... sacrality is employed as a category-boundary to set things with non-negotiable value apart from things whose value is based on continuous trans-

actions. The difference that the sacred makes is based on culturally transmitted myths and forms of ritual representation whereby symbolic constructions of individual and collective life-values are renewed at times and in locations where contact between human beings and God or a supreme life principle becomes actual (Anttonen 2000: 281).

Cultural perceptions of sacred landscapes have shaped the ways in which human beings have organized their lives and settlements. Human activity usually takes place in close proximity to areas in the landscape that are "set apart" as sacred. Consequently, it should be easy to find and map a sacred landscape. Although this is true in many cases, in past landscapes associated with religions and people who no longer exist, the process is unfortunately not so easy. Toponymic evidence is often a useful source, acting as a kind of collective memory and as frozen fragments of the sacralized landscapes of the past (Brink 2007; Halbwachs 1992). The observance of sacred artefacts, graves, cemeteries, and cult houses represents other possible sources.

An example fittingly illustrates a sacralized landscape: a mediaeval city in Italy. The religious imprint on a mediaeval Italian city (for example Bologna) is evident for the locations of many churches in the city centre are clear indications that the city was constructed within a Christian milieu from its inception. Even in this dense, urban settlement, the church towers could have been seen from anywhere, easily observed above the low secular houses. Perhaps even more imposing or domi-

nant were the religious institutions in the city: monasteries and the high/late mediaeval archbishop's residence. Even if these buildings were outside the city centre, they were indeed important parts of the view from the town, which was perhaps another reason why these specific locations for these institutions were chosen. They are easily observed upon entering from every cardinal points, paved ways or water ways. The various parts of an Italian mediaeval city may have been incorporated as part of a larger, religious town plan: that is, the overall architectural design of the city.

The design of the urban landscape constitutes the context for our interpretations of activity in the town: every trace of settlement and activity should be regarded from such a perspective, as this adds considerable points to any socio-economic aspects. The social status and economic function of the urban centre could be related to an area's social and religious status. If this principle is applied to a single ecclesiastical monument such as an archbishop seat, the status may relate to the sphere in which the archbishop himself functioned, or else measured by the distance from the sacred, for instance as defined by the saint's shrine in the high chancel of a cathedral (Eck 1987).

The urban landscapes of an Italian mediaeval city were to a large extent sacralized. Yet what exactly is a sacred landscape, real or imaginary? The obvious Christian character of the layout of a small-to-large Italian mediaeval city could conceal conflicting religions; indeed in other areas where Christianity was introduced, attempts to erase re-

minders of past non-Christian religious activity and behaviour can be observed. The impetus to design a landscape with such clear religious meaning could perhaps have been an attempt to hide the religious beliefs of an extensive population who were non-Christian, and who left few remnants behind. Even if this were not the case, there is no doubt that “sacralization” may have been a political approach to conquering the visual picture of a landscape in a time of competing belief systems. The physical environment could have been seen as an important part of the mission strategy. From this point of view, then, a landscape may conceal several layers of sacrality from across the ages.

It is easy to denote a consecrated church and/or a cemetery as a “sacred landscape”. However, other categories of sacred space can be more complicated to see, particularly if they no longer exist as clear material manifestations and documentary sources are lacking. The process of the “sacralization of a landscape” involves the landscape becoming, or being viewed as sacred. The positioning of Muslim fences and graves in mud-bricks and wood next to Iron Age funerary barrows graves (at Kuygenzhar, for example), as well as Christian burial ground next to fenced Muslim graveyard (in many locations of the Saryarka expanse) is an illustration of the fact that the landscape may also be filled with multiple sets of sacred values which may exist side by side. These examples touch upon another aspect of sacralization: namely that the sacralizing of a landscape also involves the process of desacralizing a landscape, since vari-

ous competing belief systems conquered the landscape by making their mark on it. For instance, Christian missionaries took over sites used for non-Christian worship and “Christianized” them. Holy wells of the goddess Annis would often become St Anne’s well in the middle centuries of the Anglo-Saxon period in England, and so on (Muir 2007: 115; Ray 2020a; 2020b). The monks’ performance of cross-marking trees, removing old sacred trees, and reusing the wood in Christian churches was simultaneously a Christianization of the landscape and a purification of the manifestations of old belief systems.

Interpreting Sacred Time

When people and their beliefs disappear, aspects of sacred landscapes persist, even if they are mostly unrecognized by those who subsequently occupy the area. It is possible to witness different layers of the sacred from different times, co-existing in one and the same landscape. Understanding the time and cultural context of these layers is essential for their interpretation. For instance, should high stone crosses and cross slabs in Norway be interpreted as a way of Christianizing a Norse landscape, and thus also testament to the Christianization of Norway around the turn of the millennium (Birkeli 1973; Gabrielsen 2002)? Regardless, the interpretation of these monuments depends on their date. A comparative study of these monuments in the light of later results regarding similar monuments in Germany and the British Isles has observed that the date of these monuments should be modified or at least verified, and the

interpretation may consequently have to change (Nordeide 2010). Around one hundred such monuments are known, some of which are lost. A considerable number of the crosses are located at cemeteries: many in Christian churchyards and a few on Old Norse barrows. There is a very interesting difference in the distribution of these crosses: ringed crosses are situated mostly in eastern Norway, crosses without rings in western and central Norway. Most stone crosses are found in western Norway, extremely few in central Norway, and none in northern Norway. Compared to ringed crosses, the crosses without rings are more often found outside a cemetery. The decorative style of the monuments shows a similar geographical distribution (Nordeide 2010). How should this be explained? Obviously, when a cross is located in a cemetery, its significance will be perceived differently than when it is found somewhere else in the landscape. Similarly, a stone symbol ranging from c. 50–500 centimetres above ground would be understood differently if it had been constructed before the majority of people were Christian, rather than after Christianity was well established. In the first instance, it may have been understood as a disturbing feature within the social landscape, whereas if it was erected once most of the population had been Christianized, it could have been the result of a collective act. If the monuments played a part in the Christianization process, it is likely that various parts of Norway were affected by different sources of influence, or at least, that they perceived the flow of Christian impulses differently.

A fitting example of a landscape with a sacrality that changed throughout the eras is also illustrated by some evidences coming from ancient Greece. The role of the landscape was very complex in ancient Greek religion: the temples in a single location, the Acropolis as an example, changed by adapting to the changing religions (Crumley 1999; Kiilerich 2013). If we take into account the city of Prague, its example illustrates how the sacralization of a townscape can be used for political purposes even if the religion has not changed: Christianity played a part in Charles IV's restructuring of the already Christian Prague in the fourteenth century. Charles IV may have been inspired by sacred Rome, while the new layout of the town may have aided the royal cult, as expressed in features such as the architecture and the active use of Christian institutions.

The Search for the Un-Sacred Landscape

If we identify "sacred" as a distinct category of landscape, then the next logical step might be to suggest that there are also landscapes that can be termed "un-sacred". However, these two categories are not necessarily directly comparable, for although un-sacred landscapes can be identified, they are often described as a mythical category. For instance, as associated with Christianity, the New Testament describes Jesus's prophecy and depiction of a chaotic Jerusalem caused by the citizens' lack of ability to recognize the time of God's visitation. His description is very concrete, describing a Jerusalem in disarray, lacking God's order. At the same time, the description

is symbolic: “*They will bring you to the ground, you and your children within your walls, and not leave you onestone standing on another*” (Luke 19. 44).

It is uncertain to what extent such places were known to the ancient people who should seek out these places in situations of need, as prescribed in the laws. The unholy places may be hard to trace today, particularly in the case of Saryarka: the description of such locations as places with “heaps of stones” where no one could walk could describe almost anywhere in this geographical region with steppe, steppe and desert, and steep, rocky mountains.

Final Remarks

The following words and sentences demonstrate the insights that can be gained and the difficulties that arise – both in theoretical and practical terms – from identifying and exploring the

sacred and un-sacred landscapes of the past. It is worth reminding ourselves of the words of Mircea Eliade, which are particularly apt in the current context:

All the definitions given up till now of the religious phenomenon have one thing in common: each had its own way of showing that the sacred and religious life are the opposite of the profane and the secular life. But as soon as you start to fix limits to the notion of the sacred you come upon difficulties – difficulties both theoretical and practical (Eliade 1974: 1).

Scholars today may admit that it is more difficult to identify an unholy landscape than a sacred landscape. Even though the sacred may have clear boundaries and evidence of rituals which took place there, it is today generally accepted that past cultures were less strict in their division of religious and daily life, for religion was an integral part of it all.

ГЛАВА IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКА В ИЗУЧЕНИИ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ЕВРАЗИИ

Gian Luca Bonora

(пер. К.С. Сапаровой и Г.К. Букешевой)

Что мы имеем в виду, когда говорим, что ландшафт сакрален? Довольно сложно найти единое определение, которое охватывало бы всю сложность и многообразие передаваемых им значений. Вероятно, потому, что оно непрерывно дополняется, трансформируется, адаптируется к различным условиям, формируется на основе опыта отдельных людей и общества.

Сакральный ландшафт является структурой, подобной переплетению, взаимодействию между восприятием и действием: это означает, что окружающая среда никогда не воспринимается в объективном смысле, но всегда представляется как набор возможностей и возможных практик и действий (Swan, 1991; Häußler, Chiaï, 2020).

С этой точки зрения и начинается анализ ландшафтов, мест и сакральных пространств Северного и Центрального Казахстана, в частности региона Сарыарки, где взаимодействие анимизма, тотемизма, ислама и христианства способствовало возникновению сложной и порой противоречивой панорамы сакральных пространств, предназначенных

как для внешних, так и для внутренних мест.

Сакральные места являются знаками и ориентирами в восприятии географического, символического и культурного пространства, поэтому необходимо изучать их в локальном контексте посредством всех доступных источников, включая пространственное распределение сакральных мест и пространственные отношения, существующие между различными свидетельствами археологических объектов в соответствии с перспективой реконструкции глобальной истории «ландшафтной археологии».

Исследование священных мест оказывается преимущественным средством исследования социальной и культурной истории ландшафта, поскольку эти места обозначают не только физическое пространство, но и его символическое и культурное восприятие (Walter, 1988). Таким образом, можно понять некоторые примеры продолжающегося использования одних и тех же пространств, которые продолжают оставаться священными в различные периоды и культуры.

Осмысление неоднозначных отношений между людьми, природой и са-

кральным на территории Северного и Центрального Казахстана – тема этого исследования. Большинство статей были первоначально написаны после полевых исследований, проведенных на территории региона летом 2018, 2019 и 2020 годов. Они написаны в основном казахстанскими учеными, которые фокусируются на Евразийском ландшафте или ландшафтах, как они могли бы наблюдаться глазами казахстанцев. Казахстанский ландшафт никогда не был изолирован ни во времени, ни в пространстве, и с приходом ислама, примерно с начала I тысячелетия нашей эры, он все больше связывался в частности, с южными и более центральными районами Евразийского континента.

У термина «ландшафт» существует множество определений (Muir, 1999, с. 2-12; 2007). Ландшафт в этом контексте представляет собой пространство - реальное или мифическое, в котором живут люди. Связи между индивидами и ландшафтами формируются в различных условиях. Жизнь индивида может быть окрашена этим пространством, в то время, как в равной степени, ландшафт, может быть изменен действиями человека (Гидденс, 1984; Тузбеков, Бахшиев, 2019).

Добавление сакрального к этому пространству делает его еще более сложным: способ наблюдения мира (и, следовательно, ландшафта) зависит от культурных и религиозных контекстов. «Sacroscape» может пониматься как переходный, неопределенный, и как совокупность наблюдаемых культурных процессов. Это сложная тема, изучение которой тре-

бует междисциплинарного подхода в исследовании ландшафта и его культурного наследия, а также толкования соответствующих текстовых источников.

«Сакральный ландшафт» обычно используется в качестве термина для определения многоаспектного явления. В литературе тема «сакральный ландшафт» означает противоположность светскому, профанному пейзажу. Но что именно понятие включает в себя, остается достаточно трудным для точного объяснения. Как много десятилетий назад отметил богослов и религиозный ученый Рудольф Отто (1869-1937) из Марбурга, «мы привыкли к прилагательному «сакральный» в том смысле, что оно передает, но не является его первоначальным» (Отто, 1923, с. 5). Дело в том, что мы привыкли использовать слова «сакральный» (священный) в совершенно производном значении, отличном от того, что они изначально имели в виду.

Целью нашего исследовательского проекта «Сакральный ландшафт Сарыарки в его археологическом контексте: генезис, типология и семантика», является доказать, что сакральный ландшафт не является терминологическим «ископаемым», ни идеограммой, ни расплывчатым коллективным термином, а относится к современному мировоззрению людей, на которых оказали влияние культура и этика в контексте их стратегий коммуникации и символизма (SinghandRana, 2019).

Таким образом, сакральный ландшафт-это не только религиозные па-

мятники, здания, храмы, святилища, церкви и ритуальные обряды, которые в древности восходили к магии и которые должны быть посредниками в достижении божественного спасения. Речь идет не только о простом объяснении таких понятий, как «чистое» и «нечистое», магия и мифы, но и о том, чтобы обозначить их как аспект выражения и тайна внушающая благоговейный трепет, в котором происходит торжественность и созвучие обрядов и культов» (Otto, 1923, с. 13).

Помимо разъяснений по общей теме (общих теоретических аспектов, моментов), наш исследовательский проект дал возможность пространственно обозначить исторические истоки и концептуальное развитие понятия «сакральный ландшафт» и изменение нравственного выражения благочестия. Эта возможность способствовала выводу о том, что контакт с различными коммуникационными системами с течением времени оказывал влияние на практику ритуализации. В этом отношении сакральный ландшафт представляется строго стереотипным, но в то же время гибким и совместимым с различными общинами и их религиозными потребностями, поскольку даже ритуализация обладает возможностями саморазвития.

Любая научная деятельность, использующая междисциплинарные методы, не лишена своих проблем. В частности, построение междисциплинарного исследования сакрализации ландшафта в евразийском контексте чревато потенциальными трудностями, которые необходимо преодолеть.

Научное понимание казахстанского общества и культуры на протяжении всей протоистории, а также ранней и средневековой истории вплоть до последних двух-трех столетий, затруднено отсутствием письменных источников. Большинство современных источников являются археологическими, хотя также сохранились фрагменты текстов и топонимические свидетельства. Многие из сохранившихся текстов, касающихся железного века и Средневековья на Евразийском континенте, были написаны значительно позже описываемых событий, и тексты сохранили множество ошибок и заблуждений, особенно касающихся географии Центральной Азии. Историческая достоверность многих из этих документов также несколько омрачена субъективностью их авторов, чьи труды часто окрашены смесью противоречивых идеологий и политических пристрастий.

Для лучшего понимания различных аспектов «сакрального ландшафта», как оказалось, необходима междисциплинарная направленность нашего исследовательского проекта. Тема «сакрального ландшафта» привлекает внимание не только археологов, античных историков и филологов-классиков, но, также например археоастрономов и этнологов. В этом значении вопрос о «сакральном ландшафте» не только ограничивается периодом протоистории, но и распространяется на современные общества.

В последующих работах (статьях) также предпринимается попытка дать некоторое представление о том, как

и когда в ландшафте появились священные элементы, которые зависели от индивидуальных влияний, а также культурных и социальных условий. Для понимания человеческого развития необходимо осмыслить взаимодействие человека с физической средой (ландшафтом) и восприятие ее. Инновационные исследования развития человеческих групп в ландшафтах относятся к таким темам, как взаимодействие между индивидами и создание социальных пространств и ландшафтов, формируемых человеком в изменяющейся среде. Важнейшее значение имеют знания о материальной культуре, отражающие взаимодействие человека и пространства, о чем свидетельствуют историко-филологические источники прошлого и настоящего. Одной из целей нашего исследования является реконструкция того, как ландшафты использовались в древности для интерпретации идеологических структур обществ.

Интерпретация сакрального пространства

Сакральное привлекательно и ярко, но в то же время оно регулярно ассоциируется с опасностью, нечистотой и табу; таким образом, доступ к сакральному часто регулируется физическими границами и ритуалами, отделяющими его от повседневной жизни. Индивидуальное восприятие священного определяется культурным контекстом, в котором происходит благоговение, ибо, как отметил Вейкко Анттонен, «...сакральность используется в качестве границы-категории, чтобы отделить вещи с не

подлежащей обсуждению ценностью от вещей, ценность которых основана на постоянных сделках. Различие, которое делает священное, основано на культурно передаваемых мифах и формах духовного представления, посредством которых символические конструкции индивидуальных и коллективных жизненных ценностей обновляются время от времени и в местах, где контакт между человеческими существами и Богом или высшим жизненным принципом становится актуальным» (Anttonen, 2000, с. 281).

Культурные представления о сакральных ландшафтах сформировали методы, с помощью которых люди организовывали свою жизнь и поселения. Человеческая деятельность, как правило, сосредоточена в непосредственной близости к местам в ландшафте, которые «отделены» как священные. Следовательно, сакральный ландшафт должен быть легко обнаружен и нанесен на карту. Хотя во многих случаях это верно, в прошлом ландшафты, связанные с религией, и люди, которых больше не существует, к сожалению, не так просты. Топонимические свидетельства часто выступают полезным источником, действуя как своего рода коллективная память и как «застывшие» фрагменты сакрализованных ландшафтов прошлого (Brink, 2007; Halbwachs, 1992). Почитание священных артефактов, могил, кладбищ и культовых зданий представляет собой другие возможные источники.

Пример удачно иллюстрирующий сакрализованный пейзаж: средневе-

ковый город в Италии. Религиозный отпечаток на средневековом итальянском городе (например, Болонье) очевиден, поскольку расположение многих церквей в центре города ясно указывает на то, что город был построен в христианской среде с момента его основания. Даже в этом густонаселенном городском поселке церковные башни можно было увидеть отовсюду, они легко просматривались над невысокими светскими домами. Возможно, еще более внушительными или доминирующими были религиозные учреждения в городе: монастыри и резиденция архиепископа позднего средневековья. Даже если эти здания находились за пределами центра города, они действительно были важными частями панорамы города, что, возможно, было еще одной причиной, по которой было выбрано конкретное место для этих учреждений. Их легко заметить при входе со всех сторон света, по мощеным дорогам или водным путям. Различные части итальянского средневекового города могли быть включены в более крупный религиозный план города, то есть в общий архитектурный план города.

Дизайн городского ландшафта составляет контекст для нашей интерпретации деятельности в городе: каждый след поселения и деятельности следует рассматривать с такой точки зрения, поскольку это добавляет значительные моменты к любым социально-экономическим аспектам. Социальный статус и экономическая функция городского центра могут быть связаны с социальным и рели-

гиозным статусом района. Если этот принцип применяется к отдельному церковному памятнику, такому как резиденция архиепископа, статус может относиться к сфере, в которой действовал сам архиепископ, или измеряться расстоянием от священного, например, как определено святая святых от алтаря церкви (Еск, 1987).

Городские пейзажи итальянского средневекового города были в значительной степени сакрализованы. Но что такое священный пейзаж, реальный или воображаемый? Очевидный христианский характер планировки небольшого итальянского средневекового города мог скрывать предшествующие религии; действительно, в других областях, где было введено христианство, можно наблюдать попытки стереть напоминания о прошлой нехристианской религиозной деятельности и поведении. Толчком к созданию ландшафта с таким ясным религиозным смыслом, возможно, могла быть попытка скрыть религиозные верования обширного населения, которое было нехристианским и оставило после себя мало руин. Даже если бы это было не так, нет никаких сомнений в том, что «сакрализация» могла быть политическим подходом к завоеванию визуальной картины ландшафта во времена конкурирующих систем верований. Физическая среда могла рассматриваться как важная часть стратегии миссии. Таким образом, с этой точки зрения, пейзаж может скрывать несколько слоев сакральности разных времен.

Церковь и/или кладбище легко обозначить как «священный ландшафт».

Однако другие категории сакрального пространства могут быть более сложными для восприятия, особенно если они больше не существуют, поскольку отсутствуют четкие материальные проявления и документальные источники. Процесс «сакрализации ландшафта» предполагает, что ландшафт становится или рассматривается как священный. Размещение мусульманских ограждений и могил из глиняных кирпичей и дерева рядом с могилами погребальных курганов железного века (например, в Куйгенжаре), а также христианских могил рядом с огороженным мусульманским кладбищем (во многих местах Сарыарки) является иллюстрацией того факта, что ландшафт может быть наполнен множеством священных ценностей, которые могут существовать бок о бок. Эти примеры касаются другого аспекта сакрализации: а именно того, что сакрализация ландшафта также включает процесс десакрализации ландшафта, поскольку различные конкурирующие системы верований завоевывали ландшафт, оставляя на нем свой след. Например, христианские миссионеры захватили места, используемые для нехристианского богослужения, и «христианизировали» их. Святые колодцы богини Аннис часто становились колодцами Святой Анны в средние века англосаксонского периода в Англии и так далее (Muir, 2007, с. 115; Ray, 2020a; 2020b). Выполнение монахами крестовых меток на деревьях, удаление старых священных деревьев и повторное использование древесины в христианских церквях было одновре-

менно христианизацией ландшафта и очищением проявлений старых систем верований.

Толкование Священного Времени

Когда люди и их верования исчезают, аспекты священных ландшафтов сохраняются, даже если они в основном не распознаются теми, кто впоследствии занимает эту область. Можно увидеть разные слои священного из разных времен, сосуществующие в одном и том же ландшафте. Понимание времени и культурного контекста этих слоев важно для их интерпретации. Например, следует ли интерпретировать высокие каменные кресты и крестовые плиты в Норвегии как способ христианизации скандинавского ландшафта и, следовательно, как свидетельство христианизации Норвегии на рубеже тысячелетий (Birkeli, 1973; Gabrielsen, 2002)? Как бы то ни было, интерпретация этих памятников зависит от их даты. Сравнительное исследование этих памятников в свете более поздних результатов, касающихся аналогичных памятников в Германии и на Британских островах, показало, что даты этих памятников должны быть изменены или, по крайней мере, проверены, и, следовательно, может потребоваться изменение интерпретации (Nordeide, 2010). Известно около сотни таких памятников, некоторые из которых утрачены. Значительное количество крестов расположено на кладбищах: многие на христианских кладбищах и несколько на древне-скандинавских курганах.

Существует очень интересная разница в распространении этих крестов: кресты с кольцами расположены в основном в восточной Норвегии, кресты без колец - в западной и центральной Норвегии. Большинство каменных крестов находится в западной Норвегии, крайне мало в центральной Норвегии и ни одного в северной Норвегии. По сравнению с крестами с кольцами кресты без колец чаще встречаются за пределами кладбища. Декоративный стиль памятников демонстрирует аналогичное географическое распределение (Nordeide, 2010). Как это объяснить? Очевидно, что когда он находится на кладбище, его значение будет восприниматься иначе, чем когда он находится где-то еще в ландшафте. Точно так же каменный символ, находящийся на высоте 50-500 сантиметров над землей, понимался бы иначе, если бы он был построен до того, как большинство людей стали христианами, а не после того, как христианство утвердилось. В первом случае это могло быть понято как тревожная особенность социального ландшафта, где, как если бы оно было возведено после того, как большая часть населения была обращена в христианство, это могло быть результатом коллективного действия. Если памятники сыграли определенную роль в процессе христианизации, вполне вероятно, что различные части Норвегии были затронуты различными источниками влияния или, по крайней мере, что они по-разному воспринимали поток христианских импульсов.

Подходящий пример пейзажа с сакральностью, которая менялась на протяжении всех эпох, также иллюстрируется некоторыми свидетельствами, пришедшими из Древней Греции. Роль ландшафта была очень сложной в древней греческой религии: храмы в одном месте, например Акрополь, менялись, приспособившись к меняющимся религиям (Crumley, 1999; Kiilerich, 2013). Если мы примем во внимание город Прагу, то ее пример иллюстрирует, как сакрализация городского пейзажа может быть использована в политических целях, даже если религия не изменилась: христианство сыграло определенную роль в перестройке Карлом IV уже христианской Праги в XIV веке. Карл IV мог быть вдохновлен священным Римом, а новая планировка города, возможно, способствовала королевскому культу, что выражалось в таких чертах, как архитектура и активное использование христианских институтов.

В поисках профанного пейзажа

Если мы определим «священное, сакральное» как отдельную категорию ландшафта, то следующим логическим шагом может быть предположение, что существуют также ландшафты, которые можно назвать «несвятыми». Однако эти две категории не обязательно напрямую сравнивать, поскольку, хотя несвященные пейзажи можно идентифицировать, их часто описывают как мифическую категорию. Например, Новый Завет, связанный с христианством, описывает пророчество

Иисуса и изображение хаотичного Иерусалима, вызванного неспособностью граждан распознать время посещения Бога. Его описание очень конкретно, описывая Иерусалим в беспорядке, без Божьего порядка. В то же время описание является символическим: «Они низведут вас на землю, вас и ваших детей в стенах ваших, и не оставят от вас камня на камне» (Луки 19. 44).

Неясно, в какой степени такие места были известны древним людям, которые должны были искать эти места в ситуациях необходимости, как предписано в законах. Нечестивые места, возможно, трудно проследить сегодня, особенно в случае с Сарыаркой: описание таких мест, как места с «грудами камней», где никто не мог ходить, могло бы описать почти все места в этом географическом регионе со степью, степью и пустыней и крутыми скалистыми горами.

В качестве заключения

Следующие слова и предложения демонстрируют понимание, которое может быть получено, и трудности, которые возникают – как в теорети-

ческом, так и в практическом плане – при выявлении и исследовании священных и несвященных ландшафтов прошлого. Стоит напомнить себе слова МирчиЭлиаде, которые особенно уместны в данном контексте:

Все приведенные до сих пор определения религиозного феномена имеют одну общую черту: каждое из них по-своему показывает, что сакральная и религиозная жизнь противоположны мирской и светской жизни. Но как только вы начинаете определять границы понятия священного, вы сталкиваетесь с трудностями – трудностями как теоретическими, так и практическими (Eliade, 1974, с. 1).

Современные ученые могут признать, что определить профанный, несвященный ландшафт труднее, чем сакральный, священный. Несмотря на то, что Священное (сакральное) может иметь четкие границы и свидетельства ритуалов, которые имели место там, сегодня общепризнано, что прошлые культуры были менее строгими в своем разделении религиозной и повседневной жизни, поскольку религия была неотъемлемой частью всего этого.

ГЛАВА V.
ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛИТНОГО КУРГАНА
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В УРОЧИЩЕ КУЙГЕНЖАР

Д.Т. Тлеугабулов, А.М. Гайса

Исследование кургана 2
могильника Куйгенжар

Царский могильник Куйгенжар расположен на территории г. Нурсултана прямо на выезде в Караганду (рис. V.1), поэтому со строительством новой столицы Казахстана он оказался сразу в зоне строительных работ. Западнее его стал разрабатываться ка-

рьер для извлечения глины, с востока к площадке древнего памятника примыкает современное мусульманское кладбище. При осмотре могильника в 2000 г, его сохранность уже вызывала опасение. Два юго-западных кургана (№ 3,4) повреждены при возведении ЛЭП и реконструкции шоссе Астана-Караганда. При мониторинге

Рис. V.1 Мог. Куйгенжар. Топоплан

состояния памятника в 2012 г. было обнаружено, что через остатки насыпи №3 проложен подземный кабель и установлены запрещающие указатели.

Урон территории древнего памятника наносится и мусульманским кладбищем. Мусульманское кладбище возникло, видимо, еще в XIX веке. Об этом свидетельствует его центральная более ранняя площадка, незанятая современными мавзолейными строениями (рис. V.2). Видны холмики могил, обнесенные ровиками, среди них есть и более крупные сооружения квадратной формы. В этой же части кладбища зафиксирован древний курган (№ 5) могильника Куйгенжар. Постепенно площадь мусульманского кладбища стала расширяться на север и запад. Несмотря на охранную каменную плиту, поставленную акиматом г. Астаны в 2007 г. (рис. V.3), в 2016-2017 гг. современные могилы стали сооружать на восточной подошве кургана 2 могильника Куйгенжар. Все это привело к необходимости исследования царского кургана №2 могильника Куйгенжар.

Могильник Куйгенжар расположен на высоком мысу правого берега реки Ишим. Древние племена облюбовали это место за живописность окружающего ландшафта. С поверхности мыса просматривается просторная долина Ишима. Внизу расстилается широкая пойма с многочисленными старицами и извивающимися руслами ответвлений реки. Здесь в древности были возведены 5 крупных курганов. Курганы диаметром 12-45, высотой 1-3 м расположены цепочкой

по линии северо-запад юго-восток (Свиридов, 2006, с. 40-48).

Три кургана (№ 1,3,4) были раскопаны в 1995, 2005 гг. Курган №5 находится среди современных могил мусульманского кладбища, и не будет исследоваться. Пятый курган под номером 2 исследован в 2018 г.

В 2015 г. на кургане 2 могильника Куйгенжар были проведены георадиолокационные исследования (Баранчук, Искаков и др., 2015, с. 34-39).

Работы проводил профессор И.Н. Модин – руководитель лаборатории малоглубинной электроразведки геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Представленные в статье данные электротомографии насыпи совпадают с результатами археологического разреза кургана.

Курган №2 могильника Куйгенжар расположен в 30 м южнее кургана 1, раскопанного в 2005 г. Курган 2 имеет высоту 3,5 м, диаметр 45 м. Вокруг насыпи видны участки рва, который вследствие значительных антропогенных нарушений читается плохо. Поверхность насыпи задернована. Склоны его покрыты каменным панцирем. Интересно, что в верховье Ишима нет выходов такого камня. Эти гранитные плиты доставлены с берегов Нуры. Насыпь кургана глиняно-земляная. Северный и западный склоны более крутые, чем южный и восточный. До раскопок курган был сфотографирован сверху дроном и вычерчен топографический план (рис. V.4).

Вершина кургана уплощена и поперек ее поверхности по линии запад-восток тянется мощная грабительская

Рис.V.2 Мог. Куйгенжар. Вид сверху на курганы и мусульманское кладбище

Рис.V.3 Мог. Куйгенжар. Курган 2 до раскопок

Рис. V.4 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Топоплан.

траншея. К моменту раскопок траншея имела длину 11 м, ширину 4 м, глубину около 1 м. По отчету 2005 г. ее размеры были гораздо меньше. Видно, что вторжение в насыпь было произведено в последнее десятилетие. Края грабилочки поросли пылью и сорной травой. Грунт выбрасывали на северный борт.

Таким образом, до раскопок было понятно, что курган ограблен. На краю древнего могильника находится современное казахское кладбище, которое разрастаясь, проникает на поверхность древних курганов. Восточная подошва насыпи уже отсечена линией современных казахских могил.

При вскрытии применена методика раскопок кургана бульдозером. Предварительно сделана разметка бровок по линии север-юг. Оставлены две бровки с учетом, что центр кургана будет снят. Западная бровка шириной 1 м, восточная около 0,4 м. Таким образом, получены три траншеи. Западная, центральная и восточная. Ширина западной траншеи по линии запад-восток: от подошвы кургана до оставленной бровки – 13 м, ширина центральной траншеи равна 11 м. Восточную траншею кургана (ширина 9 м) нельзя было копать техникой, т.к. сюда уже вторгся ряд современных могил казахского кладбища. Поэтому в центре восточной траншеи мы заложили прямоугольный раскоп размерами 12х3 м и копали его вручную. Это позволило нам уточнить многие детали наземной погребальной конструкции и способы его возведения.

После разметки бровок сделана нивелировка. За «0» взята наиболее высокая точка насыпи. Перепад высот от «0» до подошвы кургана равен 2 м. Снятие насыпи началось с западной периферии кургана. Наибольшую трудность для бульдозера представляли каменные плиты покрытия кургана. В процессе разборки насыпи было видно, что каменный панцирь выложен на слое чистой материковой глины толщиной 0,3 м.

Вводные захоронения

В верхних слоях кургана, преимущественно в границах уплощенного верха насыпи раскопано 7 вводных (т.е. более поздних) захоронений (рис.V.5). Дно этих могильных ям находится на глубине 0,65-1,2 м от верха насыпи. Могилы заполнены колотым камнем, взятым с насыпи, в придонной части фиксируется деревянное перекрытие. Нумерация по мере находок.

Погребение 1 (рис. V.6) расположено в центре поверхности насыпи. Часть могилы снесена ковшом бульдозера. Дно расчищено на глубине 0,6 м, погребение ориентировано головой на запад. Скелет лежал вытянуто на спине, был завернут в бересту, или плотно закрыт березовыми горбылями. Горбыли или доски имели диаметр 20 см. Возможно, это следы продольного наката. С двух сторон черепа обнаружены серебряные серьги с подвесками. В районе пояса и стопы обнаружены фрагменты серебряных пряжек (рис. V. 24). Выше деревянных плашек, за головой была расчищена крупная трубчатая кость

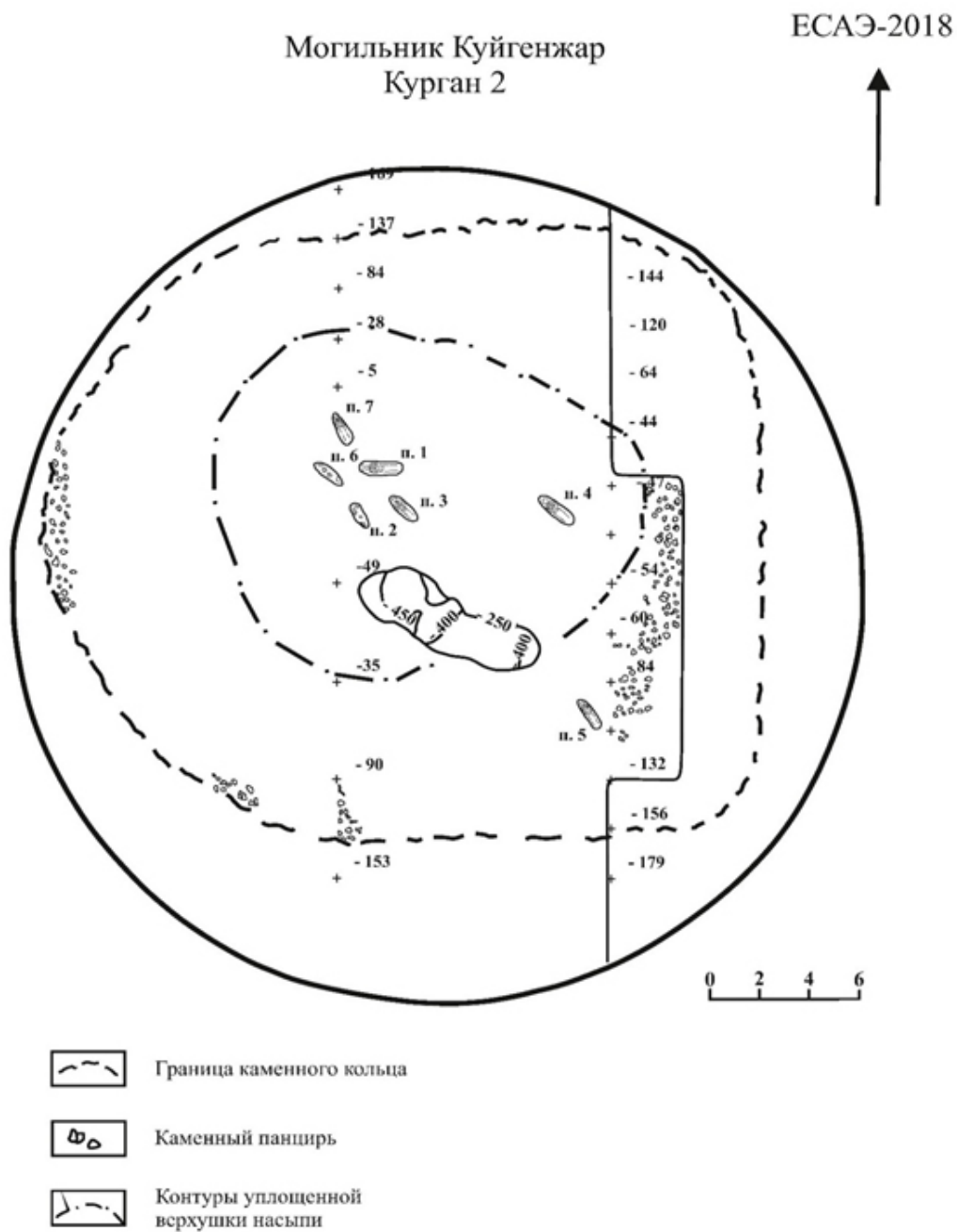

Рис. V.5 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Общий план.

(быка?). Длина ее 40 см. Кость была положена на деревянное перекрытие.

Погребение 2 расположено в центральной траншее. Дно находится на глубине 1,2 м от верха насыпи. Могила забутована камнем. Судя по разрезу, в придонной части было деревянное перекрытие, которой рухнуло и камни провалились вниз и частью оказались и под деревянными плашками (рис. V.6). Камни заполнения были расчищены сверху, по ним могила имела ширину 0,6 м. Ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Над скелетом расчищены три березовые доски. Расчищен скелет подростка головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль туловища.

Погребение 3 расположено в центральной траншее, ближе к западной бровке. Точное местонахождение неизвестно.

Погребение 4 расположено в центральной траншее у восточной бровки.

Погребение 5 расположено в южной части центральной траншеи. Очертания могильной ямы в насыпи не фиксируются. Скелет расчищен на глубине 0,6 м от верха восточной бровки. Размеры ямы по дну 1,9х0,5 м. Заполнение могилы рыхлое. Скелет лежит головой на СЗ. Кисть левой руки на тазовых костях, правая вытянута. На этой глубине севернее могильной ямы расчищены камни насыпи. Могила врезана в слой белой глины, в которой закрепляли каменный панцирь кургана. При очистке костей в камералке, на фаланге правой руки найдено бронзовое колечко.

Погребение 6 обнаружено в западной траншее, во время стесывания бровки бульдозером. Оно располага-

лось в северной половине насыпи на глубине 1,1 м от верха насыпи. Погребение ориентировано по линии ССЗ-ЮЮВ, руки положены вдоль тела (рис. V.6). Могильная яма узкая, шириной 0,6 м, забутована камнем. В юго-восточной торцевой стенке на глубине 25-30 см сохранились три каменные плитки, лежащие горизонтально. Это камни забутовки заполнения ямы. Березовые горбыли расчищены вдоль тела. Череп, к сожалению, вывернут ковшом бульдозера, но сохранился.

Погребение 7 расположено в центральной траншее, севернее погребения 6, на глубине 85 см от верха насыпи (пикет +11). Погребенный лежал на спине, руки вдоль туловища, головой ориентирован на ССЗ.

Датирующие вещи обнаружены только во вводном погребении 1 (рис. V.24). По предметам украшений (серьги, серебряные пряжки) оно датируется ранним средневековьем и относится ко времени обитания в Сарыарке кипчаков (IX-XI вв.).

Шесть погребений по особенностям погребального обряда относятся к позднему средневековью. Для них характерны узкие могилы, заполненные камнем, ориентированные по линии северо-запад - юго-восток. Умершие лежат на спине, головой в северо-западный сектор. В придонной части фиксируется продольное деревянное перекрытие из березовых горбылей. Руки вытянуты вдоль туловища, нет сопутствующих вещей. Это признаки мусульманского обряда. Лишь в одном погребении (5), на пальце правой руки найдено

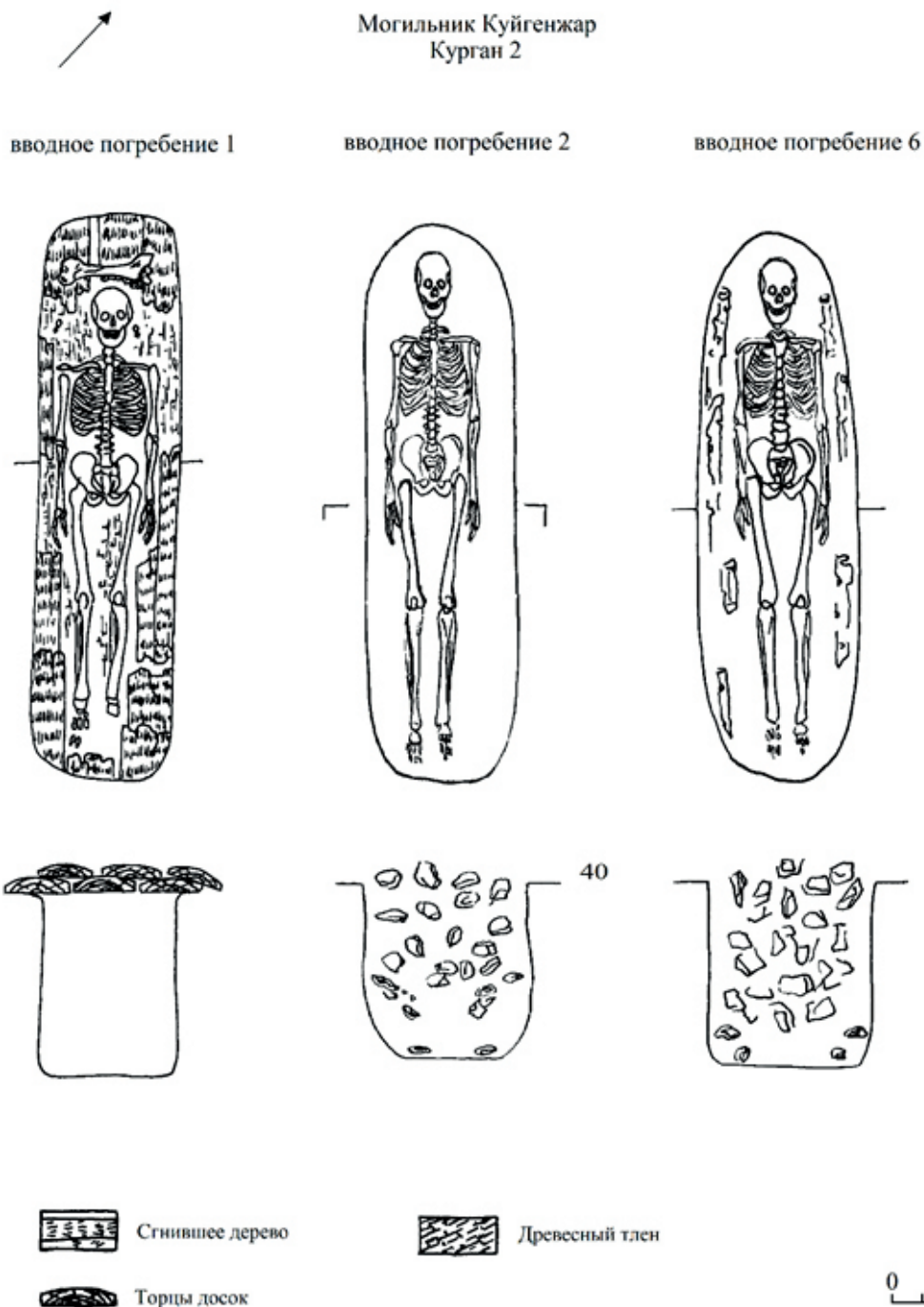

Рис. V.6 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Планы вводных погребений.

медное колечко. Вводные захоронения могут датироваться XIV-XVI вв. Более точная дата будет установлена после получения радиоуглеродного анализа.

В процессе дальнейших работ западная и центральная траншеи были выведены на уровень предматерика (гл. 1, 8 м). Дальнейшие работы велись вручную с полным выносом грунта за пределы кургана. Прежде всего, сделана тщательная зачистка дна траншей и вертикальных поверхностей бровок кургана. В западной траншее зачищен и зарисован участок основания каменного панциря кургана. Камни размерами 30x10x40 см. Самые крупные не больше 50 см. По профилям и расчистке каменного панциря в восточной траншее уточнены размеры и очертания каменного панциря кургана. Каменный панцирь имел подовальную форму, вытянутую по линии 3-В. Размеры 29x25 м (рис. V.5).

Описание раскопа восточной траншеи

Восточная траншея размерами 12x3 м по линии С-Ю вскрывалась вручную. На задернованной поверхности насыпи выступали камни, которые были приняты нами за наброс над вводной могилой. Но, оказалось – это камни панциря. Панцирь был выложен в один слой камней, поэтому по мере углубления, камни постепенно спускаются вниз по склону на восток и юг (рис. V.7, 8). Преобладают небольшие по размерам камни (20x30x40 см). На каждом уровне камни зарисовывали и снимали. При вскрытии поверхность траншеи вы-

водили на горизонт. Т.е. под западной стенкой уровень раскопа был всегда глубже, чем под восточной и южной. Т.к. траншея заложена по склону кургана, уровень южного края раскопа ниже северного на 0,5 м.

На глубине 30 см четко проступил слой глины, на который были уложены камни панциря. По ширине слой равен 80 см. Мощность слоя глины 20 см (рис. V.9). При углублении на 60-70 см (под северо-западным колом) очертания цепочки камней в 8 м от северо-западного торца траншеи повернули на запад. На месте поворота слой камней стал мощнее. Полоса глины в плане сдвинулась на восток (рис. V.9). Дальнейшей расчисткой камней выявлено, что здесь мы фиксируем панцирь склона кургана на юг. Слой камней здесь толщиной 30-40 см. Он резко уходит вниз по склону и этот спуск подчеркнут слоем нижележащей глины, также имеющей уклон на юг. Камни панциря лежат на глине (рис. V.8).

На глубине 90-100 см (под С3 колом) полоса глины сделала поворот на запад примерно в 6 м от северного торца траншеи, южнее по склону расчищены камни панциря (рис. V.9; V.10). Очертания заполнений изменились на уровне 130-140 см (под С3 колом). Камень сместился в юго-восточный угол (рис. V.11). Севернее этой цепочки камней обнажилась ярко желтая глина (рис. V.12).

Северные 6 м траншеи – коричневый грунт. На его поверхности читаются очертания более темного цвета. Их конфигурация была зарисована для выяснения конструкции насыпи.

*Рис. V.7 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Восточная траншея.
Расчистка каменного панциря*

Рис. V.7а. Мог. Куйгенжар. Курган 2. Восточная траншея. Рабочий момент

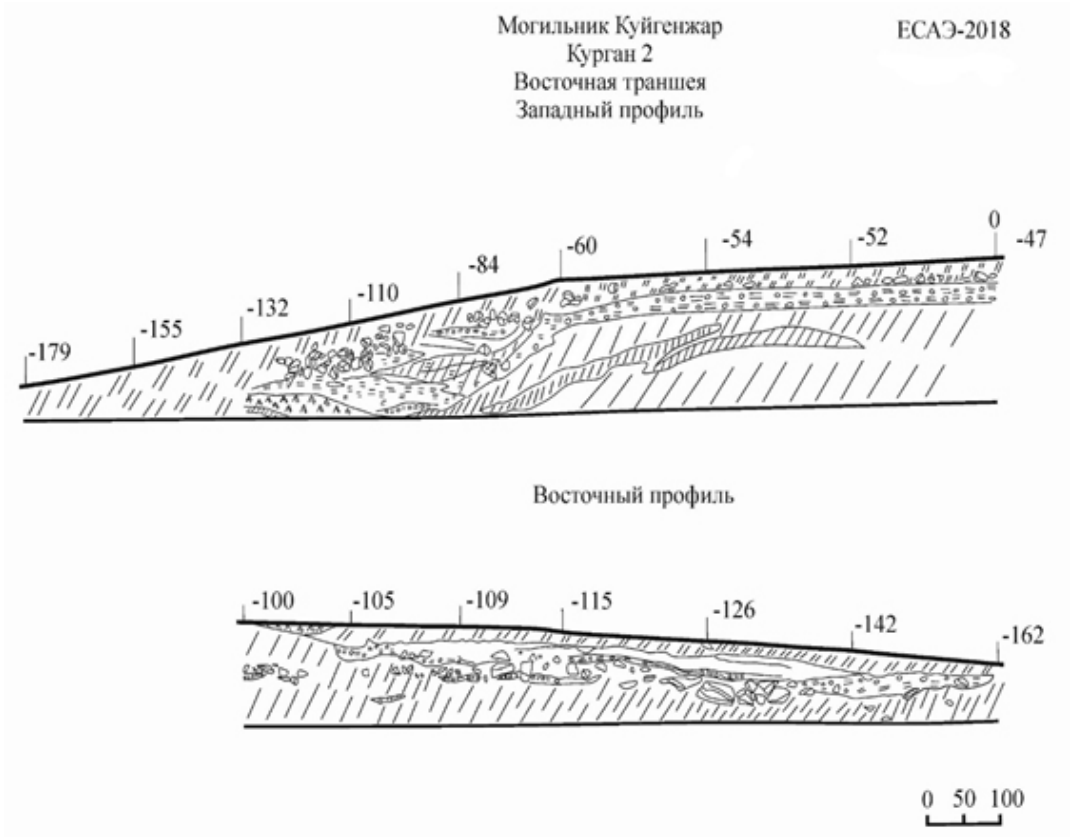
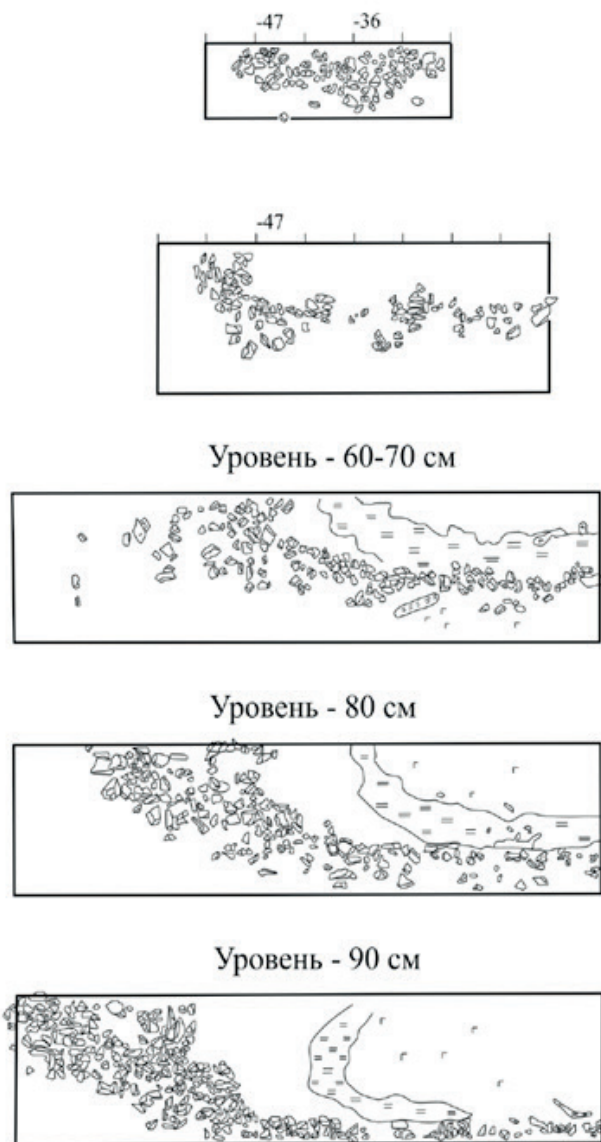

Рис. V.8 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Восточная траншея.
Западный и восточный профили

Могильник Куйгенжар
Курган 2
Планы раскопа Восточной траншеи

ЕСАЭ-2018

0 100 200

Рис. V.9 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Планы раскопа восточной траншеи.

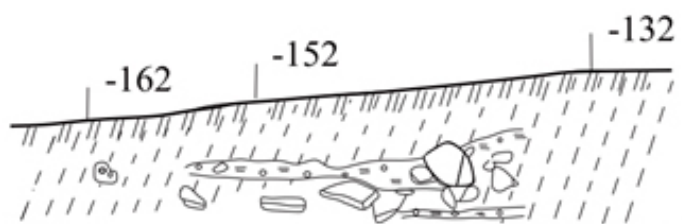
*Рис. V.10 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Восточная траншея.
Расчистка каменного панциря.*

*Рис. V.11 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Восточная траншея.
Расчистка каменного панциря в южном углу*

Могильник Куйгенжар
Курган 2
Восточная траншея

южная бровка

северная бровка

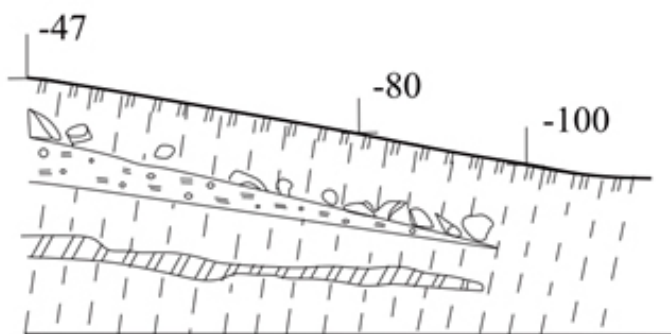

Рис. V.12 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Профили восточной траншеи.
1 – южная бровка, 2 – северная бровка.

Известно, что насыпь крупных курганов – это не просто наброс грунта, это какие-то сооружения. Поэтому конфигурации различных оттенков на уровне 150-160 см занесены на план восточной траншеи. Некоторые из них имеют геометрически прямые углы.

Могильная яма с дромосом

Поверхность центральной траншеи раскопа была зачищена на глубине 2 м от “0”. Это уровень погребенной поверхности, срезанной в древности. Очертания могильной ямы не видны ни в плане, ни в профиле бровок. Т.к. по центру западной бровки идет прогиб и спускается заполнение грабительского вкопа, решили прокопать под бровкой. Через 20 см появился черный грунт заполнения, как мы предположили, грабительской ямы. При более углубленной зачистке центральных участков траншеи, в 3 м от восточной бровки на поверхности траншеи появилось пятно размерами 1,8x1,6 м (рис. V.13). Его западный край уходил под предматерик и при зачистке на уровне 230 см соединился с очертаниями грабительского вкопа (рис. V.14). Стало понятно, что это яма с дромосом.

Общая длина по оси 7 м, ширина 2 м, ориентировка ЮВ-СЗ (рис. V.5). На уровне (230 см) в центре ямы нашли фрагмент нижней челюсти человека и 2-3 затекших камня. На глубине 250-260 см обнаружены фаланга стопы, позвонки человека, два зуба лошади. Эти находки происходят из участка песчаного заполнения дромоса (рис. V.15). На глубине

(-310 см) расчищено крыло тазовой кости человека.

Яму и дромос по всей длине копали по 10 см, делали зачистку, фотографировали и спускались ниже. Заполнение ямы неоднородное по цвету и структуре. Выделяются участки с перемешанным коричневым грунтом, участки глины и песка и черное гумусное заполнение катакомбы (погребальной камеры) под западной бровкой. Конфигурация заполнения – расплывчатая, уловить систему невозможно. Дромос в плане меняет трижды ось направления. На востоке, входная яма ориентирована широтно, потом коленчатый поворот на северо-запад и соединение с гумусным заполнением катакомбы (погребальной камеры). Форма и размеры катакомбы меняются, т.к. мы копаем ее сверху и фиксируем очертания обрушившегося свода. Продольные стенки дромоса извилистые, имеют следы вкопов в стенку подземной шахты. Это связано с конструкцией стен подземного коридора, свод которого разрушен при ограблении.

На уровне (-310 см) гумусное заполнение под западной бровкой приобрело форму полукруга, размеры по осям 1,75x1,4 м. Западный край уходит под бровку (рис. V.16). Кроме полукруга с гумусом вырисовываются еще два участка с разными заполнениями. Восточный край, где входная яма, заполнен пестроцветом овальной формы размерами 2x1,7 м. Овальное закругление подчеркнуто выступами материка. Это придает очертанию вид отдельного углубления. Средняя часть дромоса занята округлым за-

Рис. V.13 Мог. Куйгенжар. Курган 2. План входной ямы.

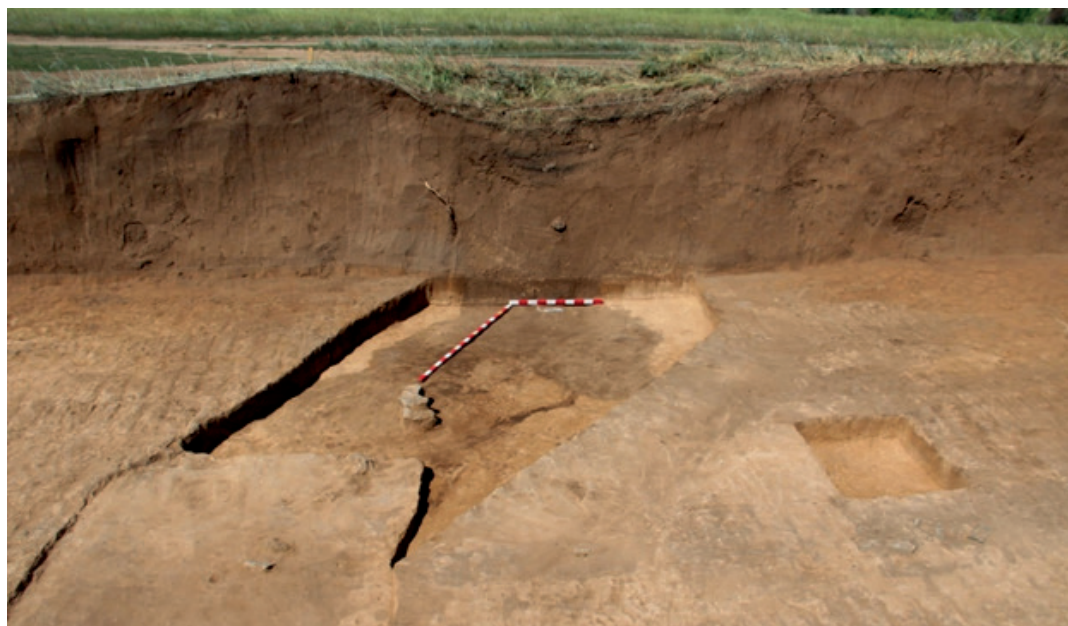

Рис. V. 14 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Дромос на уровне материка.

Рис. V.15 Мог. Куйгенжар.
Курган 2. План дромоса
на уровне (-230 – 270)

Могильник Куйгенжар
Курган 2
План дромоса на уровне (-230-(-270))

ЕСАЭ-2018

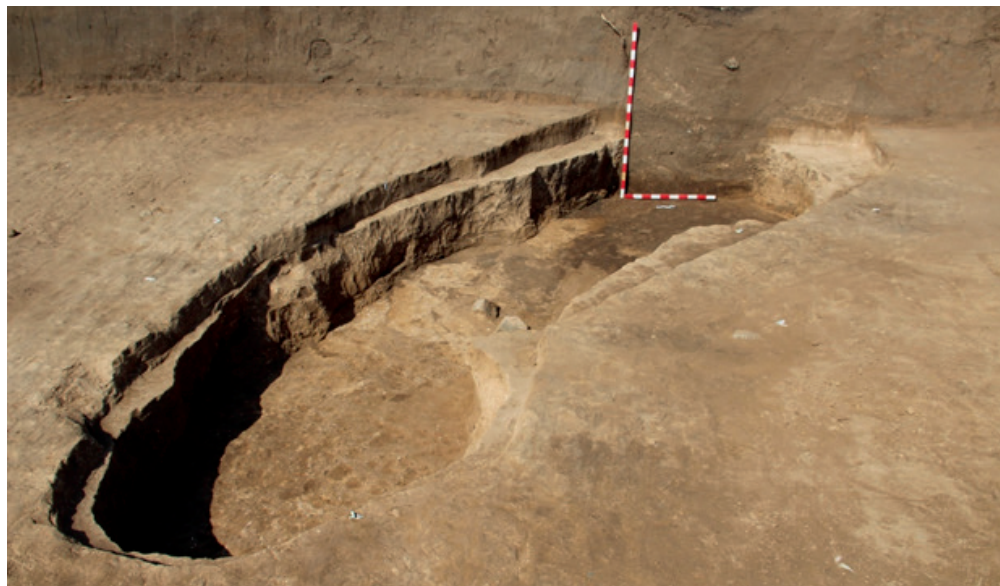
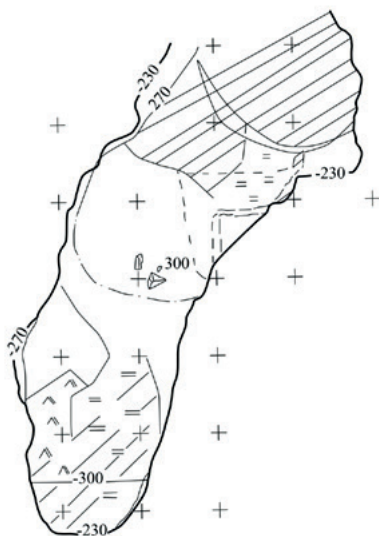

Рис. V.16 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Могильная яма на уровне -310.

полнением диаметром 2 м. По структуре в нем больше глины, чем гумуса. Выступы и расширения вдоль стен – следы оформления подземной шахты.

На глубине 300-310 см на восточном торце ямы появилась ступенька шириной 0,5-0,7 м (рис. V.15). Плоскость торцевой стенки входной ямы не была отвесной, отмечены вогнутые участки, это зафиксировано чертежом уровня 380 см. При углублении на (-380 см) дромос на западе получил завершение в плане прямоугольной формы. Лишь небольшой участок коридора шириной 0,4 м сливается с контуром погребальной камеры (катакомбой) (рис. V.17). Катакомба почти квадратная в плане 2,2х2,0 м, вытянута по линии север-юг. Дромос на этом уровне имеет прямые стенки.

При зачистке на уровне (-400-410 см) зафиксированы очертания придонной части могильной конструкции (рис. V.18). Подземный коридор в месте слияния с катакомбой завершается коротким, узким лазом длиной 20 см, шириной 45 см. Привходовая часть дромоса приобрела почти прямоугольную форму 2х1 м. Контуры ее выделяются темным гумусным заполнением. Пол коридора в восточной половине притоптан, на его поверхности черные гумусные и белые крапления.

На уровне (-440-450 см) в центре катакомбы расчистили отдельные трубчатые кости рук человека, ближе к северо-восточному углу еще две трубчатые кости, концы костей обломаны. При зачистке поверхности в районе устья дромоса проступили две

верхушки плоских каменных плит, уходящих вглубь. Ширина устья 0,75 м (рис. V.19).

На глубине (-470 см) проступили камни, вкопанные вертикально, под углом друг к другу. Между ними оказалась горизонтально упавшая плитка. Размеры плиток: 45х15; 40х20; 35х25 см. Когда-то они были поставлены вертикально и закрывали устье дромоса. В этом месте со стороны катакомбы найдена лучевая кость и две фаланги пальцев человека. Здесь же расчищены скелеты двух мелких грызунов типа мыши.

Материковое дно катакомбы зачищено на глубине (-470 см). В его пространство со стороны дромоса вторгается легкий налет гумуса в плане треугольный, размеры по осям 0,7х0,5 м. Получается дно катакомбы на 10-20 см выше дна дромоса и плитки были просто прислонены к порогу катакомбы. Они не сдвинуты с места, значит, камера была ограблена сверху. Как же отдельные кости человека оказались в центре катакомбы на разных уровнях (260, 310 см)? Может при первом ограблении катакомба стояла полая и в нее были частично сброшены кости скелета человека.

После зачистки дромоса на уровне 470 см, осталось только два темных пятна. Одно на восточном торце – овальное, ориентировано С-Ю. Второе на западном конце дромоса, перед входом в катакомбу. Между ними желтая глина, ошибочно принятая нами за материк. При зачистке под чистой глиной проступил гумус. Общая глубина дромоса – 490 см. Глубина катакомбы 470 см.

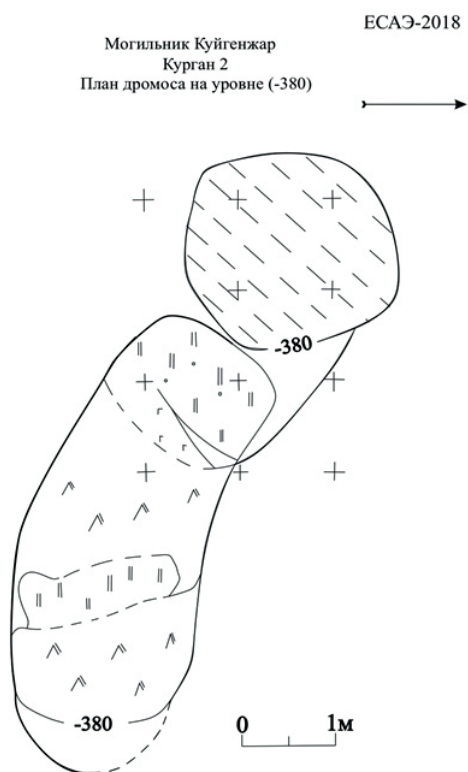

Рис. V.17 Мог. Куйгенжар. Курган 2.
План дромоса на уровне (-380).

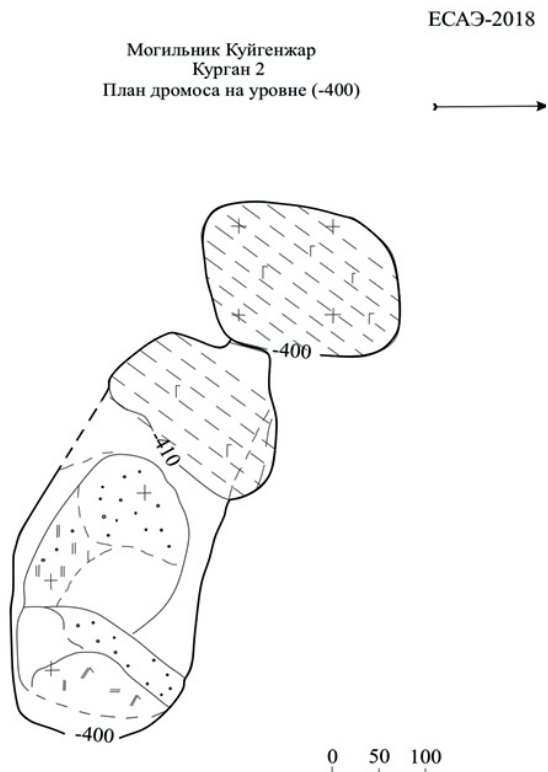

Рис. V.18 Мог. Куйгенжар. Курган 2.
План дромоса на уровне (-400).

Рис. V.19 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Устье дромоса на уровне (-440)

Описание западного профиля центральной траншеи (рис. V.20)

Высота бровки от «0» до уровня древней поверхности – 2 м. Насыпь имеет равномерно покатый склон в южной части и более высокий и крутой склон на севере. Длина бровки (29 м) фиксируется по основанию каменного панциря (рис. V.20). Внизу четко выделяется древняя поверхность в виде тонкой линии серого цвета, толщиной около 5 см. Такая незначительная мощность свидетельствует о специально срезанной поверхности почвенного грунта с подкурганной площадки.

Глиняная облицовка поверхности насыпи сохранилась в северной по-

ловине профиля. Толщина ее в 7 м от северного края достигает 0,6 м и постепенно уменьшаясь, спускается по склону вниз. Внизу мощность глины 10 см. Ее расположение фиксирует размеры насыпи. На глине сверху лежит слой камней. На северном склоне кургана каменный панцирь перекрыт толстым слоем гумуса, скатившегося в результате разрушения насыпи грабителями. Мощность гумуса достигает 0,5 м (рис. V.20). На южном склоне кургана тонкий слой глины сохранился в самом низу. Он перекрывается небольшим участком каменного панциря.

В центре над ямой фиксируется прогиб грабительского вторжения,

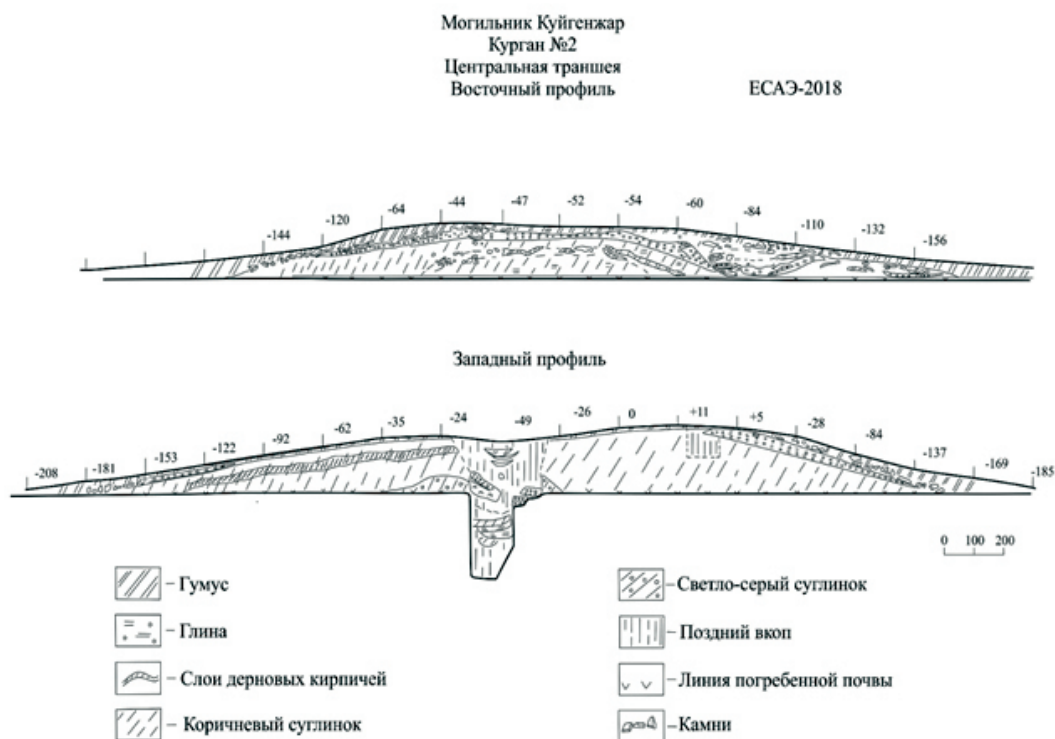

Рис. V.20 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Центральная траншея.
1 – восточный профиль; 2 – западный профиль.

его глубина на 0,5 м ниже нулевого репера. Грунт насыпи темно коричневого цвета. При определенном освещении выявляется структура насыпи. Она больше видна в южной половине кургана. Ниже слоя глины проступает слой аморфных «кирпичей». Они положены горизонтально и наклонно. Некоторые из них выделяются тонким глиняным контуром. Толщина этого слоя 30-50 см. Ниже по склону идет слой более темных (дерновых) «кирпичей». Эти слои продолжают в северной части профиля, но здесь они видны плохо из-за нарушения насыпи поздними вкопами и норами.

Профиль над ямой фиксирует следы не менее двух вторжений. На уровне древней поверхности по краям ямы видно возвышение однородного светло-серого суглинка. С южной стороны по основанию он сохранился длиной 3 м, наибольшая высота 0,6 м. С северной стороны зафиксирован лишь короткий отрезок в профиле треугольной формы 0,7х0,6 м (рис. V.20). Расположение и контур этого грунта отмечают наличие над катакомбой какого-то небольшого возвышения диаметром 6 м, высотой возможно до 1 м.

Самый поздний вкоп фиксируется гумусными затеками до глубины 0,7 м от верха. Отвесно срезанные стенки светло-серого возвышения свидетельствуют о первом вторжении в центр кургана. С северной стороны грабители прокопали материк на

Рис. V.21 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Разрез грабильки над катакомбой.

глубину 10 см, и у них получилась ступенька шириной 30 см. Это место заполнено перемешанной глиной. С южной стороны в заполнение над ямой затекает глина толщиной 0,2 м. Ее контуры показывают еще одно грабительское вторжение в центр кургана. Ниже идет перемешанный гумусный грунт, перемежающийся слоями глины (рис. V.21). Необходимо отметить, что профиль данной бровки показывает разрез западного края катакомбы (рис. V.20).

Описание восточного профиля центральной траншеи (рис. V.20)

Высота бровки 1,7 м, длина по основанию 24,5 м. Внизу видна линия древней поверхности. Южный склон кургана пологий, северный – крутой, из-за гумуса на каменном панцире (рис. V.20). Этот гумус – результат выброса грунта из грабительской траншеи. Структура профиля неоднородна и непонятна по содержанию.

Профиль отражает картину двух примыкающих друг к другу насыпей, перекрытых общим каменным панцирем (рис. V.22). Северная насыпь более крупная, длина ее в основании 16 м. Сверху перекрыта слоем чистой глины мощностью 30-50 см. Южный склон ее имеет четкую прямую линию. На склоне лежит мощный слой

глины толщиной до 1 м (рис. V.20). По цветовой гамме выделяются чистая и перемешанная глина. То, что это была отдельная насыпь, подтверждается внутренней «насыпью», перекрытой двумя слоями дерновых кирпичей. Это внутреннее возвышение имеет диаметр 8,8 м, высоту 1 м. На южном склоне лежит коричневая глина.

В южной части профиля фиксируется «малая насыпь». Она расположена на участке длиной по основанию 6 м. Ее южный склон вписывается в общий контур профиля кургана. Сверху на тонком слое глины уложены камни, внизу идёт общая линия погребенной почвы (рис. V.22).

Эта «малая насыпь» выделяется оформлением северного склона (см. кол -110), на котором лежит мощный

Рис. V.22 Мог. Күйгенжар. Курган 2. Восточный профиль центральной траншеи.

слой глины, взбирающейся от древней поверхности наверх (0,6 м). Пространство профиля (от кола -60 до -110) длиной 4 м занято слоями глины разных оттенков, частью перемешанных с гумусом, частью совершенно чистых. Этот структурно сложный участок профиля своим формированием связан с конструкцией дромоса. В 3 м на запад от профиля находится входная яма дромоса.

Внимательный анализ полевых наблюдений, чертежей и фотографий процесса раскопок кургана, сравнение напластований, зафиксированных восточным профилем центральной траншеи и с обратной стороны – западным профилем восточной траншеи, предполагают, что здесь уложен выкид из подземной шахты дромоса.

Уровень древней поверхности – единый. Грунт из подземной шахты выносился и укладывался в обе стороны от входной ямы. Черноземный грунт «малой насыпи», возможно, результат копки входной ямы. Судя по картине слоев северной «большой насыпи» – она уже существовала. По мере углубления шахты, грунт становился материковым и укладывался на обе стороны от входной ямы. Отсюда мощные чистые слои глины на склоне большой насыпи и на склоне «малой насыпи». Здесь общая толщина глины равна 40 см, и разделена тонкой гумусной прослойкой. В длину слой тянется на три метра (от кола -84 и на метр южнее кола -110). Выше лежит перемешанный с глиной гумусный слой толщиной 20 см. Своим северным концом этот и последующие слои упираются в склон «большой

насыпи». Похоже, это не просто хаотичный выброс грунта, а возведение конструкции. В структуре слоев читаются отдельные кирпичи. Общая форма сооружаемой конструкции стремилась к виду кургана. Сверху эти слои закреплялись камнем, откуда участок многослойного до 3-4 слоев каменного панциря в районе кола -110 (рис. V.23).

На этапе окончательного оформления погребальной конструкции, место входа в катакомбу закрыто грунтом, камнем, выше лежит слой чистой глины, на который укладывался каменный панцирь кургана.

Дно подземного хода находилось в 2,6 м глубже уровня древней поверхности, длина 7 м, значит, объем вынутого грунта был значительным. Он, вероятно, выкладывался на древней поверхности вокруг входной ямы и, в целом, на подкурганной площадке. Форму и облик этого сооружения представить трудно, но когда начали копать подземную шахту, северная насыпь уже стояла.

Анализ полученных данных позволяет сделать предварительные историко-археологические реконструкции.

Спуск в виде входной ямы размерами 2,0 x 1,6 м, стали копать в 6 м восточнее предполагаемого места погребальной камеры (катакомбы). На глубину 1 м яма спускается отвесно, затем на дне ее была сделана первая ступенька шириной 0,6 м, высотой 0,5 м. От нее вниз в северо-западном направлении стали копать подземный лаз, направленный к центру подкурганной площадки. Ось подземной

шахты сместилась на 450 на север. Подземный коридор стал наклонно спускаться на глубину 2 м от дна входной ямы. Длина этого отрезка подземного лаза 3 м. Высота, судя по очертаниям боковых стенок около 0,8 м, ширина 1,2 м.

Строительство подземного коридора велось в суглинке материковой породы. Чистая глина выносилась вверх и укладывалась на склоны грунтового сооружения возводимого у устья входной ямы. Можно представить, что это был тяжелый труд в тесном узком лазе. Общая длина прокопанного лаза (дромоса – по - археологически) с учетом длины входной ямы более 5 м. В ее западной торцевой стенке на глубине 2,4 м от уровня древней поверхности перпендикуляр-

но оси дромоса стали копать катакомбу (погребальную камеру). Это также было трудно, т.к. устье через которое выносили грунт при копке катакомбы очень узкое и низкое. Всего 0,5 м шириной, высота около 0,6 м. В этом месте нами был зафиксирован заслон из трех небольших каменных плиток, поставленных вертикально, вероятно, «запечатавших» вход в катакомбу после проведения всех ритуалов.

Погребальная камера (катакомба) была выкопана размерами по дну 2,0x1,5 м. Высота ее равнялась 1 м. Ее длинная ось ориентирована по линии север-юг.

После завершения строительства через подземный лаз занесли умершего человека. Все это делалось в полной темноте и тесноте. Прихо-

Рис. V.23 Мог. Куйгенжар. Курган 2. Западный профиль восточной траншеи.

дится удивляться ритуалам древнего общества тратившего столько труда и сил на тайное погребение знатного человека. Т.е., на их современной поверхности была видна только входная яма, находившаяся в 6 м восточнее могильной ямы. И к ней вела узкая, низкая подземная шахта, наклонно спускавшаяся до глубины 2,5 м от уровня древней поверхности.

В процессе проведения похоронных обрядов над могилой и дромосом была возведена наземная конструкция диаметром по основанию 8 м, высотой более 1 м. Возможно, строительство этого наземного сооружения велось одновременно с рытьем подземной шахты. И именно вынутый грунт и был строительным материалом. Об этом свидетельствует профиль восточной бровки кургана. Здесь видны специально выложенные слои чистой глины с двух сторон наклонно спускающиеся к устью входной ямы дромоса. Т.е., спуск под землю с учетом склонов возведенного наземного сооружения оформлен как щель, уходящая в подземелье.

Какое-то возвышение из серого гумусного грунта было сооружено над самой катакомбой. Ее следы зафиксированы на западной бровке кургана. Это возвышение имело 6 м по основанию, высоту по профилю западной бровки не менее 0,8 м.

По окончании всех ритуалов и строительных работ наступил завер-

шающий этап оформления кургана. На очерченной каменным кольцом подкурганной площадке было сделано ядро наземного сооружения из перемешанной с черноземом глины. Высота ее достигала 0,5 м, сверху эта конструкция в два слоя закреплялась илистыми гумусированными «вальками». Затем выше укладывали просто черноземный слой. Сверху купол кургана выкладывался чистой желтой глиной толщиной 20-30 см. Возможно, глина увлажнялась для прочности закрепления на ней каменного панциря кургана.

Таким образом, на мысу был возведен курган диаметром 34 м, высотой около 4 м. Сверху он был обложен серыми плитами гранита, по основанию обведен каменным кольцом, закреплявшим наземную конструкцию погребального памятника.

Для проведения палинологических анализов погребенных почв научным сотрудником Института почвоведения и агрохимии СО РАН (г. Новосибирск, РФ) Гавриловым Д.А. был осуществлен отбор проб почвы под насыпью кургана и в окрестностях могильника.

Для определения даты кургана на радиоуглеродный анализ были отправлены кости человека, найденные в процессе раскопок дромоса на уровнях – 270-400. Радиоуглеродный анализ был сделан в г. Томске в ИМКЭС СО РАН. Дата: 2583+/-85, т.е. раннесакское время.

Тел. (382-2) 492-265. Факс (382-2) 491-950 e-mail: post@imcs.ru http://www.imcs.ru

Минобрнауки России

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мониторинга климатических и экологических систем
Сибирского отделения Российской академии наук
(ИМКЭС СО РАН)

Академический пр., 103, г. Томск, 634055, Россия
ОКПО 03534200, ОГРН 1027000880170, ИНН/КПП 7021001400 / 701701001

31.08.2020г. № 15323/01-334
На № _____ от 20-12-18 _____

М.н.с. ЛМЛЭС ИМКЭС СО РАН

Н.В. Климова (ninmilk@yandex.ru)

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

№	Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст
9	ИМКЭС-14С1641	Кости	ЕАЭ-2018, могильник Куйгенжар, курган 2. гл.240-460 см	2583±85

Радиоуглеродный анализ проводился жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus (ТомЦКП СО РАН).

Директор ИМКЭС СО РАН,

Д.б.н., профессор РАН

С.н.с. ИМКЭС СО РАН, к.т.н.

Е.А. Головацкая

Г.В. Симонова

Описание вещей могильника Куйгенжар, курган 2*

**Описание выполнено Б.М. Хасеновой*

Впускное погребение 1 (рис. V.24).

Серьга. Выполнена из серебра, в технике литья. Дужка овальной формы с сомкнутыми окончаниями с внутренней стороны сбоку. Из округлого в сечении прута. С лицевой стороны к дужке крепится небольшой выступ конической формы, закругленный сверху. От нижней части дужки вниз отходит удлиненная подвеска. На месте, где дужка соприкасается с подвеской, размещен выступ с острым ребром посередине. Выступ ориентирован вверх.

Подвеска уплощена по бокам с обеих сторон. Верхняя часть подвески ромбической формы, нижняя – овальной. Боковые стороны закругленные. Сверху на подвеске и между двумя ее частями выполнены две горизонтальные выпуклые линии, окаймляющие ее со всех сторон.

Длина 62 мм, ширина дужки 22 мм, ширина подвески 8 мм, толщина подвески 4 мм, диаметр прута дужки 2 мм.

Сохранность: покрыта патиной, сломана, состоит из двух частей.

Серьга.

Аналогичная вышеописанной, за исключением некоторых деталей. В верхней части к дужке крепится не выступ конической формы, а шарик. Нижняя часть подвески ромбической формы с закругленными углами.

Длина 63 мм, ширина дужки 23 мм, ширина подвески 9 мм, толщина подвески 4 мм, диаметр прута дужки 2 мм.

Сохранность: покрыта патиной, сломана, состоит из двух частей.

Пряжка. Миниатюрная. Выполнена из бронзы в технике литья. Судя по размерам, является обувной. Относится к категории пряжек с приемником для продевания ремня. С овальной рамкой и прямоугольным щитком. От щитка сохранились только боковые стороны. В основании рамки имеется небольшой язычок, более массивный в нижней части.

Сохранившаяся длина 16 мм, ширина рамки 14 мм, щитка – 11 мм.

Сохранность. Отсутствует значительная часть рамки и внешняя перемычка от щитка.

Фрагмент бляшки. Выполнена из бронзы в технике литья. Портальная. С фестончатыми краями по боковым сторонам в нижней части изделия. Сверху бляшка имеет небольшое заострение. С невысокими наклонными бортиками. Имеется крупная прорезь в нижней части. Прорезь прямоугольной формы с закругленными боковыми сторонами и небольшой выемкой сверху. Тем самым, образуется удлиненная пятиугольная фигура. Прорезь имеет с обратной стороны небольшие валики по краям. С обратной стороны в нижней части у края крепится небольшой шпенек из округлого в сечении прута.

Контур бляшки по нижнему краю выполнен так, что фестоны по бокам заканчиваются на уровне прорези, тем самым формируется выемка для более плотного соприкосновения

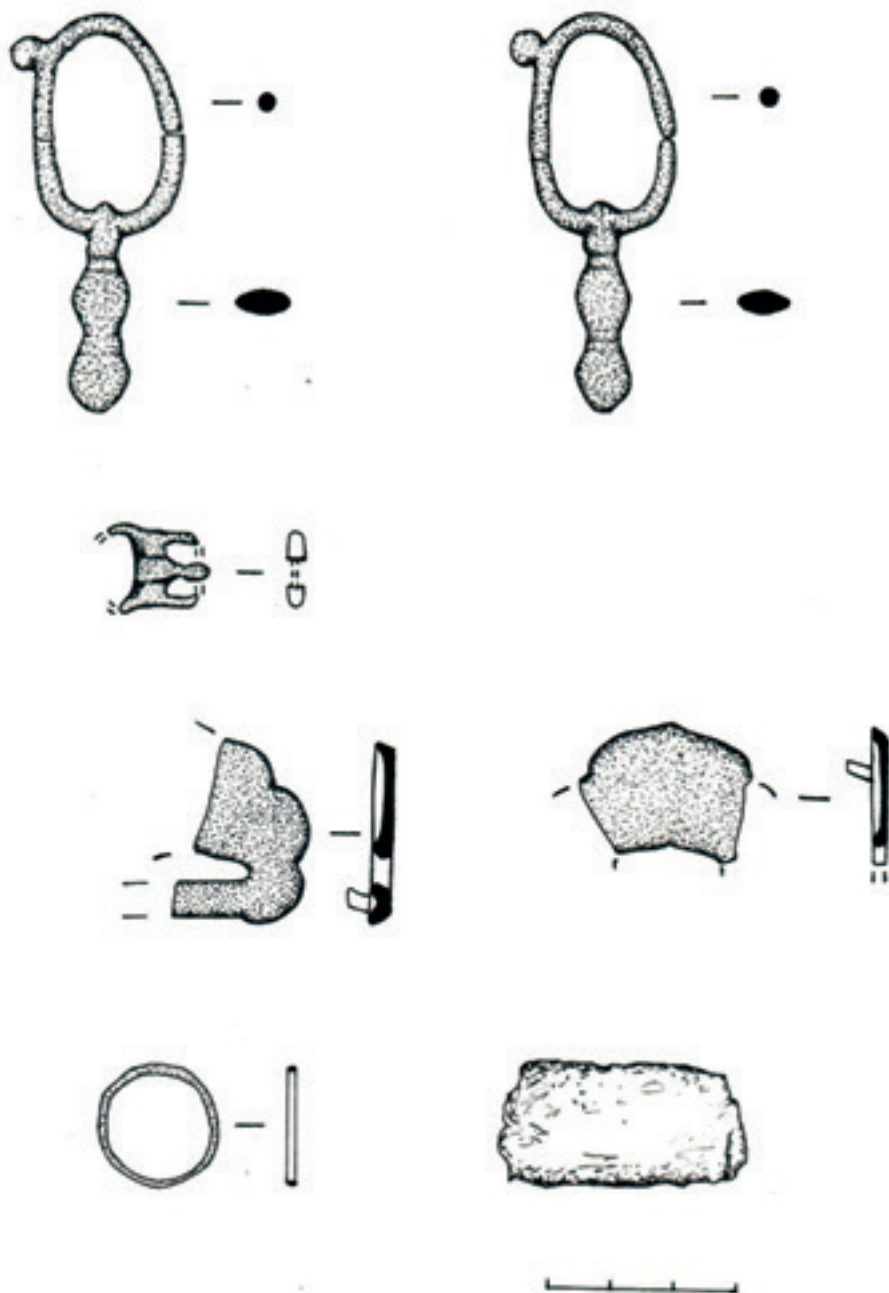

Рис. V.24 Могильник Куйгенжар. Вещи из впускного погребения 1

ремня с поверхностью бляшки. Через прорез сбоку был продет узкий кожаный ремешок, расположенный немного под наклоном. От него сохранилась узкая полоска органики светло-зеленого цвета шириной 5 мм. С обратной стороны его следы отсутствуют. Возле шпенька имеется небольшой участок, покрытый тонким слоем органики (кожа?).

Сохранившиеся размеры 28×22 мм, толщина 4 мм.

Сохранность: отсутствует большая часть изделия, поверхность патинирована.

Фрагмент бляшки. Аналогичная вышеописанной. С обратной стороны крепился небольшой шпенок из округлого в сечении прута, расположенный в нижней части изделия у края. С внешней стороны имеется слой органики (кожа?), сохранившийся благодаря наличию окислов.

Сохранившиеся размеры 27×21 мм, толщина 4 мм.

Сохранность: поверхность патинирована.

Впускное погребение V

Кольцо. Выполнено из бронзы, использованы техникиковки и пайки. Округлое в диаметре. Из овального в сечении прута.

Диаметр 18 мм, толщина 2 мм.

Сохранность: немного деформировано, поверхность патинирована.

Центральная траншея, могильная яма, глубина 315 см

Фрагмент изделия. Из железа. Сохранившаяся часть изделия прямоугольной формы, уплощенная.

Сохранившиеся размеры 40×20 мм, толщина 9 мм.

Сохранность: сильно расслаивается, поверхность коррозирована.

Аналогии, датировка

Серьги с подвесками появляются в Пенджикенте, по наблюдению В.И. Распоповой, не позже середины VIII в. и встречаются вплоть до конца существования города (Распопова, 1980, с. 113). Литые серьги с подвесками в тюркских погребениях Саяно-Алтая появляются с VI в. (Овчинникова, 1990, табл. 10). Аналогичные серьги встречены в тюркских погребениях Алтая (Кубарев, 2005, рис. 16, 5). Целая серия литых серег с удлиненными подвесками обнаружена в погребениях VIII–XI вв. с территории лесостепного Зауралья (Боталов, 2000, рис. 33, 11; 36, 16). Западные пределы бытования таких украшений обозначены в статье Д.А. Стащенко, удлиненные подвески в составе, опять же, литых серег встречаются в погребениях Прикамья (Стащенко, 1998).

В форме серег на протяжении нескольких веков происходят определенные изменения, позволяющие, в свою очередь, датировать погребения их содержавшие. В ходе этого времени изменения произошли в конструкции подвески, появлении дополнительных декоративных элементов в оформлении прута и подвески (шарик в верхней части прута, различные варианты подвесок, с использованием бусин, жемчужин, колечек зерни и т.д.).

Обращает внимание, что серьги выполнены литыми, такое оформление украшений является ранним

признаком. Стержень для крепления подвески в конструкции серег появляется, по данным Б.Б. Овчинниковой, с начала VIII в. (Овчинникова, 1990, с. 49).

В VII в. в верхней части дужки на серьгах появляется шпенек для бусины, а разомкнутые концы кольца смещаются вбок (Овчинникова, 1990, с. 49). Именно такую форму мы видим на наших серьгах.

Для эпохи раннего средневековья имеются определенные закономерности в количестве серег, так, в женских погребениях чаще, чем в мужских встречается по паре серег (Овчинникова, 1990, с. 47; Кубарев, 2005, с. 61). Тем не менее, необходимо отметить, что на мужских каменных изваяниях облик воина-предка дополняется именно двумя серьгами.

Аналогичные пряжки были обнаружены в погребении 2 кургана 2 могильника Наровчатский, материалы которого относятся к VIII–XI вв. (Боталов, 2000, рис. 37, 14, 17, 19). Серия таких пряжек встречена в тюркских погребениях Жетысу (Торгоев, 2011, рис. 17).

Бляшки из данного погребения относятся к порталным. Наиболее ранние образцы таких бляшек с характерными фестончатыми краями относятся к VIII в. Они встречаются в тюркских погребения Жетысу, Тывы, Минусинской котловины (Торгоев, 2011, с. 63–64, рис. 50). По материалам тюркских погребений Кыргызстана А.И. Торгоев относит данные бляшки к хронологической группе VIII–IX вв. На Алтае погребения, содержавшие пояса с такими бляш-

ками, датируются VIII–IX вв. (Кубарев, 2005, рис. 12, 4). Г.В. Кубарев приводит данные о мохэском погребении с Северо-Восточного Китая, для которого есть радиоуглеродная дата – 619–626 гг. Причем, в этом погребении были обнаружены именно неорнаментированные, как в нашем случае, бляшки порталной формы. Тем самым, по мнению Г.В. Кубарева, такие бляшки могут датироваться VII в. (Кубарев, 2005, с. 50).

Основанием для датировки погребения 1 кургана 2 могильника Куйгенжар являются серьги и бляшки. Такие литые серьги с удлиненными подвесками появляются в VI в. наиболее ранние их образцы встречены на территории Саяно-Алтая. В других регионах они фиксируются преимущественно с VIII в. То есть, более позднюю дату эти серьги приобретают, когда происходит дальнейшее распространение тюркских традиций. Бляшки порталной формы с фестончатыми очертаниями широкое бытование получили в VIII в. наиболее ранние образцы таких изделий датируются VII в. Таким образом, на данном уровне исследования, погребение датируется **VII–VIII вв.**

Согласно предварительному анализу на основании вещевого материала, это погребение является мужским. Наборные пояса в эпоху средневековья характерны для мужского костюма.

Погребение V имеет более широкие хронологические рамки, так как такая форма бронзового кольца, обнаруженного при его исследовании, бытует на протяжении длительного времени.

Предварительный отчет по итогам обработки палеоантропологической коллекции из кургана 2, могильника Куйгенжар*

*Коллекция обработана к.и.н., научным сотрудником Института антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Китовым Е.П.

Работа с антропологическим материалом из могильника Куйгенжар проводилась в сентябре 2018 года.

Из кургана №2 для анализа по краниологической программе пригодными оказались лишь 3 мужских, 3 женских черепа. Необходимо отметить, что даже в перечисленных случаях сохранность не позволяет дать полной краниологической характеристики серии, несмотря на проведенную реставрацию. Посткраниальный скелет удовлетворительной сохранности.

Сохранность антропологического материала удовлетворительная. В большинстве случаев костная ткань плотная, на костях фиксируются следы органики, что может свидетельствовать об относительно недавней дате захоронений. Имеются также плохо сохранившиеся скелеты.

Определения пола и возраста проведены по стандартным методикам (Walker, Johnson, Lambert, 1988; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Герасимов, 1955; Дебец, 1964; Добряк, 1960; Пашкова, 1963). Фиксировалась корреляция между данными, с одной стороны, зубного возраста, и, с другой, скелетного. Перед определением пола были изучены целые скелеты, для которых определение половой принадлежности не подвергалось сомнению. В данной серии половой диморфизм очень хорошо выражен, как по тотальным размерам посткраниального скелета и черепа, так и по

выраженности костного рельефа и массивности костей. С опорой на полученные данные выполнялось определение половой принадлежности индивидов (табл. V.1).

№	курган / погребение	пол	Возраст
1.	к.2 п.1	♂	35-45
2.	к.2 п.2	♀	45-55
3.	к.2 п.3	♀	45-55
4.	к.2 п.3 инд. 2	♀	старше 55
5.	к.2 п.4	♂	35-45
6.	к.2 п.5	♀	25-35
7.	к.2 п.6	♂	25-35
8.	к.2 п.7	♂	25-35

Табл. V.1 Половозрастные определения могильника Куйгенжар. Курган 2.

Краниологическое описание Куйгенжар, курган 2, погребение

1. Погребение принадлежало женщине 35-45 лет (рис. V.25). Череп брахикранный при малой длине и большой ширине мозговой коробки. Высотный диаметр от *ba ipro* малый. Горизонтальная окружность через *g* и поперечная дуга *po-br-po* средние. Сагиттальная дуга оценивается большой величиной. Длина основания черепа средняя. Значения и наименьшей, и наибольшей ширины лба средние. Угол профиля лба от *n* малый. Ширина основания черепа очень большая. Затылочная кость широкая.

Лицевой скелет очень высокий, чрезвычайно широкий на верхнем уровне, очень широкий по значению скулового диаметра, среднеширокий по величине средней ширины. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное. Общий лицевой угол очень большой. Длина основания лица средняя. Орбиты широкие при малой высоте, хамэконхные по указателю. Нос мезоринный - высокий при средней ширине. Переносье узкое и очень низкое. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикальной плоскости лица очень малый. В горизонтальной плоскости лицо сильно уплощено на верхнем уровне и слабо - в плоскости $zm'-ss-zm'$. Клыковая ямка среднеглубокая. Нижняя челюсть характеризуется очень малой мышечковой шириной, большой шириной ветви, средневысоким симфизом. Череп монголоидный характеризуется очень слабым выступанием носа и уплощенностью лицевого скелета с низкой черепной коробкой.

Куйгенжар, курган 2, погребение 3. Погребение принадлежало женщи-

не 45-55 лет (рис. V.26). Череп гипербрахикранный при очень малой длине и большой ширине мозговой коробки. Высотный диаметр от ba иро малый. Горизонтальная окружность через g и поперечная дуга $po-br-po$ средние. Сагиттальная дуга оценивается средней величиной. Длина основания черепа средняя. Значение наименьшей ширины малая, наибольшей ширины лба среднее. Угол профиля лба от n малый. Ширина основания черепа очень большая. Затылочная кость широкая.

Лицевой скелет средневысокий, широкий на верхнем уровне, очень широкий по значению скулового диаметра, широкий по величине средней ширины. В вертикальной плоскости лицо прогнатное. Длина основания лица средняя. Орбиты широкие при большой высоте, гипсиконхные по указателю. Нос платиринный - высокий при большой ширине. Переносье широкое и высокое. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикальной плоскости лица средний. В горизонтальной плоскости лицо

Рис. V.25 Череп из могильника Куйгенжар к.2 п.2

Рис. V.26 Череп из могильника Куйгенжар к.2 п.3

уплощено на верхнем уровне и в плоскости $zm'-ss-zm'$. Клыковая ямка глубокая. Нижняя челюсть характеризуется очень большой мышечковой шириной, большой шириной ветви, средневысоким симфизом.

Куйгенжар, курган 2, погребение 4. Погребение принадлежало мужчине 35-45 лет. Череп не целый. Представлен фрагментами черепной коробке не поддающихся реставрации. Лобная кость узкая по наименьшей ширине, широкая по наибольшей ширине. Носовые кости визуально слабо выступали в профиль.

Куйгенжар, курган 2, погребение 2. Погребение принадлежало мужчине 25-35 лет (рис. V.27). Череп мезокранный при большой длине и средней ширине мозговой коробки. Высотный диаметр от ро очень большой. Горизонтальная окружность через g и поперечная дуга $po-br$ -робошьие. Сагиттальная дуга оценивается большой величиной. Значения и наименьшей, и наибольшей ширины лба средние. Угол профиля лба от n малый. Ширина основания черепа очень

большая. Затылочная кость широкая.

Лицевой скелет очень высокий, чрезвычайно широкий на верхнем уровне, скуловом диаметре и по величине средней ширины. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное. Орбиты очень широкие при большой высоте, мезоконхные по указателю. Нос мезоринный – очень высокий при большой ширине. Переносье широкое и высокое. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикальной плоскости лица средний. В горизонтальной плоскости лицо хорошо профилировано и на верхнем уровне, а также в плоскости $zm'-ss-zm'$. Клыковая ямка очень малая. Нижняя челюсть характеризуется малой мышечковой шириной, большой шириной ветви, высоким симфизом.

Куйгенжар, курган 2, погребение 7. Погребение принадлежало женщине 25-35 лет (Прил.30). Череп мезокранный при средней длине и ширине мозговой коробки. Высотный диаметр от ba - средний $отро$ - большой. Горизонтальная окружность через g и поперечная дуга $po-br$ -посредние. Са-

гитальная дуга оценивается средней величиной. Длина основания черепа очень большая. Значения и наименьшей, и наибольшей ширины лба малые. Угол профиля лба от n малый. Ширина основания черепа большая. Затылочная кость широкая.

Лицевой скелет очень высокий, широкий на верхнем уровне, по значению скулового диаметра, по величине средней ширины. В вертикальной плоскости лицо ортогатное. Общий лицевой угол очень большой. Длина основания лица очень большая. Орбиты широкие при малой высоте, хамэконхные по указателю. Нос мезоринный – высокий при большой ширине. Переносье среднеширокое и высокое. Угол выступания носовых костей по отношению к вертикальной плоскости лица малый. В горизонтальной плоскости лицо уплощено как на верхнем уровне, так и в плоскости $zm'-ss-zm'$. Клыковая ямка очень малая. Нижняя челюсть характеризуется очень средней мышечковой шириной, большой шириной ветви, высоким симфизом.

Рассматривая серию в целом можно отметить, что она при внешней неоднородности имеет ряд черт характерных для современного населения Казахстана, а точнее казахов и представляет собой смешанный европеоидно-монголоидный комплекс. При этом помимо классических со смещенными характеристиками, есть один женский череп (к.1, п.2) типично монголоидный который характеризуется очень слабым выступанием носа и уплощенностью лицевого скелета с низкой черепной коробкой. Такой антропологический тип характерен для ряда казахских родов проживающих на территории Центрального и Восточного Казахстана.

В связи с вероятной принадлежностью данных скелетов к позднему средневековью – новому времени, можно предположить, что погребения относятся к казахам. Актуальность изучения и накопления подобных материалов велика, так как научных данных по палеоантропологии казахов очень мало и не позволяет на сегодняшний день решать вопросы

Рис. V.27 Череп из могильника Куйгенжар к.2 п.6

Рис. V.28 Череп из могильника Куйгенжар к.2 п.7

этногенеза с помощью современных методов антропологии.

Рассматривая патологии на черепах и костных останках, можно сделать вывод что они представлены стандартным набором дегенеративных изменений соответствующих

возрасту индивидов. Этот вывод находит аналогии и по патологиям зубной системы. Травматических повреждений нет. Все это при оговорке на малочисленность серии позволяет сделать вывод в целом благополучной жизни индивидов (рис. V.28).

		♂ п.4	♂ п.6	♂ п.7	♀ п.2	♀ п.3
<i>Признак</i>	Линейные:	35-45	25-35	25-35	45-55	45-55
1.	Продольный диаметр	-	185,0	184,0	169,0	161,0
8.	Поперечный д.	-	144,0	142,0	142,0	142,0
17.	Высотный д.	-	-	136,0	119,0	121,0
20.	Ушная высота	-	122,0	117,0	104,0	107,0
5.	Длина осн. черепа	-	-	110,0	96,0	92,0
9.	Наим. ширина лба	93,0	94,0	90,0	94,0	90,0
10.	Наиб. ширина лба	122,0	120,0	122,0	118,0	121,0
11.	Шир. осн. черепа	-	117,0	132,0	127,0	132,0
12.	Ширина затылка	-	-	111,0	111,0	114,0
25.	Сагиттальная дуга	-	-	368,0	328,0	331,0
26.	Лобная дуга	129,0	131,0	118,0	113,0	118,0
27.	Теменная дуга	118,0	126,0	132,0	103,0	115,0
28.	Затылочная дуга	-	-	118,0	112,0	98,0
29.	Лобная хорда	116,0	119,0	108,0	103,0	105,0
30.	Теменная хорда	110,0	114,0	116,0	97,0	103,0

Сакральный ландшафт Сарыарки

31.	Затылочная хорда	-	-	100,0	92,0	85,0
40.	Длина осн.лица	-	-	109,0	96,0	121,0
43.	Верхняя ширина лица	-	119,0	111,0	108,0	102,0
45.	Скуловой диаметр	-	138,0	140,0	130,0	135,0
46.	Средняя ширина лица	-	108,0	101,0	96,0	97,0
47.	Полная высота лица	-	132,0	125,0	-	-
48.	Верхняя высота лица	-	82,0	76,0	-	72,5
51.	Ширина орбиты	-	45,9	44,2	42,0	41,5
51a.	Ширина орбиты от d.	-	42,7	41,5	-	39,4
52.	Высота орбиты	-	36,5	32,7	30,7	37,0
54.	Ширина носа	-	29,9	26,9	25,4	26,2
55.	Высота носа	-	60,0	55,0	52,0	50,5
60.	Длина альвеол. дуги	-	59,0	57,0	-	52,0
61.	Шир.альвеол. дуги	-	72,0	72,0	-	61,0
62.	Длина неба	-	-	50,4	-	-
63.	Ширина неба	-	-	45,3	-	-
sc.	Симотическая ширина	-	10,3	9,2	3,5	10,2
ss.	Симотическая высота	-	4,2	4,4	1,2	3,8
mc.	Максиллофр. ширина	-	23,5	21,7	17,5	20,2
ms.	Максиллофр. высота	-	6,4	6,1	3,2	5,8
dc.	Дакриальная ширина	-	25,7	23,7	20,7	-
ds.	Дакриальная высота	-	11,5	11,4	6,5	-
FC.	Глуб.клыковой ямки	-	2,8	1,8	4,9	5,8
Sub.						
NB	Высота изгиба лба	-	23,5	21,2	20,8	23,2

Угловы:

32.	Наклона лба	-	73,0	80,0	77,0	76,0
GM/						
FN	Профиля лба от g.	-	70,0	74,0	73,0	75,0
72.	Общелицевой	-	89,0	87,0	88,0	79,0
73.	Среднелицевой	-	91,0	82,0	92,0	82,0
74.	Альвеолярной части	-	80,0	75,0	-	76,0
75.	У.наклонанос.костей	-	66,0	66,0	75,0	55,0
75(1).	Выступания носа	-	23,0	21,0	11,0	24,0
77.	Назомалярный	-	137,0	140,0	150,0	145,0
zm.	Зигомаксиллярный	-	122,0	136,0	136,0	134,0

Указатели:

8/1.	Черепной	-	77,8	77,2	84,0	88,2
17/1.	Высотно-продольный	-	-	73,9	70,4	75,2
17/8.	Высотно-поперечный	-	-	95,8	83,8	85,2

20/1.	Высотно-прод.от р.	-	65,9	63,6	61,5	66,5
20/8.	Высотно-попер.от р.	-	84,7	82,4	73,2	75,4
9/8.	Лобно-поперечный	-	65,3	63,4	66,2	63,4
9/43.	Фронтно-малярный	-	79,0	81,1	87,0	88,2
40/5.	Выступания лица	-	-	99,1	100,0	131,5
48/45.	Верхнелицевой	-	59,4	54,3	-	53,7
47/45.	Общелицевой	-	95,7	89,3	-	-
52/51.	Орбитный	-	79,5	74,0	73,1	89,2
54/55.	Носовой	-	49,8	48,9	48,8	51,9
61/60.	Альвеолярный	-	122,0	126,3	-	117,3
ss/sc.	Симотический	-	40,8	47,8	34,3	37,3
ms/mc.	Максиллофронтальный	-	27,2	28,1	18,3	28,7
ds/dc.	Дакриальный	-	44,7	48,1	31,4	-

Описательные:

Надпереносье	-	3,0	3,0	-	1,0
Затыл. бугор.	-	-	2,0	-	1,0
Сосцев. отр.	-	2,5	2,0	-	1,0
Пер.-носов. к.	-	3,0	2,0	-	

Нижняя челюсть:

65.	Мышечковая ширина	-	114,0	118,0	108,0	124,0
66.	Угловая ширина	-	54,0	109,0	89,0	87,0
67.	Передняя ширина	-	54,0	52,0	46,0	44,0
69.	Высота симфиза	-	39,6	35,2	30,0	32,0
69(1).	Высота тела	-	36,3	34,8	-	-
69(3).	Толщина тела	-	15,6	12,2	13,2	10,6
70.	Высота ветви	-	-	-	-	-
71а.	Наим.ширина ветви	-	40,6	35,9	34,6	33,5
С.	У. выст.подбородка	-	74,0	70,0	-	-

Табл. V.2 Краниологическая характеристика черепов из могильника Куйгенжар, курган 2.

Результаты исследования зубов индивидов из впускных погребений

Burial 1:

Lower Right Molar

Lower Left Molar

Burial 3:

All the four teeth have been found on the floor of the burial, not in situ

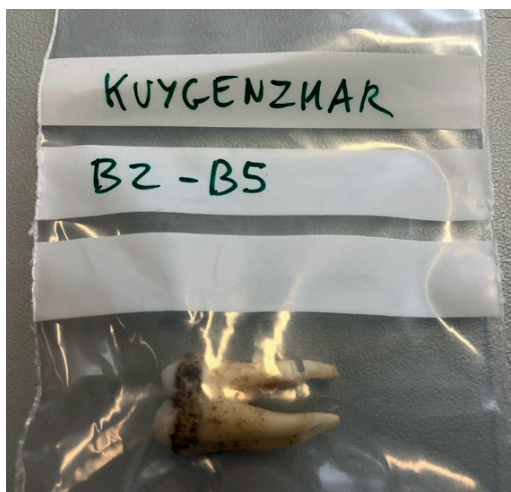
K B2-B3 Code CEDED: LTL20392A

Burial 5:

Lower Incisor

Lower Canine

Lower Molar - K B2-B5 Code CEDED: LTL20393A

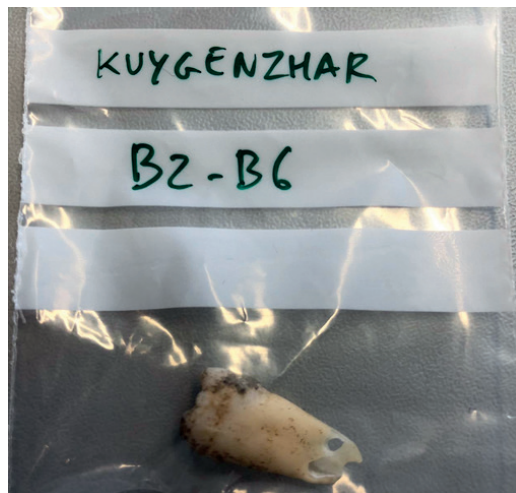
Burial 6:

Upper incisor

Upper premolar - K B2-B6 Code CEDED: LTL20394A

Lower incisor

Lower canine

Burial 7:

Upper molar

Upper premolar

Upper incisor

Results of the Analysis

The samples indicated in Table 1 were subjected to dating with the radiocarbon method using the technique of high resolution mass spectrometry (AMS), at the Center for Dating and Diagnostics (CEDAD)

of the University of Salento. CEDAD - Center for Dating and Diagnostics - Department of Mathematics and Physics «Ennio de Giorgi», University of Salento, at the Citadel of Research. 72100 Brindisi.

Code	Code CeDaD	Provenience
K B2-B3	LTL20392A	
K B2-B5	LTL20393A	
K B2-B6	LTL20394A	

Table 1. List of the analyzed material and relative identification code.

The macro-contaminants present in the samples were identified by observation under an optical microscope and removed mechanically.

The chemical treatment to remove contamination from the sample was carried out by subjecting the selected material to alternating acid-alkaline-acid chemical attacks.

The extracted material was subsequently converted into carbon dioxide by combustion at 900 °C in an oxidizing environment, and then into graphite by reduction. H₂ was used as a reducing element and iron powder as a catalyst.

The amount of graphite extracted from the samples was sufficient for an accurate experimental age determination.

The radiocarbon concentration was determined by comparing the measured values of the ¹²C and ¹³C currents, and the ¹⁴C counts with the values obtained

from standard Sucrose C6 samples supplied by the IAEA (International Atomic Energy Agency).

The conventional radiocarbon dating has been corrected for isotope fractionation effects both by measuring the term $\delta^{13}\text{C}$ carried out directly with the accelerator, and by the measurement background.

Samples of known oxalic acid concentration provided by the National Institute of Standard and Technology (NIST) were used as quality control of the results.

For the determination of the experimental error in the radiocarbon date, both the scattering of the data around the average value and the statistical error resulting from the ¹⁴C count were taken into account. Table 2 reports the radiocarbon dating (not calibrated) for the samples with an indication of the absolute error of the measurement.

Campione	Radiocarbon Age (BP)(*)	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	Note
LTL20392A	237 ± 40	-19.8 ± 0.5	
LTL20393A	166 ± 40	-21.7 ± 0.5	
LTL20394A	165 ± 40	-17.8 ± 0.5	

Table 2. Measured value of radiocarbon age.

(*) With BP we mean here an uncalibrated conventional radiocarbon dating whose calculation implies (cf. M. Stuiver, H.A. Polach, Radiocarbon, Vol. 19, No.3, 1977, 355-363):

- The use of Libby's half-life (5568 years) compared to the correct value of 5730 years;
- The year 1950 as the reference year;
- The direct or indirect use of oxalic acid as a reference standard.

Radiocarbon dating for the samples was then calibrated to calendar age using the atmospheric data-based OxCal Ver. 3.10 software [Reimer PJ, et al. 2013 Radiocarbon 55 No. 4-1869-1887]. The result of the calibration is shown in the following graphs and tables.

- The direct or indirect use of oxalic acid as a reference standard.
- Прямое или косвенное использование щавелевой кислоты в качестве эталона.

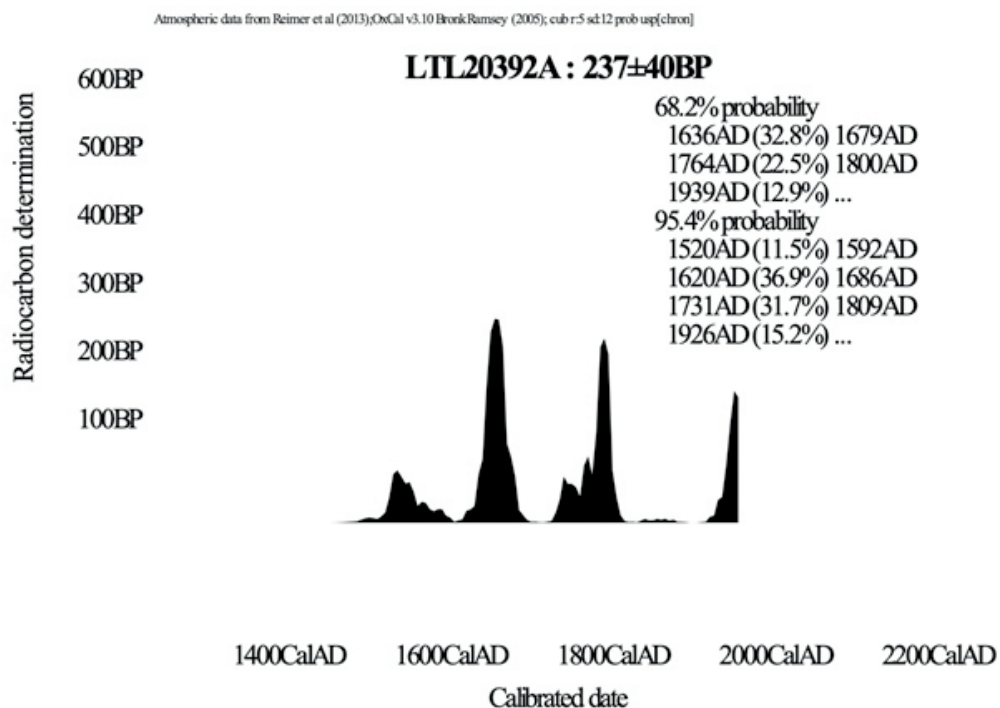

Figure 1. Calibration of the conventional radiocarbon date of the sample LTL20392A

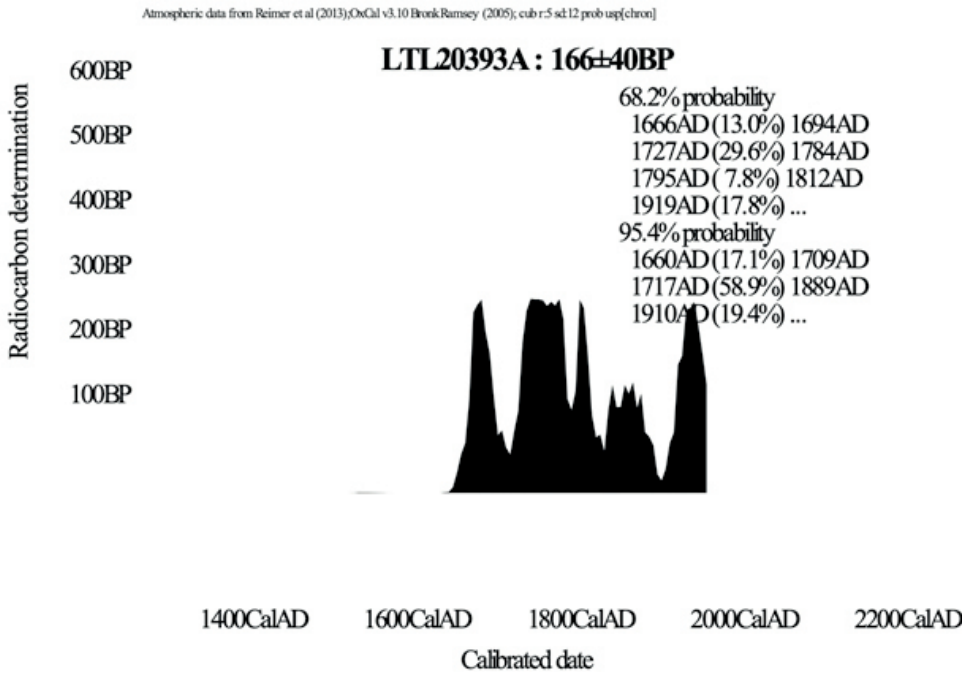

Figure 2. Calibration of the conventional radiocarbon date of the sample LTL20393A

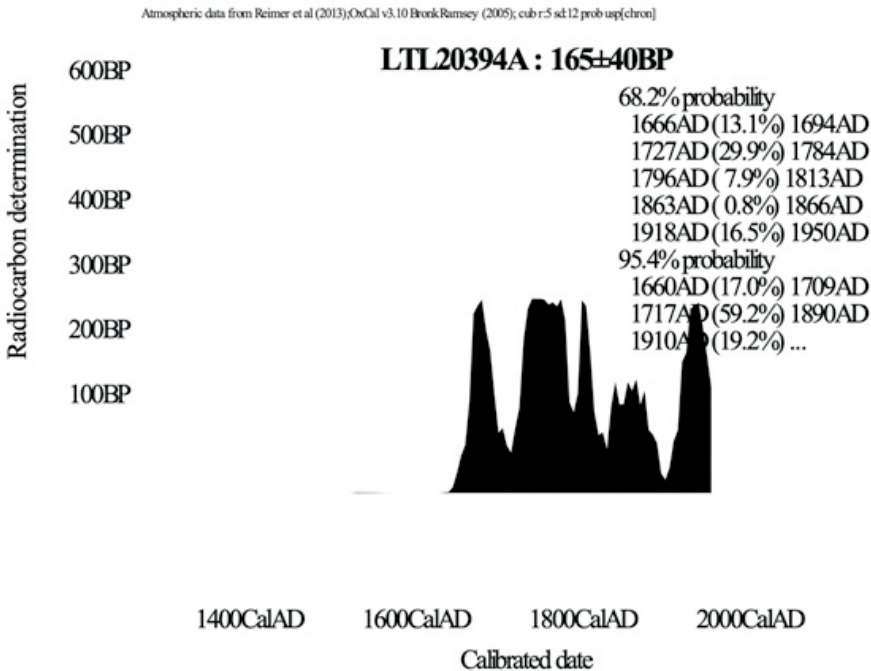

Figure 3. Calibration of the conventional radiocarbon date of the sample LTL20394A

CODE CEDAD	SAMPLE	CALIBRATED DATING (CONFIDENCE LEVEL 2σ)
LTL20392A	K B2-B3	1520AD (11.5%) 1592AD 1620AD (36.9%) 1686AD 1731AD (31.7%) 1809AD 1926AD (15.2%) 1950AD
LTL20393A	K B2-B5	1660AD (17.1%) 1709AD 1717AD (58.9%) 1889AD 1910AD (19.4%) 1950AD
LTL20394A	K B2-B6	1660AD (17.0%) 1709AD 1717AD (59.2%) 1890AD 1910AD (19.2%) 1950AD

Table 4. Summary of calibrated dating for the samples.

ГЛАВА VI. РАСКОПКИ КАЗАХСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ САРКЫРАМА

А.Т. Дукомбайев

Традиционное жилище представляет важную часть этнической культуры, оно выступает одним из ключевых компонентов картины мира и является ярким отличительным маркером того или иного этноса (Бромлей, 1983, с. 54).

Исследование традиционной культуры одно из приоритетных этноархеологических направлений. В последние годы оно приобрело особую актуальность в связи с задачей исследования традиционной культуры казахов как системы жизнеобеспечения. Важнейшей составной частью данной системы выступают поселенческо-жилищные комплексы казахов. Если говорить о таком типе жилища как юрта, являющейся сегодня одним из брендов казахской этнической культуры, то он освещен достаточно ярко в научной и научно-популярной литературе. Исследование же стационарного казахского жилища ведется учеными на протяжении длительного промежутка времени, однако всестороннего комплексного научного анализа проведено не было.

Одним из таких объектов на территории Нура-Ишимского междуречья является поселение Саркырама. Памятник находится на правом берегу речки Саркырама – притока р. Нуры,

в 4 км севернее сопки Тайтобе, расположен на пологом склоне береговой надпойменной террасы, состоит из четырех насыпей, вытянутых в ряд по линии запад-восток. Поверхность береговой террасы задернована, поросла степной и пойменной растительностью.

Развалы строений представляют собой насыпи округлой и овальной форм, диаметром 10-16 м, высотой 0,5-0,8 м. Вокруг насыпей рельефно выделяются ровики. Расстояние между сооружениями от 8 до 24 м. В центре каждой насыпи глубокая западина прямоугольных очертаний, размерами примерно 3х2 м. Западины ориентированы широтно. Западины окружены широким грунтовым кольцом. В процессе раскопок выяснено, что насыпи являются развалами жилищных строений этнографического времени.

Четыре дома составляют сезонное поселение, при анализе полученного материала мы склоняемся к мысли, что это не зимнее поселение, а скорее осеннее («кузеу», «кузек»), которое, как правило, располагалось недалеко от зимовий и входило с ними в единый территориально-хозяйственный комплекс. Подобные сезонные поселения были местами, которыми до-

рожили. Возможно, как сенокосными угодьями, требующими охраны. И в наши дни эта надпойменная долина является территорией покосов.

На поселении Саркырама были проведены все предшествующие раскопкам, работы: снят план, съемка квадрокоптером, описаны топография и планиграфия. На снимке сверху хорошо видна опашанная полоса охранной зоны, окружающая территорию памятника в виде прямоугольника. Жилища скомпонованы попарно: жилища № 1 и 2, расстояние между ними 8 м. Затем промежуток длиной 24 м и следующие два жилища № 3 и 4 разделены пространством в 10 м (рис.VI.1). Кроме развалов четырех строений видны сопутствующие хозяйственные постройки. На пустом пространстве между жилищами 2 и 3 прослеживаются крупные подпрямо-

угольные очертания. Их конфигурация вытянута меридионально, имеет посередине восточной стенки излом вовнутрь (ворота?). Визуально это сооружение не фиксируется. Возможно, это загон или место хранения сена.

При осмотре территории внимание привлекли многочисленные углубления, окружающие развалы домов. Их размеры и взаиморасположение свидетельствуют о дополнительных хозяйственных пристройках. Юго-восточнее жилища № 3 видна круглая площадка, оконтуренная мелким ровиком. Ряды мелких углублений фиксируются между жилищами № 1 и 2. На современной поверхности они не видны из-за густой травы.

Насыпи пронумерованы от запада на восток. Развалы жилищ 1-3 имеют квадратную форму. Жилище № 4 самое крупное, имеет прямоугольную

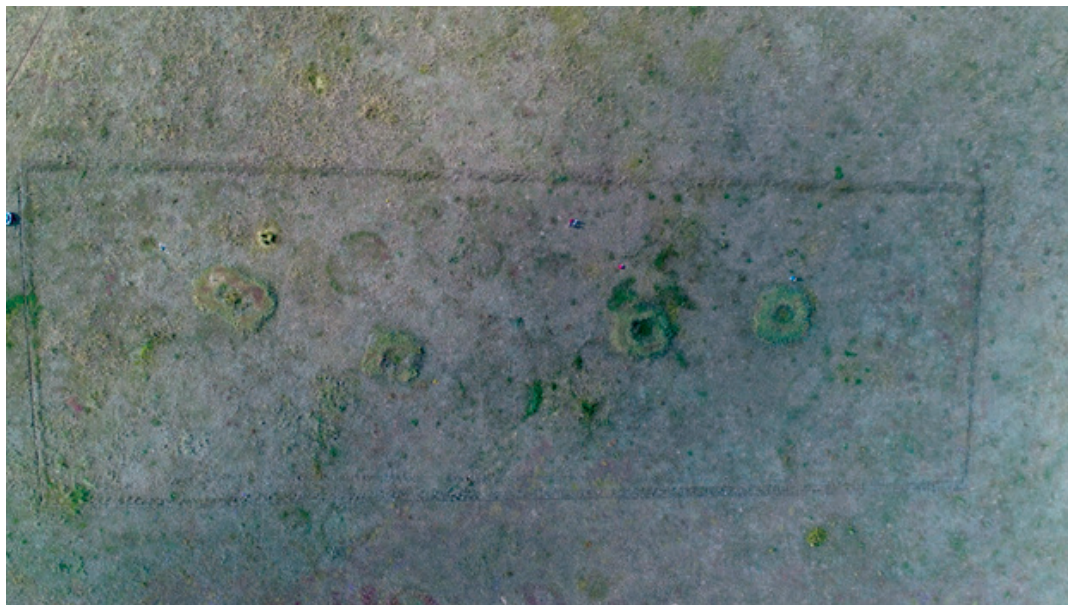

Рис. VI.1 Поселение Саркырама. Съемка БПЛА до раскопок (вид сверху).

форму, вытянутую по линии ССЗ–ЮЮВ. В центре его фиксируется прямоугольное углубление с перемышкой. Похоже на двухкомнатный дом, вход с восточной стороны. К сожалению, поверхность насыпи повреждена, в нее вертикально вкопана бетонная труба. Рядом с этим жилищем в 2007 г. была установлена каменная плита с надписью, что памятник охраняется законом.

Жилище №1

Насыпь подквадратной формы, углами по сторонам света. Размеры 11х10 м. Высота 0,6 м. Поверхность поросла травой, особенно густой в центральном углублении. Ров рельефно фиксируется вдоль периметра южных стен. С юга к развалу жилища примыкает огороженное ямками пространство шириной 6 м. Эта площадка улавливается только по цепочке редких ямок образующих прямоугольник. Вход визуально не фиксируется.

Через центр была пробита бровка по линии СЗ–ЮВ (45°). Первоначально с целью выяснения характера памятника, с восточной и западной сторон, вдоль бровки были заложены траншеи шириной 2 м.

При углублении до материка на противоположных концах траншей появились темные очертания ровика. В заполнении ровика расчищены кости овцы. Вся насыпь была заключена в раскоп прямоугольной формы (10х9 м), сделана дополнительная прирезка у южной стенки для выяснения прилегающих конструкций. Все вместе образовало раскоп площадью 100 кв.м. Дополнительно посередине

насыпи оставлена поперечная бровка (З–В). Она не получилась сквозной, т.к. в центре уже были вскрыты две траншеи. Таким образом, мы получили два продольных (север-юг) профиля и фрагменты поперечного (запад-восток) профиля.

В процессе раскопок было принято решение зафиксировать очертания стен жилища в плане. С этой целью в центре западной части к траншее была прирезана площадка прогиба длиной около 3 м, шириной 1,5 м (рис. VI.2). Раскоп был опущен на глубину 40 см. Поверхность оказалась выведена на уровень погребенной почвы. Большое количество нор мешало сделать зачистку.

В западной стенке у основания раскопа тянутся два слоя желтых кирпичей от стенки жилища (рис. VI.3). У северного края внизу видна узкая полоска золистого грунта, над ней два кирпича из глины. Этот слой золы длиной около 1 м подстилает основание кирпичной стены. Выше желтых кирпичей видны слои намазанной коричневой глины. Общая высота 0,5 м.

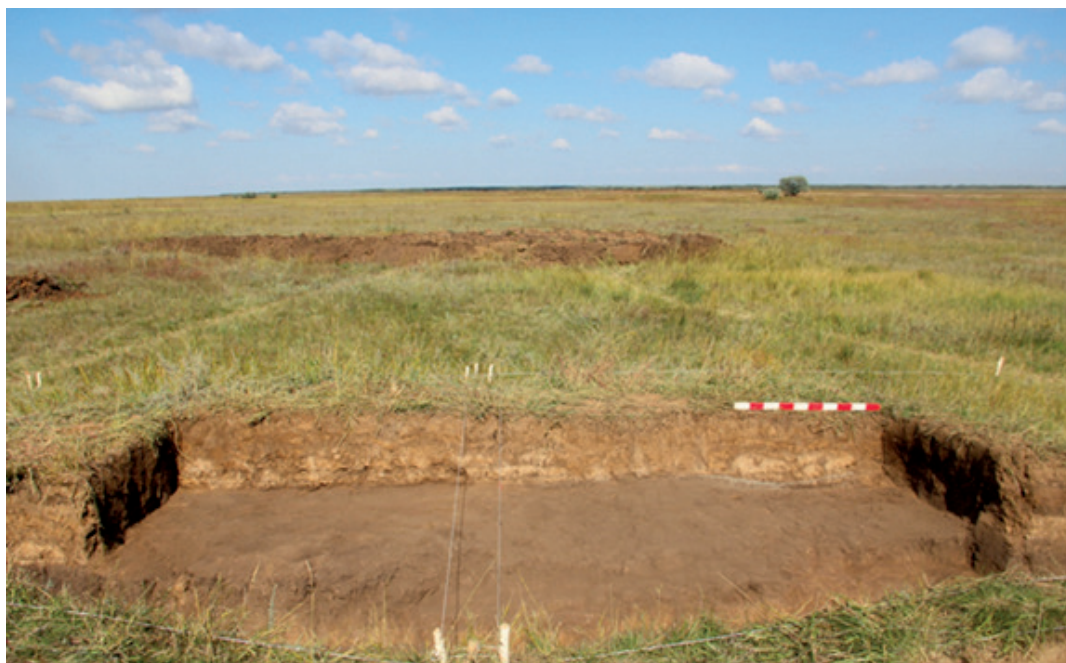
На следующем этапе раскоп был расширен с западной и восточной сторон и охватил всю территорию жилища. На западе прирезана площадка шириной 3 м, на востоке траншея шириной 2 м (рис. VI.4).

Восточная траншея была опущена до материка. На ее поверхности проступили очертания ровика, заполненные развалом стен. Ширина ровика 0,3–0,4 м (рис. VI.5; рис. VI.6).

Западная сторона раскопа расширена на 2,5 м. По всей длине грунт снят на 20 см, сделана зачистка.

*Рис. VI.2 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Процесс прирезки траншеи в центре западной части.*

*Рис. VI.3 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Слой желтых кирпичей в западной стенке жилища.*

*Рис. VI.4 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Расширение раскопа с западной и восточной стороны.*

*Рис. VI.5 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Очертания ровика со стороны восточной траншеи.*

Рис. VI.6 Поселение Саркырама. Жил. №1.

Рис. VI.7 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Кирпичная кладка стены в ЮЗ секторе.

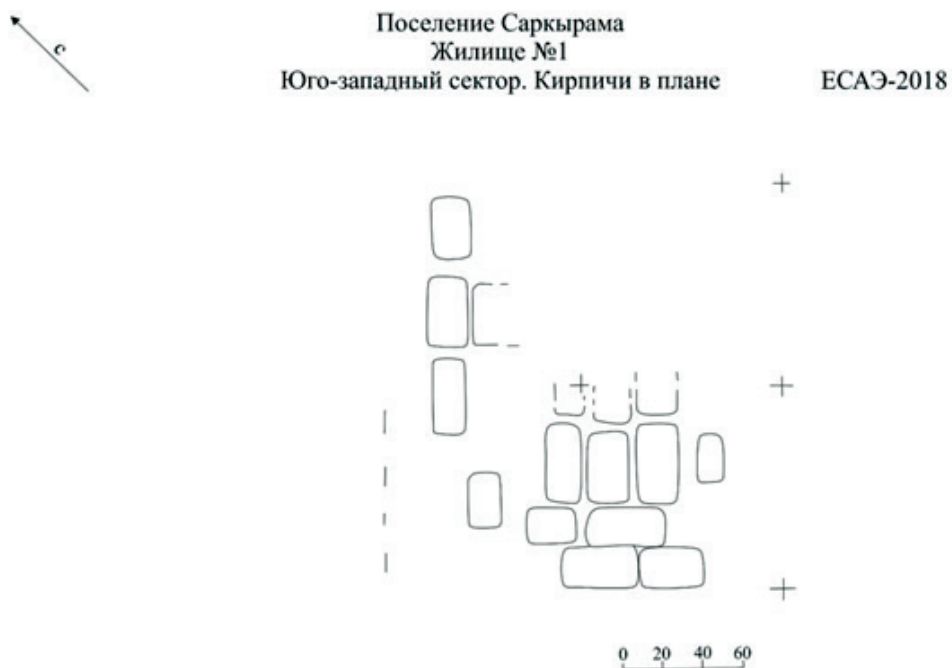

Рис. VI.8 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Кирпичная кладка стены в плане.

Рис. VI.9 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Фиксация наружных граней глиняных стен.

Проступили границы глиняной площадки, окруженные черноземом. В юго-западном секторе на зачистке фиксируется фрагмент кирпичной кладки стены. Этот участок был зарисован отдельно и сфотографирован (рис. VI.7; рис. VI.8).

В этом секторе была выявлена конструкция стен жилища, способ ее разметки и технология строительства. По границе желтого и черного слоев четко проступили три наружные грани глиняных стен, окруженные черноземным грунтом. Шаг грани 4 м (рис. VI.6). К сожалению, мы не зафиксировали эти детали в других секторах раскопа. Тем не менее, получается, жилище имело многогранную форму (8 граней). Ров выкопан с внешней стороны стен жилища, имеет подквадратную форму. Очертания ровика отступают от стен на 0,5–0,7 м (рис. VI.6). Ров не зафиксирован лишь в северо-западном секторе. Возможно, он был не глубоким, или прерывался из-за входа.

На участках западной части раскопа зафиксированы границы подсыпки стен жилища черноземом. Ниже по склону перед рвом идет полоса глиняной подсыпки. Эти детали были выявлены, благодаря многочисленным поперечным разрезам рва.

Сочетанием, сравнением горизонтальной и вертикальной стратиграфии, зарисованных планов, фиксации пластов кирпичной кладки в профилях и развале стен установлена толщина кирпичных стен, равная 0,8–1,0 м. Исходя из этого, установлена внутренняя площадь комнаты. Она имеет прямоугольную форму, вытянутую по линии запад–восток, размеры 4,5х3 м,

что дает площадь 13,5 кв. м. Возможно, 12 кв. м (рис. VI.6). Вход в жилище был ближе к северному углу.

Описание профиля №1

Это западный профиль центральной траншеи, ее длина 10 м. В центре фиксируется прогиб длиной по бровке 3 м. Самая высокая точка +56. Толщина напластований в центре 0,3 м, по краям 0,4–0,5 м. В профиле хорошо видны стены. Длина южного отрезка кирпичной кладки 1,2 м, северного – 0,9 м. По всей длине профиля внизу идет полоса глины. В центре между кладкой стен появление этого слоя глины вызвано развалом и затеканием.

С северной стороны профиля сохранился узкий «столбик» кирпичей шириной 25 см в четыре слоя. С внешней стороны он подсыпан глиной и гумусом. Гумус сохранился на высоту 0,4 м и плотно примыкает к остову кирпичной кладки. С внутренней стороны видны три узких слоя кирпичей длиной по основанию 0,6 м. Вместе они составляют стену шириной 85 см (рис. VI.10)

С южной стороны остов стены сохранился в виде четырех рядов сырцовых кирпичей. Длина по основанию 1,2 м, высота 0,4 м. Кирпичи похожи на слои намазанной глины. С внутренней стороны к этому остову примыкают мелкие кирпичи, попавшие в огонь. Они имеют углистые и зольные поверхности. Сами кирпичи положены зигзагообразно.

С двух сторон зафиксирован разрез ровиков. Глубина 0,4 м, ширина 0,3–0,4 м (рис. VI.10). В заполнении рва сверху затекает глина от развала стен, внизу залегает темный гумус-

Поселение Саркырама
Жилище № 1
Профиль 1

ЕСАЭ-2018

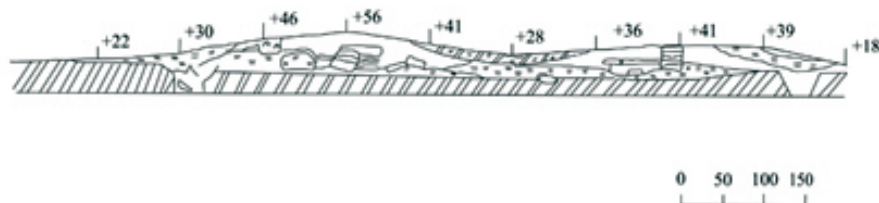

Рис. VI.10 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Западный профиль центральной траншеи.

ный грунт. Расстояние между рвами 7 м.

Описание профиля № 2

Это профиль западной бровки восточной траншеи. Его высота 0,4 м, длина 10 м. На профиле нет прогиба в центре. По верху тонкий слой дерна от корней растений. И сразу идут глиняные кирпичи. На профиле фиксируется самая длинная по протяженности конструкция саманной стены, сложенной из сырцовых кирпичей. Ее длина по профилю 3,5 м, высота 35 см. Читаются 4–5 слоев кирпичной кладки. Особенно четко выделяются нижние два слоя сделанные из чистой глины. Длина кирпичей 15–26 см, высота 8–10 см. Верхние слои кирпичей идут уже с примесью гумуса, перемежаются прослойками темного раствора (рис. VI.11; рис. VI.12).

Стена возведена на гумусе погребенной почвы мощностью 15–20 см. Поверхность погребенной почвы совпадает с уровнем нулевой отметки, выделяется тонкой черной прослойкой, связанной с разницей плотности

естественного природного грунта и кирпичной кладки. С двух сторон за пределами кирпичной кладки стены, на погребенке лежит слой глины. С южной стороны толщина глины всего 5 см, с северной – 15 см.

Выше глиняного слоя залегает чернозем. Мощность его различна. С южной стороны слой чернозема затекает в заполнение рва. Слой имеет длину 0,8 м, толщину 10–15 см. С северной стороны он гораздо длиннее и толще. Здесь он тянется на протяжении 2,2 м от кирпичной кладки до рва. Мощность слоя 15 см. Происхождение этих двух слоев: глины и чернозема связано с наружной подсыпкой стен жилища.

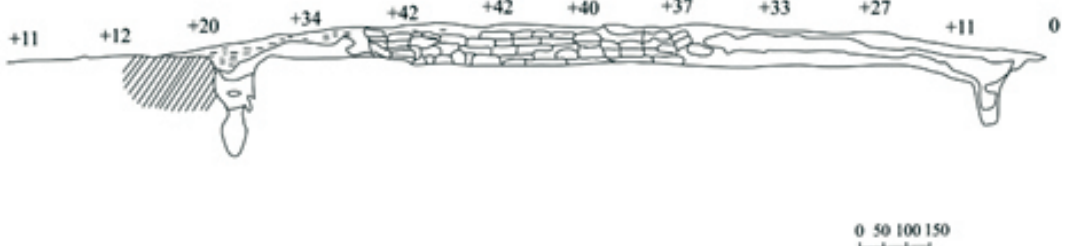
С двух сторон бровки зафиксирован разрез рва. Ширина рва сверху 0,7–1,0 м, глубина 0,5–0,7 м. В нижней части разреза рва южной стороны зафиксировано углубление, дающее общую глубину рва в этом месте до 1 м. Но это скорее всего, нора. Расстояние между внутренними стенками рва 7,75 м. Слои глины, частично

*Рис. VI.11 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Профиль западной бровки восточной траншеи.*

Поселение Саркырама
Жилище №1
Профиль 2

ЕСАЭ-2018

*Рис. VI.12 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Западный профиль центральной траншеи.*

кирпичи стен и чернозем падают в заполнение рва. Нижняя часть рва заполнена темным грунтом. Сверху ров затекает глиной.

Описание профиля поперечной бровки.

Эта бровка оставлена нами фрагментарно, с западной и восточной сторон. В восточной траншее сохранилась бровка длиной 2 м. Ров имеет размеры ширина по верху 0,5 м, дно плоское шириной 0,2 м, Общая глубина 0,5 м (рис. VI.13). Ров заполнен сверху глиной, в нижней половине комья гумуса, между ними глиняный кирпич. Все слои затекают с внутренней стороны.

С западной стороны сохранился профиль бровки длиной 2,3 м. Здесь фиксируется ров 0,4x0,4 м, дно уплотненное. Ров заполнен сползшими с восточной стороны слоями серого грунта. В придонной части узкие слои постепенно упавших слоев глины и темного грунта.

Жилище № 2

Расположено в 8 м восточнее жилища № 1. Развал жилища подквадратной формы, углами ориентирован по странам света, углы дома скруглены. Высота – 0,5 м. Толщина стен жилища 0,8 м (рис. VI.14). Поверхность задернована, в центре очень четко фиксируется западина. Начальным этапом проведения исследований стала разметка жилища, был определен центр жилища №2. Заложены две бровки: по линии запад–восток (центральная) и север–юг. С восточной и западной сторон были заложены траншеи шириной 2 м.

В ходе раскопок (на уровне – 20 см) были обнаружены очертания рва. Для выявления очертаний рва, была сделана прирезка с восточной стороны, длиной – 2 м, шириной – 1 м. Ров заполнен светлой глиной.

Ров фиксируется с северной и южной сторон, а с восточной и западной сторон либо ров стал мелким, либо ров не окружал жилище со всех сторон. Поэтому на чертеже он намечен пунктиром. Ров имеет ломаную линию очертаний (рис. VI.14)

Описание южного профиля центральной бровки.

Это южный профиль центральной бровки по линии запад–восток. В центре бровки наблюдается прогиб, длина которого составляет около 4 м. Под ним 10 см глины.

С двух краев (западного и восточного) зафиксирован разрез рва. Глубина разреза – 0,5 м, ширина достигает 0,4 м. Ров спускается наклонно, дно плоское (рис. VI.15)

Жилище № 3

Расположено в 24 м восточнее жилища №2. Развал жилища имеет подквадратную форму. До раскопок с северной стороны фиксировался разрыв в грунтовом кольце, показывающий проход. При съемке дроном низкий уровень грунтового кольца прослеживался и в юго-западном секторе. Углубление в центре при съемке сверху имело прямоугольную форму, вытянутую по линии запад–восток.

Жилище было вскрыто раскопом площадью 100 кв. м (Рис. VI.16). Оставлены две бровки: по линии запад–восток (профиль №2) и север–юг

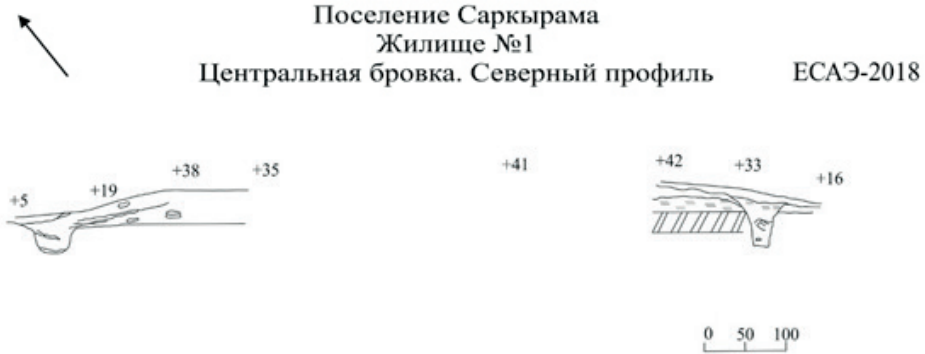

Рис. VI.13 Поселение Саркырама. Жил. №1.
Северный профиль центральной бровки.

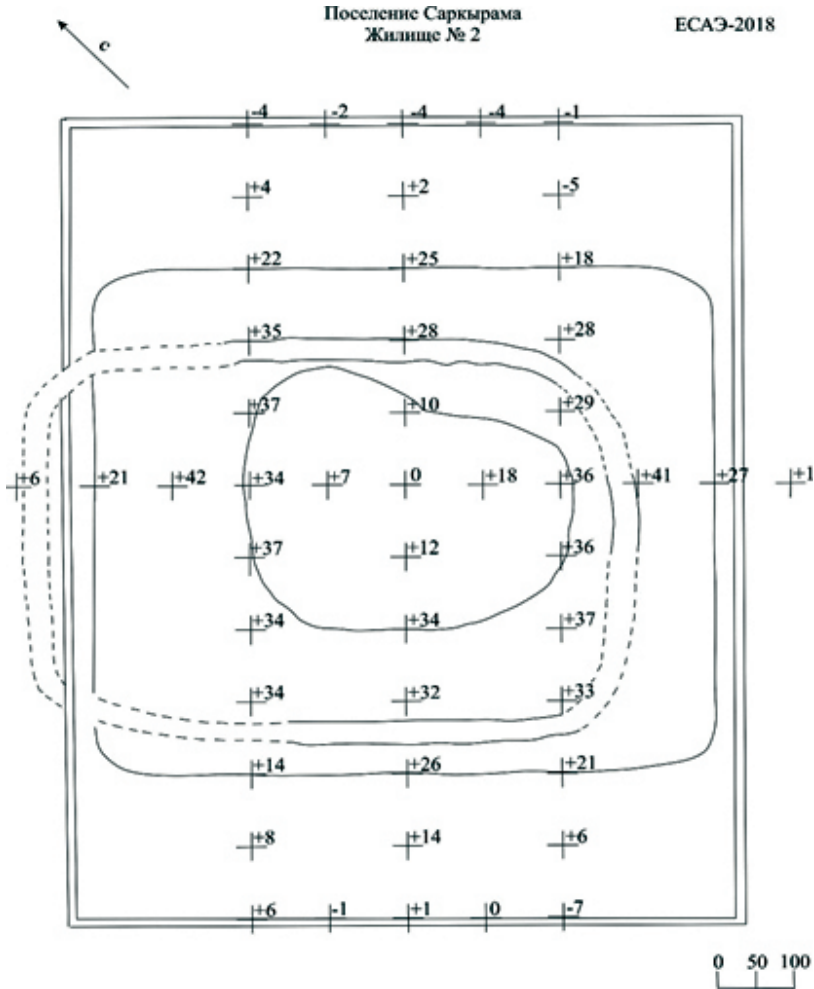

Рис. VI.14 Поселение Саркырама. Жил. №2.

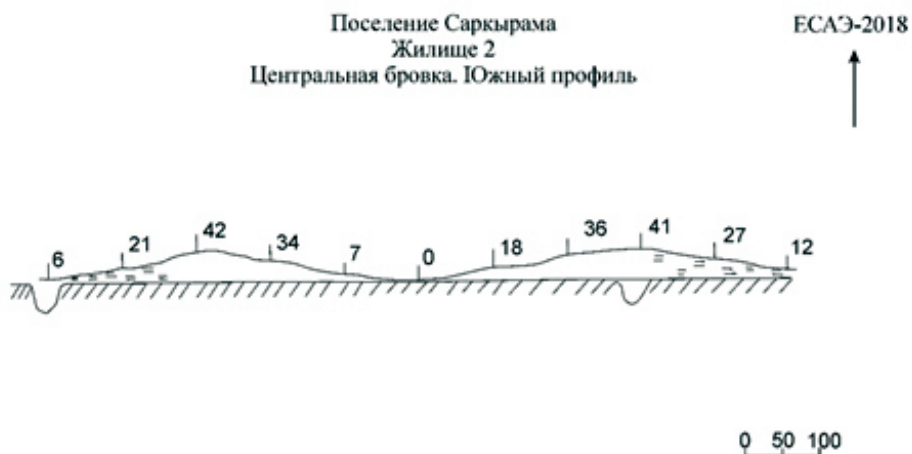

Рис. VI.15 Поселение Саркырама. Жил. №2.
Южный профиль центральной бровки.

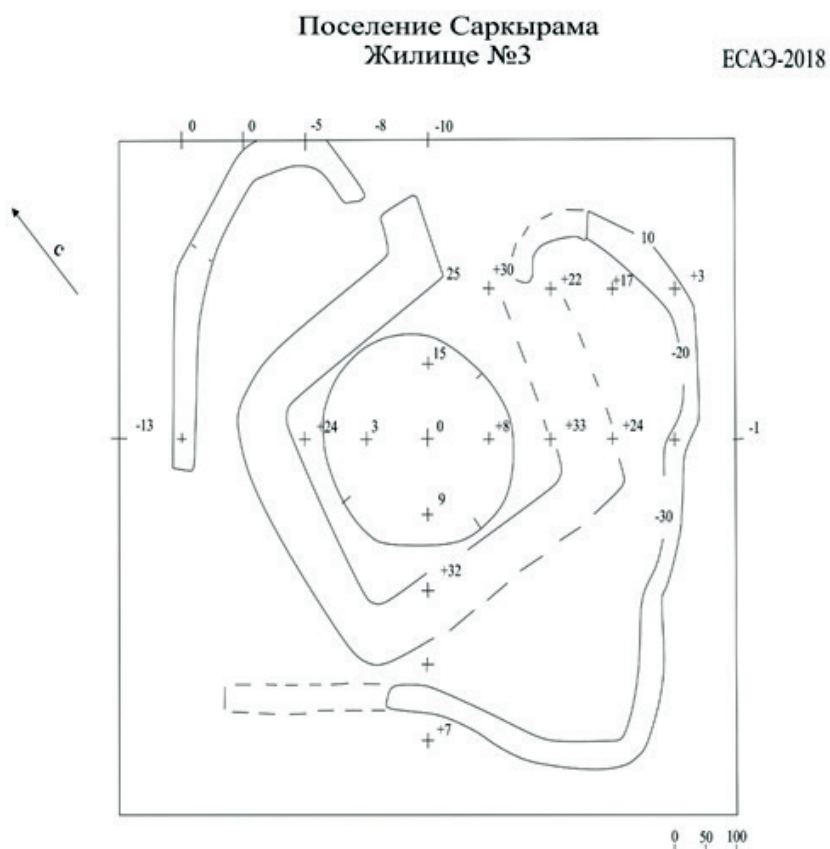

Рис. VI.16 Поселение Саркырама. Жил. №3.

(профиль №1). Бровки, как и границы раскопа, отклонены на 45° от системы координат. Раскоп не захватил наклонные края развала жилища. Поэтому, при поиске очертаний рва в плане, пришлось сделать прирезки длиной 2 м, шириной 1 м с восточной и западной сторон раскопа. В северо-восточном секторе, в 2 м севернее центральной бровки (№1), была оставлена поперечная бровка (№3) для изучения входных конструкций. Профили получили нумерацию от 1–4.

Первоначально вся площадка раскопа, кроме центрального углубления, была опущена на 20 см. Во всех секторах появилось глиняное заполнение, повторяющее контуры развала жилища. Черный гумусный грунт остался в углах раскопа и на участке северо-восточного сектора (рис. VI.17). При зачистке поверхности неясные очертания кирпичной стены в плане зафиксированы в северо-восточном секторе (рис. VI.18). В дальнейшем они совпали с вертикальными разрезами кирпичной стены в профилях. Такая же размытая полоса кирпичей проявляется в юго-восточном секторе.

Очертания рва хорошо видны на уровне древней поверхности в северо-восточном секторе. Ров заполнен светлой глиной. Разрез рва сделан в профиле № 1 с восточной стороны. Он имеет ширину 0,45 м, глубину 0,6 м, дно плоское. Общее направление конфигурации рва протянулось в юго-восточный сектор и в самом углу повернуло на запад почти под прямым углом. Очертания рва выделяются на темном грунте глиняным заполнением. Однако зафиксировать

его в южной части профиля № 2, не удалось. Либо ров стал мелким, либо ров не окружал жилище со всех сторон. Поэтому на чертеже он намечен пунктиром (рис. VI.16).

Следующий фрагмент рва в плане удалось выявить в северо-западном секторе. Разрез рва был зафиксирован в бровке (№1) с западной стороны. Чтобы найти его продолжение, в северо-западном секторе пришлось сделать несколько поперечных разрезов и по ним вывести очертания рва в плане. Северный отрезок рва длиной 1,0 м удалось зафиксировать в профиле №4 (рис. VI.19).

Форма жилища была определена по участкам кирпичной кладки, зафиксированной в профилях. В результате сравнения горизонтальных и вертикальных разрезов и очертаний обозначилось жилище прямоугольной формы, ориентированное сторонами по странам света. Внутренние размеры – 3,6х3,25 м. Внешние – 5,5х4,7 м (рис. VI.16).

Вход расположен в северо-восточном углу жилища. Ширина входного проема 0,8 м устанавливается по кладке кирпичей в профиле №2 и №3 (рис. VI.20; рис. VI.16). Толщина стены 0,8 м. Ров имеет ломаную линию очертаний. Форма его достоверна в восточной стороне и реконструирована по разрезам в северо-западном секторе. Ров окаймляет с двух сторон входную конструкцию. Вход имеет скользящий коридор, образованный поворотным выступом северной стенки и продолжением на север восточной торцевой стены. Внутри жилища у юго-восточного угла зафиксирован очаг (рис. VI.16).

Описание профиля №1

Это северный профиль центральной бровки по линии запад–восток (рис. VI.21; рис. VI.22). В центре прогиб длиной 3 м, под ним всего 15 см глины. Стены возведены на гумусе погребенной почвы. Сохранившаяся высота стен 0,5 м. Стены жилища, судя по профилю, с внешней стороны подсыпаны глиной, толщиной 0,3 м, поверх глины лежит слой чернозема. Вероятно, это делалось для утепления жилища.

У западного края зафиксирован разрез рва шириной по верху 0,8 м, ров спускается наклонно. Глубина 0,4 м, дно плоское. Стены жилища возведены послойным укладыванием коричневой глины в виде отрезков лент и отдельных кирпичей. С западной стороны виднеется участок кирпичной стены длиной по основанию 0,8 м, высотой 0,4 м. Четко прослеживается отвесная западная стенка, с внешней стороны два глиняных столбика (рис. VI.23). К центру вниз сползают кирпичи.

В восточной половине бровки кирпичная стена состоит из трех рядов послойно уложенных кирпичей. Длина по основанию 0,9 м. С внешней стороны отвесная стена подсыпана глиной и черноземом. В 0,7 м восточнее кирпичной стенки выявлен разрез рва шириной по верху 0,5 м, глубина рва 0,5 м, дно плоское (рис. VI.24). Ров сверху заполнен глиной. Вдоль стенки ее затекает чернозем, которым подсыпали стены жилища.

В профиле восточной половины на гумусе погребенной почвы зафиксирован тонкий слой угля и золы. Длина

слоя 0,4 м, он примыкает к кирпичной кладке (рис. VI.25). Это очаг. В жилище он находится у восточного угла дома (рис. VI.22).

Описание профиля №2

Это восточный профиль центральной бровки по линии север–юг. Длина профиля 9 м, высота 0,4 м. В центре прогиб. Общее заполнение профиля глиняное. Видны два участка кирпичной кладки в наиболее высокой северной и южной части бровки. С северной стороны сохранился участок из четырех рядов кирпичей, положенных в три слоя. Часть кирпичей наклонно падают к югу (рис. VI.26). Небольшой фрагмент кирпичной кладки выявлен с южной стороны профиля.

Описание профиля №3

Это северный профиль бровки, оставленной в северо-восточном секторе с целью фиксации входа в жилище. И вход здесь хорошо виден. Между колами +26 и +30 выявлен проем в кирпичной кладке шириной 0,85 м (рис. VI.27). С двух сторон проема четыре слоя кирпичей высотой 0,3 м. У восточного края – разрез рва глубиной 0,5 м.

Описание профиля №4

Это профиль северной стенки северо–западного сектора. Мощность его 0,25 м (рис. VI.19). На профиле виден участок продольного разреза рва, глубиной в 10 см. Сверху идет тонкий слой глины, ниже гумус. Профиль зарисован, т.к. обнаружить очертания рва в плане нам не удалось. При углублении участка сверху и зачистке была выявлена узкая полоска заполнения рва.

*Рис. VI.17 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Вид сверху.*

*Рис. VI.18 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Очертания кирпичной стены в северо-восточном секторе.*

*Рис. VI.19 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Фиксация северного отрезка рва в северной стенке северо-западного сектора.*

*Рис. VI.20 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Вход в северо-восточном углу жилища.*

Рис. VI.21 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Северный профиль центральной бровки по линии запад-восток.

Рис. VI.22 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Северный профиль центральной бровки.

*Рис. VI.23 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Западный край северного профиля центральной бровки.*

*Рис. VI.24 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Разрез рва в восточной половине северного профиля центральной бровки.*

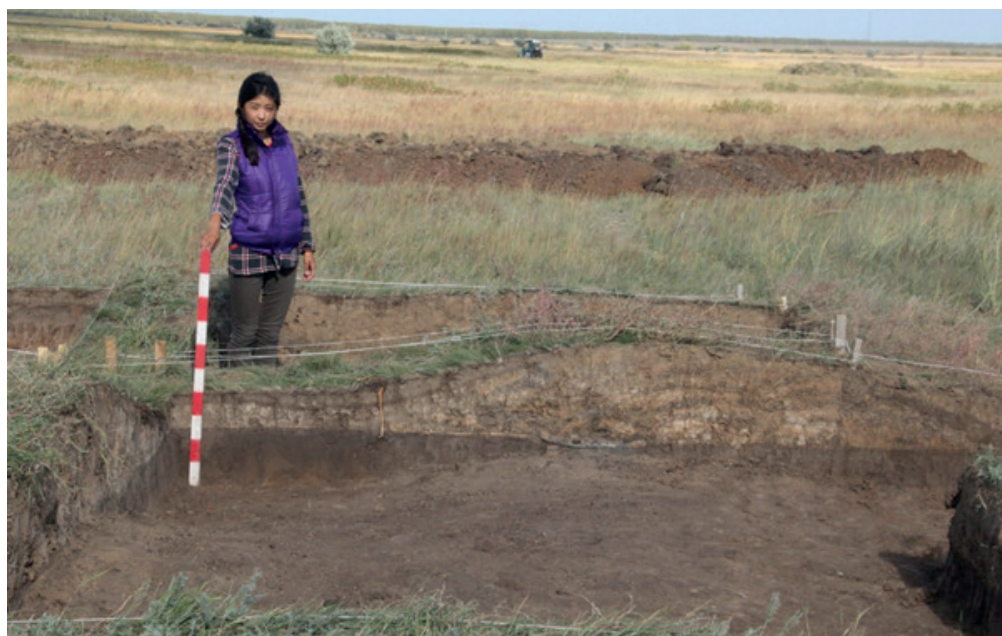

Рис. VI.25 Поселение Саркырама. Жил. №3. Очаг.

Рис. VI.26 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Восточный профиль центральной бровки по линии С-Ю.

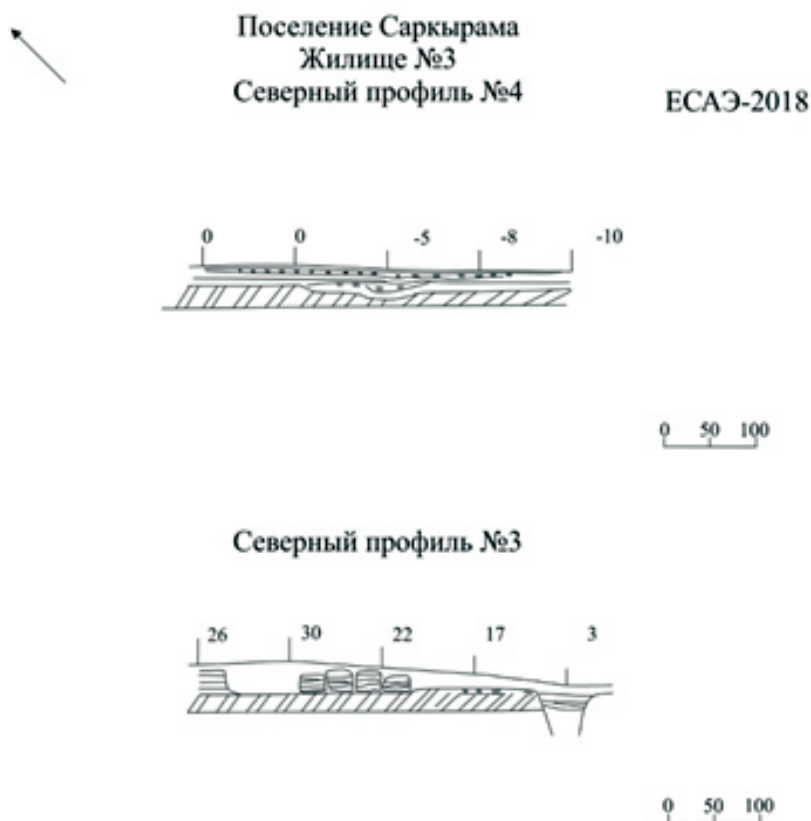

Рис. VI.27 Поселение Саркырама. Жил. №3.
Северный профиль бровки северо-восточного сектора.

Выводы

В процессе раскопок была выявлена конструкция стен жилища, способ ее разметки и технология строительства. Жилища прямоугольной формы, ориентированы углами или сторонами по странам света. Стены сложены из сырцового «кирпича» и послойно скреплены гумусом. Стены домов возведены на погребенной почве, без фундамента. Ширина стен 0,8–1,0 м, сохранившаяся высота 0,5–0,6 м. Насчитывается 3–5 слоев кирпича. Стены в основании с наружной сто-

роны подсыпаны глиной и гумусом. Вокруг такой многослойной стеновой конструкции выкопан ров для отвода воды в случае дождя (ливневая канализация). Все жилища наземные площадью 26–34 кв.м. Внутренняя площадь жилищ 12 кв.м.

Пол жилища покрыт слоем глины толщиной в 10 см. Следы очага в виде тонкой полоски зольного прогиба обнаружены в жилищах 1 и 3. Стены жилищ окружены ровиком шириной 0,5 м на уровне древней поверхности. Рвы в разрезе имеют плоское дно,

глубину 0,4–0,5 м. Видно, что рвы стояли полые и постепенно заполнялись разрушающимся грунтом стен.

В жилище №1 прослежена форма стен в плане и способ ее возведения. Стена строилась отдельными блоками длиной в 4 м. В юго-западном секторе очертание глиняной стены показывает ее многогранную форму. Здесь расчищены «кирпичи» в плане. Преобладают размеры 40x20 x10 см. «Кирпичи» не чисто сырцовые, часть замешана вместе с гумусом. Вход в жилища находится в углах, направленных в северный сектор, в сторону реки. Река протекает в 1 км от территории памятника. Возможно, вода для бытовых целей добывалась из колодца. Следовательно, одно из углублений может быть колодцем.

По аналогии с исследованными оседлыми памятниками Сарыарки, можно утверждать, что дома имели высоту около 1,8 м, плоскую крышу, сложенную из камыша, кустарника. Сверху кровля закреплялась влажной глиной и дерном. Возможно, в жилищах были окна. Об этом свидетельствуют обнаруженные тонкие осколки стекла.

Данное поселение существовало во второй половине XIX в. Об этом свидетельствуют фрагменты фарфоровой посуды с клеймом фабрики Кузнецовых. Единично встречены днища чашек с китайскими иероглифами. Из письменных источников известно, что казахи в XIX веке пользовались посудой российских и китайских заводов. Осколки днищ с клеймами «Товарищества заводов Кузнецова» – это свидетельство товарного вне-

дрения российской промышленности в экономическую жизнь и семейный быт казахского населения.

В ходе археологических раскопок поселения собрано большое количество изделий из железа – фрагмент железного котла с ручкой, фрагменты верхней части котла.

Известно, что металлические котлы отливались из чугуна, имели различные размеры и форму. В жилищах они устанавливались на железных, чугунных подставках или помещались в земляную печь.

Косвенным признаком элитарности усадеб являются находки фрагментов дорогого импортного фарфора, не просто пиал, а изящных чашек, сахарниц, фрагментов стеклянных ваз. Такая посуда – это украшение дома, знак престижа его владельца (рис. VI.28).

Фрагменты фарфоровых пиал и фаянса – наиболее распространенный тип находок в зольниках на старых зимовках. Судя по клеймам на днищах посуды, массовый торговый сбыт посуды приходился на период 70–х гг. XIX – начала XX вв. Торговля на ярмарке была преимущественно меновая. Товары частично обменивали на скот, частично на деньги. Фаянсовая, фарфоровая и глиняная посуда российского производства Товарищества заводов Кузнецова входила в основной потребительский список наиболее востребованных товаров.

Исследованный поселенческий объект имеет большое научное значение. В археологии Сарыарки – это первый раскопанный поселенческий

Рис. VI.28 Подъемный материал с поселения Саркырама (фрагмент металлического котла и фарфорового блюда с клеймом «Товарищества заводов Кузнецова»).

объект позднего средневековья. Поселение Саркырама наглядно свидетельствует о существовании у казахов Акмолы нескольких видов поселений. Были зимние стойбища, состоящие из нескольких жилых и хозяйственных строений, загонов для скота, оград. Часто поселение состояло из двух-трех отдельных домохозяйств.

Раскопки поселения Саркырамы открывают новый вид сезонного обитания – кузеу. Удачно, что оно сохранилось до наших дней. Кузеу расположено в равнинной пойменной долине реки Саркырамы. Развалы строений не видны с поверхности террасы. От жилищ до русла реки около 1 км. Эта территория заливных лугов. И в настоящее время здесь заготавливается сено. Вероятно, и сотни лет назад пойменная территория использовалась также. Мы предполагаем, что кузеу существовало для охраны заливных лугов и заготовки сена.

Исследованное поселение Саркырама находится в сакральном месте, с которым связана история строительства Акмолы и Акмолинской крепости. Здесь же разворачивались страницы национально-освободительной борьбы под руководством Кенесары. Еще ранее эта территория была местом пребывания чингизида Аблай хана и его сына Уали. Сам топоним Тайтобе встречается в легендах и устных эпосах казахов и киргизов. На сопке Тайтобе находятся курганы раннего железного века. Два из них были раскопаны нашей экспедицией в 2003 г. На склоне сопки видны развалины сырцовых мавзолеев и мазаров. То есть, здесь сконцентрированы разнообразные виды древних и средневековых памятников. Их скопление сакрализует окружающий столицу ландшафт и показывает значимость этой территории в истории Нур-Султана.

**ГЛАВА VII.
САКРАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ САРЫАРКИ
В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ И.П. ШАНГИНА (1816 г.)**

Т.В. Кошман, М.К. Хабдулина

Казахская степь была включена в состав Российской империи во второй половине XVIII в. С этого времени начинается активное исследование рудных богатств, изучение географии, природы «киргиз-кайсацких земель». Одновременно с выполнением стратегических задач по выявлению залежей полиметаллических руд, шло накопление знаний по географии, этнографии, культуре, истории, демографической емкости, хозяйственной специфике кочевой степи. Полученные сведения в виде описания древних памятников, караванных путей, рек, рудников, исторической топографии встречаются в трудах первых путешественников, чиновников, служилых людей. Их отчеты носят в большей мере информативный характер, связанный с задачей освоения колониальных окраин, но параллельно несут в себе сведения социально-экономической характеристики региона (Акишев, 2005, с. 15-19).

В основу исследования был положен принцип историзма, что позволило рассматривать взаимосвязи и исследования объектов в различные периоды с учетом тех или иных исторических условий. Характер источ-

никовой базы определил общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение. В то же время проблемно-хронологический метод позволил определить хронологические рамки существования памятников и их изменения в научной трактовке. Использование сравнительно-исторического метода дало результаты при определении местоположения памятников, зафиксированных в дневниковых записках и археологическими исследованиями XX века.

В течение ряда лет, в исследованиях по истории казахской степи в большей степени освещались вопросы колониальной и переселенческой политики, рассматривались темы социально-правовой истории казахского общества. Заметный интерес к трудам дореволюционного периода сегодня проявляется в связи с изучением феномена номадизма. Дореволюционная историография разнообразна и есть возможность получения достаточно широкого круга источников по рассматриваемой теме. Информативный характер содержат труды российских чиновников и путевые записки Н.И. Красовского (Красовский, 1868), И.А. Кастанье (Кастанье, 2007),

Ю.Шмидта (Шмидт, 1894), Л. Мейера (Мейер, 1865), Г.В. Генса (Генс, 1908), А.И.Левшина (Левшин, 1996), позволяющие представить общую картину казахской степи с ее огромными просторами, условиями жизни и быта населения. Отдельно можно выделить большой комплекс картографических материалов (Россия. Географическое описание..., 1913; Атлас Азиатской России..., 1914), часть из которых опубликованы в приложениях к отчетам. Картографические материалы дали возможность конкретизировать маршрут и объекты, описанные в записках и, в целом, являются важным историческим источником (Жумекенова, Садыков, 2018, с. 170). Все это позволило определить и обозначить на карте названия и исторические объекты.

Источниковой базой данной главы, прежде всего, являются дневниковые записи экспедиции И.П. Шангина. Отрывки из дневника путешествия были опубликованы в 1820 году издателем Г.И. Спасским на страницах журнала «Сибирский вестник» (Извлечение из описания..., 1820). Частично изданы в журнале «Вестник Европы» под названием «Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды Колывано-Воскресенских заводов бергшворена Ивана Шангина 1816 г.» (Шангин, 2006). Известно, что отчеты, карты и документы путешествия хранятся в Барнаульском краевом архиве и неоднократно являлись предметом изучения и анализа (Курныкина, 2003: 9-12).

Нужно отметить интерес исследователей к данному вопросу. Это

работы археологов и этнографов А.Х. Маргулана (Маргулан, 1949), К.А. Акишева (Акишев, 2005), Г.Б. Здановича (Зданович, 1980), М.К. Хабдулиной (Хабдулина, 2017), Ж.О. Артыкбаева (2017), М.К. Семби (Семби, 2015) и других. Тем не менее, можно сказать, что нет комплексной, обобщающей работы, позволяющей с точностью определить местоположение историко-культурных объектов, которые были зафиксированы в отчетах и дневниках.

Первая крупномасштабная экспедиция по разведке геологических богатств казахских степей была организована в 1816 г. по заданию генерал-губернатора Западной Сибири и просьбе правления Колывано-Воскресенских заводов. Россия испытывала нужду в свинцовых и медных рудах для развития военной промышленности. Сведения о крупных залежах свинцовых руд близ реки Кара-Тургай (в Улытау) и Кокчетавском округе в местах удобных для транспортировки по Тоболу, Ишиму были получены от экспедиций 1813, 1815 г. С целью проверки и фиксации полученных данных и была организована экспедиция И.П. Шангина. На протяжении всего пути И.П. Шангин вел подробный дневник, где фиксировал все, что привлекало его внимание, записывал названия географических объектов, подробно описывал рельеф местности, собирал историко-этнографические сведения.

Иван Петрович Шангин (1784-1822 гг.) коренной сибиряк, представитель славной династии ученых-естествоиспытателей Шангиных,

получил прекрасное образование в Петербургском горном кадетском корпусе. По окончании его в 1804 г. был прикомандирован в Нерчинский округ, одновременно осваивал в Барнауле плавильное дело. До 1814 г. принимал участие в ботанических и минералогических экспедициях по Кузнецкому Алатау и Западным Саянам. Составил геодезическую карту выходов цветного камня, сделал краткое описание орографии Западных Саян (Бурштейн, 2013, с. 186-187). За 10 лет службы на Алтае он стал первоклассным специалистом, разведчиком недр Восточной Азии.

Экспедиция 1816 г. – первая, прекрасно организованная и оснащенная научными кадрами разведывательная экспедиция в казахские степи. В составе экспедиции были специалисты горного дела, специалисты по поиску рудников, сбору и описанию флоры, фауны, составлению гербариев, лаборанты умеющие делать анализ руд, промывать золото, картографы, чертежники, взрывники, переводчики, даже цирюльник-фельдшер и охрана из 200 казаков. Организацией экспедиции ведал Ф.К. Набоков, майор с 32-летним стажем воинской службы.

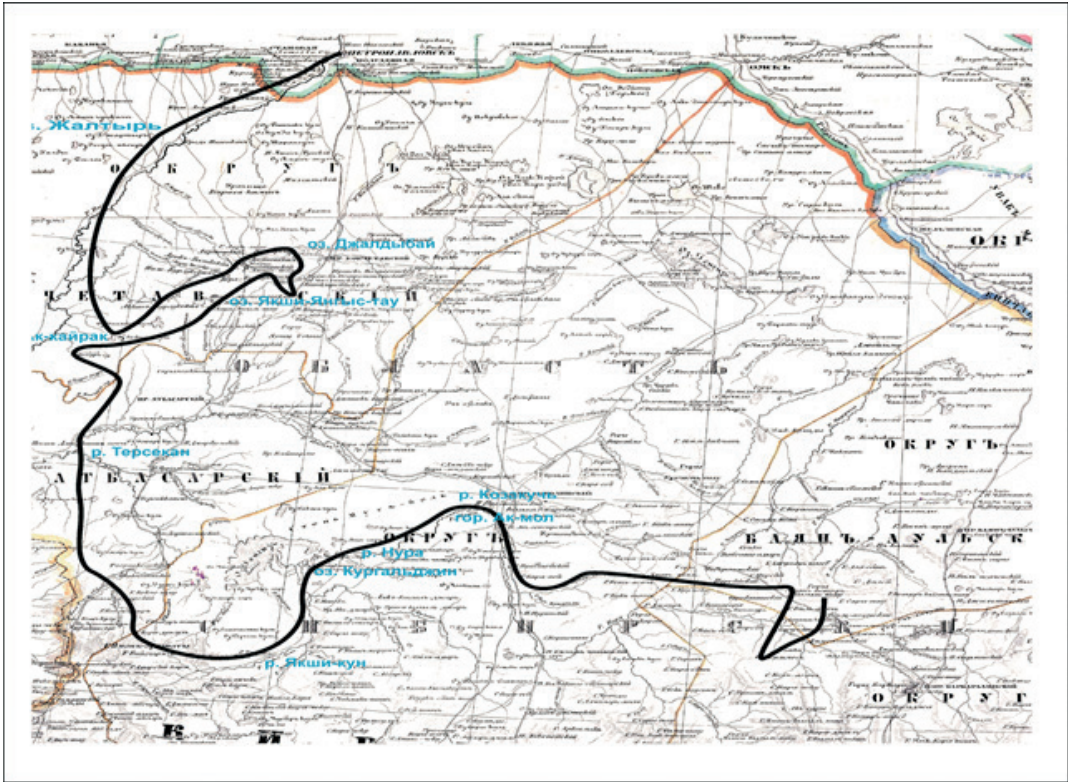

Рис. VII.1 Реконструкция трассы маршрута экспедиции И.П. Шангина 1816 г. на картах XIX в.

Путешествие длилось 5 месяцев: 1 мая - 26 сентября 1816 г. Тремя отрядами экспедиция вышла из трех крепостей Сибирской военной линии: из крепости Святого Петра, Пресновской и Пресногорьковской. Маршрут следования был составлен военными и определен геологическими задачами: поиском и осмотром известных и вновь открытых рудных залежей. Были намечены основные пункты подробного осмотра, поэтому трасса маршрута хоть и имеет меридиональное направление, тем не менее, в ней присутствуют зигзагообразные отрезки, возвращения (Красовский, 1868, с. 314). Это было связано с отсутствием географических карт территории казахских степей и отсутствием надежных астрономических инструментов (рис. VII.1).

По окончании экспедиции в сентябре 1816 г. в кратком рапорте на имя генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа, командира Сибирского военного корпуса, И.П. Шангин пишет об открытии и фиксации 32 «рудников» и «приисков», о выявлении медистых песчаников, руды железа, вольфрамитов, залежей драгоценных камней. По сути, это было открытие огромной рудной провинции между Уралом и Алтаем (Бурштейн, 2013, с. 190), (рис. VII.2). Для нужд военного ведомства были подготовлены материалы для геодезических карт территории казахских степей от Тургая до Иртыша, которые позже были систематизированы и опубликованы (Россия. Географическое описание..., 1913).

Таким образом, геолого-географическая цель экспедиции достиг-

нута. Однако результаты ее выходят далеко за пределы поставленных стратегических задач. Благодаря личности научного руководителя – ученого-натуралиста, военного инженера И.П. Шангина, экспедиция по праву может считаться первой историко-этнографической, археологической экспедицией в степях Казахстана.

Экспедиция 1816 г. вглубь казахских степей длилась 5 месяцев и прошла практически меридионально по западной части «Казахского нагорья» от северной границы, отмеченной в те годы Тоболо-Ишимской линией военных укреплений, до северного Прибалхашья (Извлечение из описания ..., 1820). Отряды пересекли с севера на юг четыре ландшафтные зоны Северного и Центрального Казахстана, включая и пустыню Бетпакдалу. Обратный путь пролегал от гор Кызылтас (северное Прибалхашье) на северо-восток, к Иртышу, к форпосту Коряковскому (современный г. Павлодар). Пройдено было более 3 тысяч километров.

На этом протяжении отмечено большое количество древних объектов, многие из них описаны в дневниках И.П. Шангина, записаны легенды и предания казахов. Важное значение имеет топонимика, этнографические зарисовки хозяйства казахов, художественные этюды о природных красотах края. Все это может быть предметом отдельных анализов.

Мы остановимся на археологических памятниках, отмеченных в «дневных записках» путешествия и ставших объектами современных исследований. Трассу маршрута

можно разбить на несколько отрезков, разграниченных длительными останками и подробным осмотром местности. Состав экспедиции иногда делился на отдельные отряды и следовал своим маршрутом для более полного охвата разведанной территории. Первая встреча трех отрядов произошла через 300 верст на озере Зеренде в районе Кокшетауских гор. Здесь подробную разведку на медь, серебро провели на озерах и горах Имантау, Якши-Янгистау (Жаксы-Жангыстау).

При обследовании озера Якши-Янгистау (совр. Жаксы-Жангыстау) в его западной части был обнаружен небольшой полуостров, на котором

внимание привлек каменный вал. И.П. Шангин фиксирует его размеры: «...около сажени высотой, преграждающий начало сего полуострова и низведенный к воде по ту и другую сторону онога». Участники экспедиции, осмотрев местность, пришли к выводу, что первоначальная высота вала была значительно выше. Детальный осмотр показал, что вал состоял из четырехугольных порфириновых камней, доставленных с восточного берега озера. Шангин И.П., не являясь специалистом в области истории, высказал предположение, что это укрепление мог использовать отряд Бегичева от набегов «киргизцев» (Шангин, 2006, с. 93).

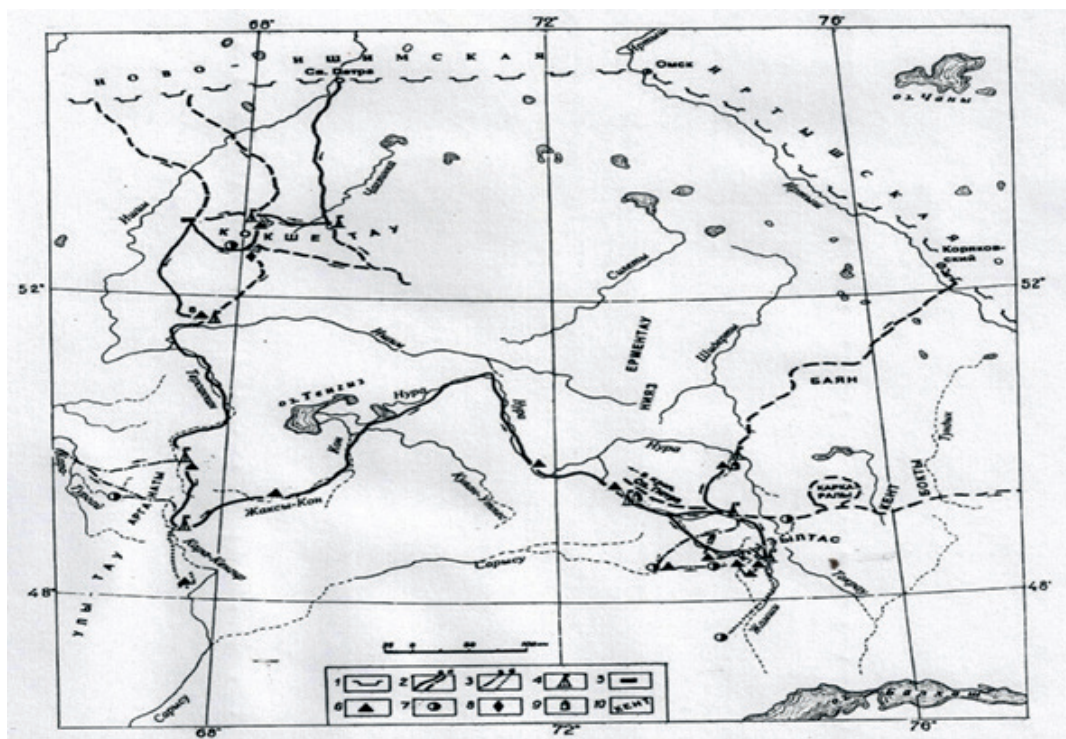

Рис. VII.2 Маршруты экспедиции Ф. Набокова – И.Шангина 1816 г. (по Бурштейн, 2013: 188)

В XX в. данный полуостров, как и берега живописного озера Жаксы-Жангизтау неоднократно были осмотрены археологическими экспедициями. Впервые это было сделано в 1954-1955 гг. Многочисленные курганные могильники, залежи меди, следы древних разработок были нанесены на Археологическую карту Казахстана 1960 г. (лист 10, квадраты В 11-12) (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 81-82). В 1980 г. на полуострове западного берега озера, образованного береговой линией озера и поймой реки Аканбурлук отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции были раскопаны 7 курганов и небольшой участок поселения эпохи бронзы. По вещам могильники датированы ранним железным веком и ранним средневековьем (Зданович, 1980, с. 35-46).

Осмотрев озеро Якши-Янгыстау, экспедиция И. Шангина направилась на юго-запад по речке Ак-Кайрак до впадения ее в Ишим. На левом берегу р. Ак-Кайрак открыт медный прииск. Кроме описания выходов меди и геологического строения скалистых берегов речки, И.П. Шангин упоминает о развалинах полевых укреплений (Шангин, 2006, с.107-108). Он пишет: «На сем расстоянии среди открытой степи проезжали остатки разделившихся стен древних полевых укреплений. Четыре из оных в расстоянии друг от друга с не большим на 100 сажен лежат от севера к югу линией зигзага, пятое расположено позади оных противу самой середины от берега реки в 1000 саженях, шестое в 2,5 верстах к востоку

против одного из крайних укреплений.

Каждое при первом взгляде представляет фигуру несовершенно правильного эллипса. Две противоположные вытянутые полудугой с выдавшимися несколько внешними углами стены концами своими не соединяются, но разделены к западу пространством 25 сажен. К востоку около 60. Западные и восточные концы стен оканчиваются остатками четырехугольных башен. Посреди западных башен в пустом между оными пространстве находилась в каждом укреплении четырехугольной фигуры посредине преградой разделенной несколько большей величины развалившаяся башня» (Шангин, 2006, с.108). И.П. Шангин, опираясь на предания киргизов, предположил, что эти конструкции воздвигнуты калмыками, для защиты от нападения киргиз-кайсаков.

В 1955 г. этот древний объект был зафиксирован целинной экспедицией К.А. Акишева (Археологическая карта Казахстана, 1960, с.83. № 1029). Следующий этап археологического изучения начался после переноса столицы Казахстана из Алматы в Акмолу (Нур-Султан) и в Центральном Казахстане развернулись масштабные работы по поиску древних и средневековых городищ. В поиск были включены объекты, упомянутые в дневных записках 1816 г. экспедиции И.П. Шангина. В 1999 г. древний памятник был заново обследован К.А. Акишевым (Хабдулина, 2017, с. 124). Оказалось, что это не укрепление, а удивительно точно

описанные 5 курганов «с усами». При осмотре 1999 г. часть камней была уже выкорчевана, и комплекс имел уже не столь рельефный вид. Позднее, в 2004 г., отряд Ишимской археологической экспедиции раскопал один из курганов «с усами». В насыпи были найдены фрагменты скелета лошади и фрагменты сосуда (Свиридов, 2004, с. 45-51).

После переправы через Ишим отряд И.П. Шангина 200 верст следовал вверх по течению р. Терсаккан в район гор Улытау. Перевалив реку Кара Кенгир, экспедиция вышла к притоку р. Сарысу и поставила здесь лагерь. Это был главный пункт проверки сведений о древних медных копях и разработках свинцовой руды с содержанием серебра. Указывались топонимы: гора Кургасын, река Кара Тургай. О больших запасах свинца и меди было известно еще с конца XVIII в., со времени путешествия в киргиз-кайсацкую степь Н.П. Рычкова (Рычков, 1772, с. 60). Сопка Кургасын, где в древние времена добывали свинцовую руду, содержащую серебро, получила свое название не случайно. «Қорғасын» с казахского так и переводится – свинец. Здесь И. Шангин по древним копиям и отвалам у реки Жезды составил «петрографический план» месторождений.

Через полтора столетия после экспедиции И.П. Шангина, геолог К.И. Сатпаев в жезказганских степях, осматривая отвалы древних способов добычи и обогащения медной руды, напишет: «по самым скромным подсчетам из джезказганских разносов добыто в древности

не менее 1 млн. тонн медной руды» (Сатпаев, 1941, с. 80).

В дневнике И. Шангина указано об осмотре на правом берегу р. Якшикун (Жаксы Кон) двух древних зданий в «30 верстах одно от другого». «Первое из обожженного кирпича, с четырехугольным основанием и куполом. Второе из необработанных плит известкового камня круглой формы, заканчивающийся полушарием. Каждое имеет отверстие, обращенное к полудню и к северу. Наличие шеста на обоих, обвитых лоскутами и лошадиными волосьями, свидетельствует о почитании данных святилищ» (Шангин, 2006, с. 136). Эти культовые строения являются частью насыщенного древними памятниками Улытауского региона. В 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А.Х. Маргулана установила, что эти реки являлись трассами древних караванных путей и зафиксировала в регионе Улытау огромное количество разнообразных видов древних памятников от каменного века до нового времени. А.Х. Маргулан написал, что Улытау – важный узел караванных дорог, и один из крупных хозяйственно-культурных очагов древнего Дешт-и-Кипчака (Маргулан, 1949, с. 35).

Еще одним объектом исследования И.Шангина на реке Якшикун (Жаксы-Кон) стала пещера, где, по мнению местного населения, обитал «чрезмерной величины змей». Данная пещера вызывала страх у местного населения звуками, издававшимися изнутри. Обследования пещеры показало, что она имеет два

отверстия, которые внутри соединяются, что приводит к появлению свистящих и воющих звуков от задувающего в отверстия ветра (Шангин, 2006, с. 134).

И.П. Шангин записал легенду о хозяине и покровителе этого края змее Айдахаре, которому каждый год пригоняли в дар несколько лошадей. В какой-то момент, змей погубил сына местного бая Кудайберли и лишившись своего хвоста, больше никогда не выходил из пещеры. Свистящий звук из пещеры наводил ужас и страх на местное население. В настоящее время сохранился фрагмент устного предания о пещере и его хозяине Айдахаре (Артыкбаев, 2017). В XX веке перед разрушенным входом в пещеру карагандинскими археологами найдены кремневые отщепы, что позволяет считать, что здесь находился древний рудник эпохи неолита (Кукушкин и др., 2016, с. 30-31).

После разведки в горах Арганаты, описания медистых песчаников Жиланды, древних копей и отвалов на реке Жезды, экспедиция по реке Жаксы Кон повернула на северо-восток к Коргальджинской впадине и в начале августа вышла к низовьям реки Нуры (Извлечение из описания ..., 1820, с. 58). В отличие от выжженной, пустынной зоны Улытау-Жезказгана в бассейне Нуры был корм для лошадей и пресная вода. Следующий значительный отрезок пути экспедиция шла по Нуре. Отряд двигался левым берегом Нуры с «чистой и изобильною подножным кормом степью», мимо многочисленных казахских аулов, «содержащих, по примерному

исчислению, до четырех тысяч кибиток». Вдали на возвышениях темнели несметные табуны лошадей, рогатого скота и баранов» (Шангин, 2006, с. 142).

За двенадцать дней (4-15 августа) путешественники дошли до истоков реки Нуры. И.П. Шангин описывает начало реки Нуры. «Малая Нура бьет ключом из горы и, падая на каменный помост, образует водоем. Оттуда верст на 50 продолжается оврагами, и потом уже, от впадения ключа и речки из горы Кызыл-Тау, начинается ее правильное течение» (Шангин, 2006, с.147).

Близ города Нур-Султана Нура близко подходит к Ишиму. Здесь их разделяет пространство в 40 км. В историко-географическом аспекте пространство между двумя реками закономерно является важным узлом караванных и миграционных трасс. И на самом деле здесь в древности и средние века пересекались караванные тропы Степного Шелкового пути. Об этом свидетельствует концентрация археологических памятников в Нура-Ишимском междуречье. Попутно обследованные здесь «развалины древних городов и молитвенных храмов», в наши дни стали объектом научных исследований.

Остановимся на наиболее ярких из них. Это средневековые культовые мемориалы известные как городище Батагай, мавзолей Жанибек Шалкар и городище Бозок.

Батагай. Один из наиболее популярных средневековых объектов степной части Казахстана. Расположен он в низовьях реки Нуры, в 2

км к востоку от поселка Коргалжын Акмолинской области. Известность памятника обусловлена упоминанием его в многочисленных трудах путешественников, географов, военных XVIII-XIX вв. как «великого города в устье Нуры». Рычков дает следующее описание: «Татагай, развалины великого города в киргиз-кайсацкой Средней орде, на реке Нуре, впадающей в озеро Каргалджин, от устья оной реки верст с тридцать. По признакам был сей город положением верстах на десяти, и еще видны тут четвероугольные палаты, наподобие замка, так велики, что вокруг сажень на триста. Тут же одна мечеть, и весьма много развалившегося каменного строения». (Рычков, 1762, с. 185-186). Поиски этого загадочного города ведутся до сих пор.

И.П. Шангин не первый, кто побывал на Батагае, но оставил свое описание «полуразрушенных палат». Кастанье в своих исследованиях о данном объекте писал: «По признакам был сей город положением в верстах на десяти» (Кастанье, 2007, с. 109). В дневнике И.П. Шангина написано, что в начале августа экспедиция продолжила свой путь вдоль Нуры. У третьего озера, через которое протекала река Нура, внимание экспедиции привлекли развалины древнего городища. «4 августа поутру экспедиция продолжала путь подле двух озер, через которые протекала река Нура и остановилась при втором из них для роздыха; в 3 часа пополудни встречено было третье озеро, имеющее до 10 верст в окружности, и при нем развалины древнего города (Бо-

такая, по замечанию Ф. Набокова), простирающиеся к Нуре» (Шангин, 2006, с. 127).

Вот как описывает развалины древнего сооружения И. Шангин: «Оно построено из кирпича, внутри его находятся столпы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены, имеющие вместо связей четырехугольные сосновые брусья в 2 вершка в поперечнике, для большей прочности обожженные и покрытые камышем. Близь сего храма приметны следы другого подобного, а далее в восточную и западную стороны находится множество развалившихся зданий, из коих некоторых основания составляет до 300 сажень в длину и в совокупности издали представляются известковыми горами» (Шангин, 2006, с. 91).

В 1947 г. Батагай был осмотрен А.Х. Маргуланом и он отметил, что следов города здесь нет, видны развалины погребальных сооружений (Маргулан и др., 1966, с. 29). Центральнo-Казахстанской археологической экспедицией были открыты конструкции мавзолея из жженого кирпича, описаны размеры и виды кирпичей. Севернее мавзолея обнаружена печь для обжига глазурованных кирпичей (Семби, 2015, с. 152). По полученным чертежам специалисты «Казреставрации» в 2012 г. восстановили облик мавзолея. Это портално-купольный мавзолей с нишами по сторонам от входа, углубленного внутрь помещения. Предварительная датировка XV в. (рис. VII.3).

Батагай расположен на главной ветке караванных путей и, вне сомне-

Рис. VII.3 Реконструкция мавзолея Батагай.

Рис. VII.4 Некрополь Батагай (2018 г.). Вид сверху.

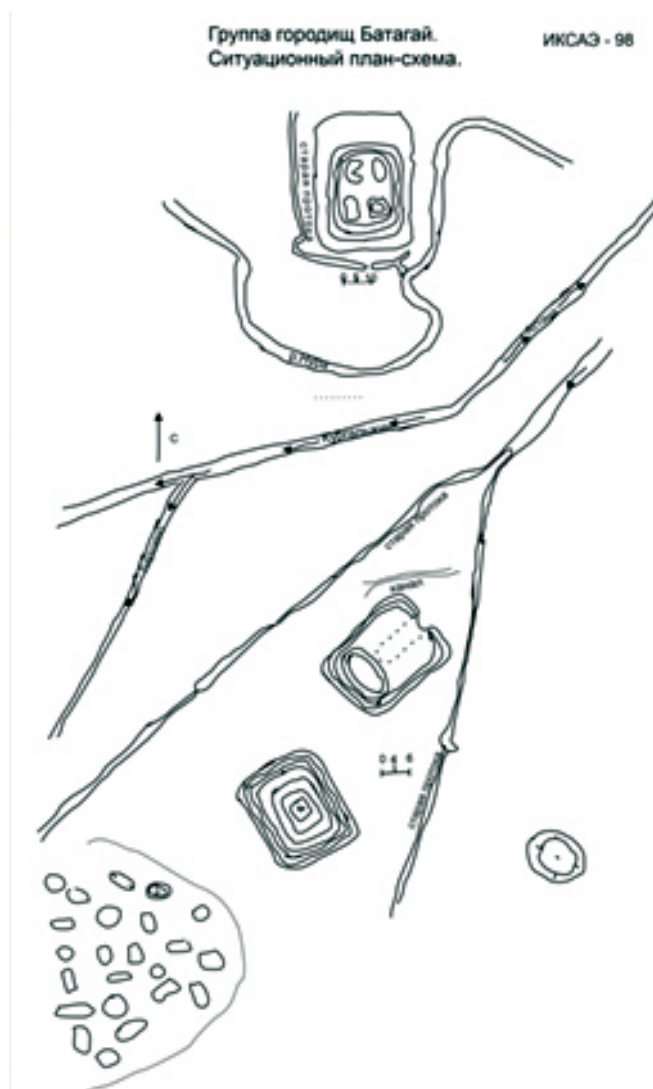

Рис. VII.5. Батагай. План-схема 1998 г. Автор К.А. Акишев.

ния, являлся пунктом остановки караванов, следующих по трассам Степного шелкового пути (Рис. VII.4).

Таким образом, сохраняется загадка функциональной принадлежности памятника. На современной поверхности видны руины древних сооружений, на многих из них проглядыва-

ют жженые кирпичи (Глеугабулов, 2019, с. 128) (рис. VII. 4).

В 1998 г. археологический памятник осмотрел К.А. Акишев. По его мнению, развалы десятков прямоугольных и округлых строений – это городское предместье (Акишев, 2008, с. 23) (рис. VII. 5).

Мавзолей Жанибек Шалкар. Возможно этот объект, упомянут в дневных записках И. Шангина следующим абзацем. 6 августа экспедиция продолжала путь мимо «продолжающихся беспрерывно развалин древнего города. Проводник Биймурза принес командиру отряда майору Набокову кирпич, покрытый зеленой муравой, который взял он из развалин некоторого храма. К сожалению, отряду предстоял длинный путь к подземным кладовым, и у него не было возможности уделить должное внимание развалинам, которые хранили в себе неизвестные страницы прошлого этого края» (Шангин, 2006, с. 130).

Мавзолей Жанибек расположен на высоком коренном берегу озера Жанибек Шалкар, в 20 км восточнее села Коргалжын. Озеро является природной котловиной, образованной в русле реки Нуры. На распаханной поверхности береговой сопки, объект фиксировался как невысокий холм, покрытый значительным количеством фрагментов жженого кирпича, а также осколков глазурованной плитки со штампованным орнаментом. Данный объект был исследован отрядом НИИ археологии им. К.А. Акишева в 2009-2010 гг. (Хабдулина и др., 2011, с. 47). В результате раскопок было открыто основание и фрагменты стен двухкамерного портално-купольного мавзолея.

Археолого-архитектурные параллели и полихромный декор позволили отнести мавзолей к типу элитных мемориалов XIV-XV вв. и идентифицировать его как мавзолей Жанибек-султана - основателя Казахского

ханства. (Хабдулина, Бонора, 2015, с. 102). Таким образом, недалеко от Батагая на левом берегу Нуры обнаружен еще один культовый мемориал XIV-XV вв. Мавзолей Жанибек-Шалкар вошел в сводку золотоордынских мавзолеев, сделанных Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2014, с. 144).

Двигаясь вверх по Нуру отряд И.П. Шангина вышел к месту, где река Нура наиболее близко подходит к реке Ишим. Здесь их разделяет пространство в 40 км, пронизанное несколькими степными речками. Самой крупной является речка Козыкош. В дневнике упоминается, что эта речка «Кузукуч», «соединяющая Ишим с Нурую», была осмотрена вместе с Набоковым и в сопровождении 12 казаков. «Сия речка течет в Нуру только весной, а осенью пересыхает и вода остается в одних глубоких оврагах». Осмотрев берега речки Кузукуч, вышли к сопке Акмола (Тай-тюбе). Интерес вызывает следующая запись: «... в 25 верстах от роздыха, на протоке реки Нуры остановились, имея ввиду гору Акмолу, получившую сие название от имеющихся на ней киргизских кладбищ со стоящими выбеленными известью надгробными памятниками» (Шангин, 2006, с. 94). Это одно из первых упоминаний о местности, которое было положено в основу названия крепости Акмолинской. Последующие исследователи неоднократно будут ссылаться на записи Шангина, как первого исследователя, обнаружившего сопку Акмола и наметившего место будущей крепости.

В 1830 г. по генеральным картам, составленным экспедицией

И.П. Шангина, на правом берегу р. Ишим, у брода Караоткель был построен казачий форпост Акмолинский (ныне г. Нур-Султан). Брод Кара-Уткуль (Караоткель) позже будет упоминаться в работе Ю. Шмидта (Шмидт, 1894, с.103). Местность, намеченная под военную крепость, как оптимальная с геостратегических позиций, получила подтверждение в существовании здесь средневекового городища Бозок VIII-XV вв. Городище Бозок имеет фортификационные укрепления, находится в левой пойменной долине р. Ишим, в настоящее время оказался в черте города Нур-Султан. Возведение крепостных сооружений относится к (VII) – VIII вв., т.е. к древнетюркской эпохе (Хабдулина, Орлова, 2010, с.162).

В данном случае можно провести историческую параллель. Российские военные, осваивая новые территории, строили в стратегически важных местах форпосты для дальнейшего продвижения в неизвестные края. Аналогичная ситуация была и у древних тюркоязычных племен. Осваивая неизвестные степные просторы, они также закреплялись в местах оптимальных с военных и экономических позиций.

Городище Бозок было открыто в 1998 г. К.А. Акишевым. Раскопки его продолжались в течение 1999-2015 гг. Общая площадь памятника, включая и ирригационные сооружения около 40 га. Изучена архитектура и конструкция оборонительных сооружений, жилые и погребальные конструкции, открыты две кирпичеобжигательные

печи, раскопаны фундаменты мавзолеев из жженого кирпича, раскопано 72 погребения XIII-XIV (XV) вв. Археологическими и естественнонаучными методами памятник датирован VIII-XV вв. (Хабдулина, 2016, с. 233).

Городище Бозок выполняло функцию ставки, резиденции и культового центра древних тюрков. Выбор места определен местонахождением на кратчайшем расстоянии между двумя речными системами: Нурой и Ишимом и возможностью контроля караванной торговли. С глубокой древности верховья Ишима пересекали широтные и меридиональные торговые трассы Степного Шелкового пути. Здесь фиксируется пучок транзитных караванных путей, здесь проходят кратчайшие пути миграционных потоков.

Последняя длительная остановка экспедиции И.П. Шангина была в предгорье Кызылтау. Приближалась осень, ночи стали прохладные. Лошади в обозе изнемогали. Для ускорения дела и осмотра как можно больше территории, экспедиция разбилась на три отряда и обследовала горы Кызылтау, Бугулы. Один отряд по реке Жамши спустился до Северного Прибалхашья. Инженеры не успевали «сочинять чертежи приисков» и составлять карту путей. «Поистине богата рудопроявлениями меди, свинца и серебра эта земля! - удивлялись Шангин и Набоков. – Где ни копни, везде руда, везде кладовые» (Извлечение из описания ..., 1820, с.128). Несмотря на трудности, с которыми столкнулась экспедиция, Иван Шангин был удовлетворен результатами в

части поиска и обследования месторождений медных и свинцовых руд.

С началом осени экспедиция подошла к концу. 7 сентября 1816 года выстрелы из орудия ознаменовали окончание экспедиции и отряды отправились в обратный поход. Отряд под командованием господина Набокова к крепости Петропавловской, второй отряд к форпосту Коряковскому, а третий к форпосту Семиярскому.

Анализируя результаты изучения материалов экспедиции И.Шангина, можно сделать вывод, что экспедиция 1816 г. является первым крупным научным предприятием по выявлению рудных богатств казахских степей. Результат экспедиции – топографические и петрографические карты, детальные планы, «Дневные записки», коллекции пород и руд, гербарии. Открытие множества месторождений, составление первых гидро - и орографических карт степных просторов Казахстана, первые пейзажные зарисовки Сарыарки. Главная геолого-географическая цель экспедиции достигнута.

Одновременно с открытием крупной рудной провинция между Уралом и Алтаем, эта экспедиция по праву является первой историко-этно-

графической, археологической экспедицией в казахские степи. Главную роль в этом сыграла личность научного руководителя И.П. Шангина высокообразованного, вдумчивого исследователя, яркого представителя зарождающейся научной школы российского востоковедения.

Попутно обследованные руины древних памятников показали глубинную исторического прошлого Казахстана, размах и значимость событий уходящих в глубь забытых столетий.

Дневные записки путешествия дали импульс в организации современных поисковых работ. Многие из них вошли в число сакральных объектов Республики Казахстан. В настоящее время по программе «Культурное наследие» ведется активная работа по реконструкции исторических объектов, описанных в дневниковых записях бергшворена Ивана Шангина. В марте 2018 года вышло Постановление Правительства Казахстана о создании на месте знаменитого средневекового городища Бозок Национального парка «Историко-культурный музей-заповедник Бозок». Так претворяется в жизнь вклад Ивана Шангина в изучение древностей казахских степей.

ГЛАВА VIII. НАТУРНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТОВЫХ МЕМОРИАЛОВ ПЕРИОДА КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

Т.В. Кошман, А.Т. Дукомбайев

Мусульманский некрополь Караоткель

Материалы некрополей являются уникальным источником по изучению материальной культуры, погребальной обрядности и сакрализации ландшафта. Некрополь это своего рода знаковая система культуры, содержащая в себе мировоззренческие наиболее значимые элементы мировосприятия. Моделирование пространства погребения и создание ритуальных конструкций основано на культурной традиции мироустройства. Долгое время изучение некрополей не представляло особого научного интереса, пока не встал вопрос об изучении механизма сохранения исторической памяти. Сложность изучения кладбищ сегодня состоит в том, что необходимы базовые принципы исследования комплексных исторических некрополей последних двух столетий. Кладбище представляет собой цельный и единый памятник, требующий глубокого анализа источников различного вида, от архивных материалов до устной истории. Некрополь это в первую очередь участок с определенными границами, это могут быть ограждение, ров, канава, вал. На его поверхности могут быть расположены

остатки памятных знаков, надмогильных сооружений, дорожки, тропинки и т.д. Нередко надмогильные сооружения разрушаются и на месте фиксируются лишь каменные основания. Не всегда сохраняется маркировка надгробий, позволяющая определить время захоронения и идентификацию погребенного. Тем не менее, научное изучение и реконструкция исторических некрополей восстанавливает объективную историю данной территории и служит воссозданию культового объекта, формирующего сакральное место вербальных практик.

На территории города Нур-Султан расположен ряд действующих и закрытых кладбищ. Надлом культурных традиций XX века привел к разрушению ряда из них в результате расширения городских территорий застройки. В то же время, некоторые некрополи смогли остаться внутри городских кварталов, благодаря иеротопизации пространства на индивидуальном или групповом уровне, как некрополь Караоткель.

В 2017 году в число общенациональных сакральных объектов и комплексов Казахстана, которые подлежат сохранению и популяризации в рамках программы «Рухани жангы-

ру» вошел исторический памятник столичного региона мусульманский некрополь «Караоткель» (Қараөткел мұсылман зираты) (Сакральные объекты Казахстана..., 2017, с. 381).

Сакральный объект представляет собой обширный мемориальный комплекс общей площадью 17 125 кв. м. Он располагается на правом берегу р. Есиль, на территории района «Байконур» г. Нур-Султан. Территория кладбища ограничена по периметру улицами Асан Кайгы, Жанибек Тархана, Александра Кравцова и микро-районом Целинный. Зират относится к числу самых известных мест погребения в городе. Общие размеры прямоугольного в плане кладбища 125 на 137 м, сакральная площадка вытянута с востока на запад. Погребения обозначены небольшими холмиками и надгробными стелами – кулпытасами. Границы охранной зоны и зоны регулирования застройки утверждены решением городского маслихата города Астаны от 26 ноября 2010 года № 404/53-IV «Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки памятников истории и культуры города Астаны» (Об утверждении границ... URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10A0000658> (дата обращения: 24.07.2020))

Мусульманское кладбище «Караоткель» существовало с 1609 по 1962 годы. Начальная дата основывается по могильному камню, сохранившему дату 1609 год. Официально городскими властями кладбище было закрыто в 1962 году.

Статус основного действующего мусульманского некрополя позволил

ему избежать участи некоторых исчезнувших с территории современного города кладбищ (еврейского, православного). В постсоветский период его мемориальная и сакральная значимость лишь усилились. Это своего рода национальный мусульманский пантеон, требующий внимательного изучения. Придание некрополю статуса охраняемого историко-культурного объекта связано с плотностью планировочной насыщенности захоронениями, разнообразием форм кулпытасов, многообразием стилей, структур надгробных эпитафий и трудностями прочтения поминальных текстов, написанных арабской графикой, чагатайским языком, кириллицей. Даты жизни и смерти усопших указаны по хиджре, григорианскому календарю и христианскому летоисчислению. В структуре эпитафий кроме имени часто присутствуют родовая принадлежность и род занятий, титул (мулла, батыр, лекарь, купец). Надгробия имеют разнообразные формы, украшены геометрическими, растительными, космогоническими (солнце, луна, звезды) орнаментами. Есть отличия в художественном оформлении женских, мужских и детских кулпытасов.

Основной задачей исследования является обзор имеющихся сведений о кладбище. Используются два подхода: кабинетный и полевой. В кабинетной деятельности осуществлена систематизация разнообразных материалов: научные и популярные публикации, архивные сведения, картографические источники. В полевой работе: натурные обследования, замеры, описание,

составление схемы кладбища с выделением определенных хронологических и этнокультурных зон, подсчет надгробий, фото и видео фиксация, интервью. Эти задачи выполнены методом осмотра, архитектурного моделирования, сравнительного историко-этнологического анализа, картографическим и географическим методами с использованием космоснимков, Google – карт, старинных топографических карт.

Зират Караоткель в исторической топографии города. Предположительно в XVIII веке кладбище уже являлось основным мусульманским некрополем, расположенным на правом берегу реки Ишим. Небольшой экскурс в историю позволил нам определить место расположения кладбища относительно историче-

ской застройки города. Путем наложения «Схемы генерального плана Акмолинска 1881 года» на современную карту получаем изображение, которое показывает, что данное кладбище было определено на указанной схеме и располагалось на территории станицы, в 1,66 км к востоку от крепости (рис.VIII.1).

Функционирование кладбища в начале XX в. зафиксировано в работе С.С. Ганешина 1914 г. «Ботанико-географический очерк средней части Акмолинской области». В ней он привел некоторые данные о кладбище. Экспедиция, в ходе сбора различного вида растений, побывала на кладбище: «... 22 мая нами был обследован находящийся на окраине города степной участок татарского (киргизского) кладбища» (Ганешин, 1917, с. 10).

Рис.VIII.1 Мусульманское кладбище на «Схеме генерального плана Акмолинска 1881 г.».

В архиве Акмолинской области нами обнаружена карта города Акмолинска по состоянию на 1 января 1949 года (рис.VIII.2). Изучение карты, позволяет говорить о том, что до середины XX века, кладбище находилось на возвышенной части западной окраины города, и не имело вблизи жилых построек. По этой карте некрополь «Караоткель» имеет четкие территориальные границы. Уже в 1983 г., судя по «Туристской схеме города Целинограда», город расширил свои границы, и кладбище оказалось внутри города (рис.VIII.3).

Как известно, кладбища располагаются на периферии городских территорий в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями, религиозными предписаниями, а также борьбой с возникающими эпидемиями. Первоначально территория кладбища имела ограничительный вал и ров, которые и сегодня фиксируются на современной поверхности. В 40-е годы XX века территория была расширена, позже огорожена железным забором.

В 2012 году частично разрушившийся забор был демонтирован ме-

Рис.VIII.2 Фрагмент «Карта г. Акмолинска по состоянию на 1 января 1949 года».

ценатом М. Гучериевым и заменен новым из современных строительных материалов. Это было сделано в память о своих предках, депортированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны. Со слов сторожков, на территории кладбища покоятся мусульмане из числа депортированных народов Кавказа.

Краткая история исследования некрополя Караоткель. Впервые объект был исследован в 2012 году ТОО «Археологическая экспертиза». Комплекс научно-исследовательских работ включал в себя картографиро-

вание, фотографирование, изучение эпитафий, проведение этносоциологического опроса. В ходе проведенных исследований выяснилось, что надгробные плиты ранее середины XIX века на кладбище не сохранились. О наличии более ранних погребений косвенно может свидетельствовать большое количество надмогильных всхолмлений без надгробных плит. В 2013 году известный казахстанский археолог К.М. Байпаков высказал предположение, что кладбище многослойное и формировалось на протяжении многих

Рис. VIII.3 Фрагмент «Туристская схема г. Целиноград» (1983).

столетий. По его мнению, кладбище намного древнее, чем считалось ранее, и до возникновения традиций возведения надгробных стел, казахи производили захоронения, которые не сопровождалось кулпытасами (Мусульманское кладбище в центре Астаны скрывает порядка 10 000 захоронений // <http://today.kz/> (дата обращения: 24.07.2020)).

Сотрудники Института современных исследований ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, при изучении эпитафий могильных плит, сделали предположение, что именно здесь захоронены погибшие на поле битвы двести сарбазов из отряда батыра Басыгары (Сакральные объекты Казахстана..., 2017, с. 382). Обнаруженная ими надгробная плита имеет надпись, выполненную арабской вязью, которую прочитать полностью невозможно, так как с годами часть надгробной плиты ушла в землю (рис.VIII.4.).

По мнению М. Сыдыкназарова, сделанный им вольный перевод гласит, что плита установлена в 1838 году, в месяц раджаб, в дни священного трехдневного поста. Сделал это некий Сармырза на средства Кайыроллы Саржан улы. Далее сообщается, что в могиле покоятся 50 жасаулов и 200 знатных военачальников, которые еще совсем молодыми ушли по воле Всевышнего в мир иной, приняв смерть на войне против врагов (В Астане обнаружено захоронение батыров Кенесары // URL: <https://azan.kz/kz/ahbar/read/foto-v-astane-obnaruzheno-zahoronenie-batyirov-kenesaryi-4713> (дата обращения: 30.07.2020)).

Работы по прочтению эпитафии продолжают. Ряд фотографий могильных плит опубликованы в книге М.С. Абсеметова «Астана – город с тысячелетней историей» (Абсеметов, 2009, с. 142). В газетных публикациях указано, что на данном кладбище похоронены жертвы массового голода 20-30-х годов, а также представители разных национальностей (Каженова Г. Сын земли нашей // URL: http://akmolinka.apgazeta.kz/n023_12_02/culture.htm (дата обращения: 30.07.2020)).

Обзор современных знаний о некрополе «Караоткель». Изучение надгробных памятников должно носить комплексный характер (Компанец,

Рис.VIII.4 Надгробная плита захоронения сарбазов К.Касымова (1837-1947)

1990, с. 44). Задачи, которые сегодня стоят перед исследователями данного объекта - это установить хронологическую топографию захоронений: выявить участки ранних погребений; по датам надгробных стел определить годы максимального использования территории зирата.

В результате проведенных ранее исследований микрорельефа территории было зафиксировано более 10 000 захоронений. 2 169 из них имеют надгробные плиты. Основным материалом для изготовления послужил камень, металл, частично бетон и дерево. Есть часть плит, выполненных в советское время из железа в форме усеченной пирамиды. Сохранность

надгробных плит различная. Наибольшему разрушению подвергнуты плиты из бетона.

Самый многочисленный тип памятников – каменные кулпытасы, представляющие собой плиты высотой от 40 до 1,5 м. Они отличаются разнообразием форм: стелы с округло выделенным навершием, надгробные плиты с полукруглым навершием. Основная часть могильных надгробий лицевой поверхностью обращена в сторону Мекки, т.е. на юго-запад.

Практически все сохранившиеся плиты имеют надписи, изображения, эпитафику либо тамгу, как знак родовой принадлежности, выполненные техникой плоскорельефной резьбы.

Рис. VIII.5 Кладбище Караоткель. Надгробные плиты.

Эпитафии на надгробиях написаны на арабском, чагатайском, татарском языках. Надписи по содержанию лаконичные, ограничиваются строками из Корана, общей информацией об умершем человеке и датой его смерти. Многие из этих надгробных эпитафических памятников частично разрушены временем, что затрудняет их прочтение. На некоторых могильных плитах, установленных над женскими погребениями, изображены цветы с числом бутонов в соответствии с количеством рожденных детей. Кулпытасы на могилах мужчин имеют изображение звезды и полумесяца.

По технике исполнения памятники достаточно однообразны, но имеют свои особенности в технике изготовления, размерах, нанесении текстов и обустройства, от примитивной грубой работы местных мастеров до мра-

морных надгробий, изготовленных и установленных в последние годы. Имеются отдельные могилы, огороженные железной оградкой. Углы железных ограждений увенчаны навершиями в виде полумесяца, шаров, звезд и копий. Среди восстановленных надгробий встречаются могильные памятники с фотографиями.

Анализ надгробных плит и старинные карты позволяют сделать вывод, что наиболее ранняя часть захоронений находится в южной части современной территории. Здесь же обнаружен могильный камень сарбазам Кенесары. В юго-западной части были зафиксированы погребения принадлежавшие ингушам, датированные 40-50 гг. XX века (период депортации и функционирования кладбища). Южная часть расположена за рвом, который хорошо просматрива-

Рис. VIII.6 Кладбище Караоткель. Фрагменты надгробных сооружений.

ется на местности. Данная часть заполнена не полностью, по имеющимся датам на могильных плитах, можно предположить, что использовалась она с конца 50-х годов и до официального закрытия кладбища. На основе Google – карты нами выполнен схематический план с указанием районов освоения кладбища (рис. VIII.7).

Из общей массы могильных плит выделяются те, которые были установлены после официального закрытия кладбища. В северо-западном углу некрополя могильные всхолмления не видны. Единственная

здесь могильная плита установлена С. Садвакасову. Смагул Садвакасов государственный и общественный деятель, уроженец Акмолинской области, умер в 1933 году и был похоронен в Москве. Прах С. Садвакасова, по инициативе родственников и представителей научной казахстанской интеллигенции, доставлен из Москвы в январе 2011 года и перезахоронен на кладбище Караоткель (Абенова Г. Прах С. Садвакасова спустя 77 лет доставлен в Казахстан //https://rus.azattyq.org/a/smagul_sadvakasov_kazakhstan_moscow/2282541.html

Рис. VIII.7 Планировка некрополя. 1- наиболее ранние захоронения; плита сербазам Кенесары. 2- захоронения ингушей; 3 – поздняя часть, памятная плита С. Садвакасову; 4 – захоронения второй половины 50- начала 60 гг.

(дата обращения: 24.07.2020). Это дань памяти человеку, сумевшему за короткий период жизни, оставить свой след в казахстанской истории. Современный памятник выполнен из мрамора с сохранением мусульманской символики в виде треугольного навершия с изображением полумесяца и надписи арабской каллиграфией. Присутствует фотография и мемориальная табличка информативного характера (рис. VIII.8).

Зафиксирована еще одна могильная плита, установленная на месте разрушившегося надгробия. Это памятник доктору Жаикбаеву Данду Рахимжанулы (1903-1956). Интернет источник дает следующую информацию о нем. Уроженец Акмолинского уезда, учился в мединституте Омска. В 1943 году был призван на

фронт, служил в санитарно-эпидемиологическом батальоне в звании старшего лейтенанта медицинской службы. После демобилизации работал врачом – терапевтом железнодорожной больницы. Имел боевые награды Орден Красной звезды, Орден Отечественной войны II степени (Дорога памяти. Жайкбаев Данду Рахимжанович. <https://1418museum.ru/heroes/33581547/> (дата обращения: 24.07.2020). Данное надгробие является попыткой совместить традиционные правила исламской погребальной практики (полумесяц, слова из суры) и память о социальном статусе человека, фронтовика, врача (эмблема медицины, боевая награда) (рис. VIII.9).

Надгробие с фотографией, соседствующее с традиционными могиль-

Рис.VIII.8 Кладбище Караоткель.Памятная плита С. Садвокасову.

ными памятниками, свидетельствует о трансформации мировоззрения и погребальных практик.

Подобный тип памятников не относится к числу распространенных, однако демонстрирует индивидуализацию при установке надгробий и желание родственников сохранить память через презентацию личных данных и сферы его деятельности. В настоящее время в ряде случаев на памятниках мусульманских кладбищ присутствуют фотографии, что было не характерно до середины прошлого века. Как показывают наши полевые наблюдения на некрополе «Караоткель», современная культура, идеология трансформируют многие стороны духовной жизни общества. Следствием этого является внедрение новшеств в оформление захоронений

особенно активно со второй половины XX века.

Значимость мусульманского зирата Караоткель для казахстанской истории и культуры, его роль в сохранении национальной памяти сегодня велика. Объект несет в себе историко-архитектурную, научную, мемориальную ценность и занимает особое место в истории и культуре как отдельно взятого города, региона, так и в целом государства.

Рассмотренные нами тенденции развития территории мусульманского некрополя и анализ могильных плит демонстрируют разнообразный и разновременный характер погребений и установки могильных памятников. С одной стороны, наблюдается тенденция к сохранению исламских канонов, с другой, наблюдается постепенный

Рис. VIII.9 Кладбище Караоткель. Памятная плита Д. Жаикбаеву.

отход от традиционных мусульманских практик в оформлении памятных плит. Изменение погребальных религиозных практик внедряется внесением новшеств в ранее установленные могильные плиты.

Необходимо констатировать, что это уязвимая часть культуры, которая уходит со временем и восстановить ее, в большинстве своем, нет возможности. Стоит задача продолжения научной работы с целью выявления могил исторических личностей и известных людей, а также изучения мусульманской эпиграфики каменных надгробий, принадлежащих представителям известных фамилий купеческого Акмолинска. Культурологический анализ такого рода памятников дает исторический материал по истории Казахского ханства, представителей правящей верхушки, а так же сведения о социальной структуре казахского общества.

Сакральные объекты средневекового ландшафта Верхнего Приишмия

Ландшафт в археологических исследованиях это, прежде всего, процесс формирования исторической памяти места и образа территории. Проходит время, меняются ценности и условия жизни, но ландшафт продолжает хранить в себе код, знаки, символы прошлых исторических событий. Ландшафт всегда имеет пространственно-временные координаты. Через свои объекты он отражает время проживания на данной территории различных групп населения, масштабы освоения данной

территории и уровень культурных достижений каждого хронологического периода. С а к р а л ь н ы й ландшафт символически через материальные остатки природных и культовых объектов содержит сведения о социальных отношениях, земельных спорах, длительности проживания отдельных коллективов в этом географическом локусе и их отношения к данной территории. Сакральный ландшафт – это понятие, которое имеет огромное смысловое содержание и в плане сохранения этнической идентичности, передачи генетической информации, социального конструирования идентичности через выражение вечных ценностей.

Позднесредневековая эпоха XV-XIX в имеет важное значение для истории казахской степи. Это период бурных перемен, связанных с политическими и социальными событиями. Но основным вопросом на протяжении всего этого времени оставался земельный вопрос. Решение этого вопроса является основной причиной ликвидации ханской власти, восстания хана Кенесары, процесса колонизации и создания переселенческого земельного фонда и т.д.

Сведения о сакральности территории могут быть реконструированы на основе природных особенностей местности, этнографических данных, а так же археологических результатах исследований. Земля, память о предках, зираты и отдельные могилы, и мазары, места зимовок и пути перекочевков – все это заложено в сакрализации ландшафта используемой территории.

Была предпринята попытка осмысления сакральности культурного ландшафта через сложные многоплановые процессы адаптации населения к рассматриваемой среде.

Природные условия Верхнего Приишимья по географическим и историческим (этнографическим) сведениям представляют собой равнинный комплекс, расчлененный сетью рек и протоков, относящихся к бассейну рек Ишим и Нура. В геологическом отношении район представляет собой большую впадину с множеством пресных и соленых озер. Почвы солонцовые и растительность зависит от атмосферных осадков.

Уже в конце XVIII века колониальные власти интересовали новые территории, требующие освоения. Созданный «Атлас Российской империи 1793 года» содержал картографический материал с достаточно точным обозначением водных ресурсов, горных массивов и равнинных территорий (рис.VIII.10). Природные объекты в районе рек Ишима-Нурина бассейна образовали целый комплекс пойменных лугов с богатым растительным покровом. Известные нам источники говорят о том, что ландшафт Верхнего Приишимья достаточно активно испытывал хозяйственное освоение местным населением, ведущим кочевое скотоводство.

Подтверждение этому находим в «Обзоре Акмолинской области за 1898 год»: «Площадь треугольника, образуемого течениями рек Нуры и Ишима и границей Каркаралинского уезда (около 40 000 кв.в.) быва-

ет покрыта стадами овец, табунами лошадей и караванами верблюдов с вьюками сырых животных продуктов, поступающих из Семиреченской области и южных волостей Акмолинского уезда» (Обзор Акмолинской области, 1898, с.49).

Через лог Козукоч пролегла Улутаво-Акмолинская дорога, связывающая Акмолу с Улутавом, по которой гнали скот и везли хлеб (Красовский, 1868, с. 246). Данный караванный путь играл огромное значение для торговых отношений, связывая Акмолинск с Каркаралинском и соседними территориями в период торговых ярмарок и меновой торговли. Прогон скота требовал водных источников с пресной водой, и река Козыкоч обеспечивала эту потребность в полном объеме.

Таким образом, можно утверждать, что территория, являющаяся основой пастбищно-кочевой системы и сама природно-географическая территория междуречья, несли в себе сакрализацию историко-культурного ландшафта через использование ее в процессе освоения и хозяйственной деятельности. Право на владение определенной землей, основывалось на традиционном праве к территории, на которой находится зимнее жилище и похоронены предки.

В то же время, в процессе колонизации и изъятия казахских земель, важно было учитывать вопросы землепользования коренного населения.

Создание военного Акмолинского укрепления и определение территории казахских земель, должны были учитывать сложившуюся систему

кочевания. Как видно на «Карте заселяемой части Сибири. Акмолинская область» 1905 года, западная граница проходила по течению реки Козыкош (рис.VIII.11). Акмолинские чиновники осознали статус земель по берегам Козыкош для казахских кочевий и ограничивали территории изъятия земель для нужд казачьего войска.

Несмотря на то, что как уже говорилось выше, протока эта летом пересыхала и не представляла сложностей для переправы, степная администрация не решилась распространить свое влияние и занять территории левого берега Козыкош. А так же территории прилегающие к озеру Майбалык.

Практически до 1914 года территории левого берега реки Козыкош и к западу от нее между реками Ишим и Нура не входили в планы создания переселенческих участков для крестьян переселенцев и участков, предназначенных к продаже. Наглядно это можно проследить по данным «Маршрутной карты Акмолинской области» за 1914 год (рис. VIII.12). Активизация переселенческой политики и создание Переселенческого земельного фонда, по-прежнему сохраняла статус казахских зимовок на реке Козыкош.

Как заметил в своих записках П.А. Словцов: «Киргизские зимовки

Рис.VIII.10 Карта Киргиз-Кайсацкой степи, 1792 г.
из «Атласа Российской империи 1793 года».

чаще всего располагаются одиночно, рядами или группами. При выборе зимовок принимается в соображение небольшие речки и пресные озера, густой лес, защищающий скот и население от зимних буранов, сопочник и тучная растительность в окрестностях, обещающая хорошие сенокосы и т.п.» (Словцов, 1881, с. 13).

Культовые места средневекового времени Верхнего Приишимья довольно сложны для идентификации в виду слабой сохранности и маловыразительности материальных остатков. Это относится в первую очередь к территориям вдоль течения реки Ишим, входящих в черту города.

Этнографические сведения о рассматриваемой территории содержатся в работах чиновников и исследователей края.

Интересные сведения собраны экспедицией под руководством И.П. Шангина в 1816 году. По данным дневниковых записей, территории по левому берегу Нуры заняты казахскими зимовками, встречается большое количество аулов, по примерному «исчислению до 4 000 кибиток, несомненное число лошадей, рогатого скота и баранов» (Шангин, 1820, с. 91). Продолжая свой путь, перейдя на правую сторону Нуры и двигаясь к реке Козакучь (Козыкош), участни-

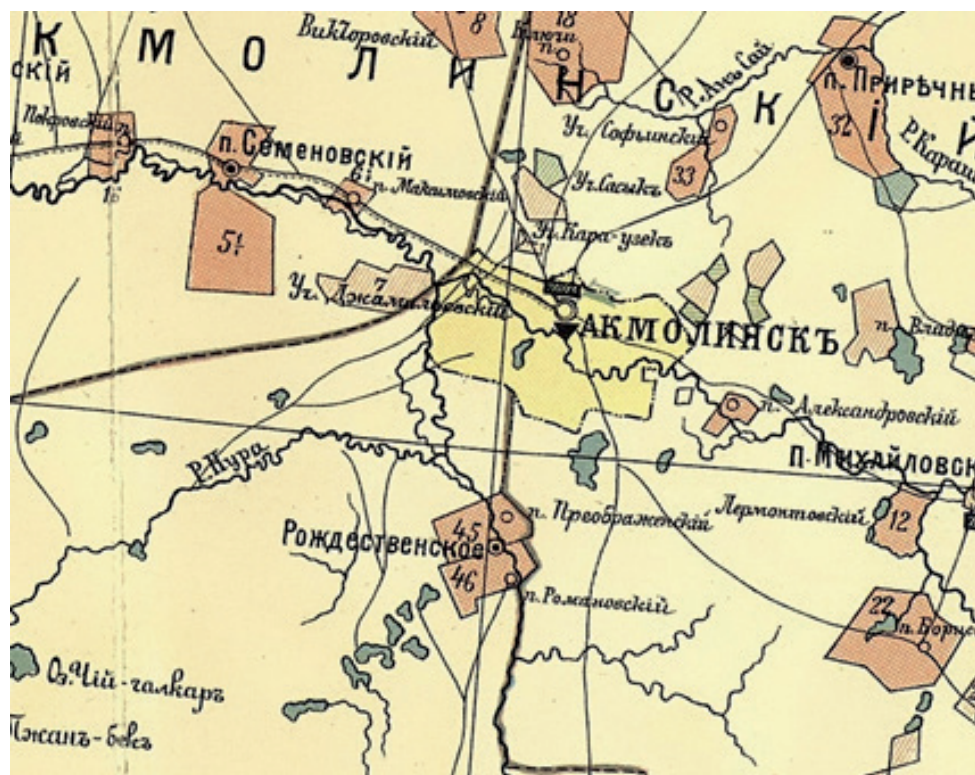

Рис. VIII. 11 Фрагмент «Карты заселяемой части Сибири. Акмолинская область». 1905 г.

ки экспедиции шли богатой кормом степь и встречали «развалины древнего города и молитвенных храмов». Следуя вверх по Нуре, экспедиция остановилась «для роздыха, при протоке Нуры у горы Ак-мола, получившую сие название от имеющихся на ней киргизских кладбищ со стоящими выбелеными известью надгробными памятниками» (Шангин, 1820, с. 91).

Приведенные сведения позволяют говорить о том, что И.П. Шангин одним из первых зафиксировал территории существования городских развалин и святилищ, а так же некоторых природных объектов. 8 августа 1815 г И.П. Шангин осмотрел речку Козакучь, срединяющей Ишим с Нурой. Последующие исследователи не раз использовали данные И.П. Шангина в своих работах. А.И.Левшин, опираясь на путевые заметки Шангина пишет: «Нура, впадающая в озеро Кургальджин с восточной стороны, по словам г. Шангина, имеет течение довольно

быстрое. Ее составляют реки Малая Нура и Ессель-Нура. В нее текут несколько небольших речек. Протока Кузукоч весною соединяет ее с Ишимом, а летом пересыхает» (Левшин, 1832, с. 69).

В материалах Красовского Н.И. также содержатся сведения о речных руслах рек: «Отсюда Нура течет на запад. Близь акмолинского меридиана поворачивает на север, к Ишиму, но, не дойдя 50 верст (около 50 км) до него, начинает уклоняться на запад, отделив к Ишиму только один приток Козукоч» (Красовский, 1868, с. 187).

Высокий сакральный статус казахских могил обусловлен особыми природными характеристиками места, на которых они устраивались. С другой стороны они служили ориентиром в степи для кочевника в период перекочевок. Могли выступать своеобразными сакральными местами общения с душами ушедших предков и обращения к ним за помощью и поддержкой.

Рис. VIII.12 Фрагмент «Маршрутной карты Акмолинской области». 1914 год.

Красовский так же писал об этом: «... надмогильные памятники, нарушая однообразие степной местности и служа так же как все древние памятники, знаками (обага), для распознавания пути во время переездов, они, или, по крайней мере, многие из них свидетельствуют еще о близости воды, в которых летом, во время поминок, не должно быть недостатка» (Красовский, 1868, с. 264).

Сакрализация пространства через создание широкой сети мазаров была развита повсеместно на территории казахских кочевий. Не вызывает сомнения тот факт, что в прежние времена такого рода значимых мест было немало, а забвение связано с атеистической пропагандой XX века.

Исследование приречных территорий и использование картографиче-

ских карт и космоснимков позволяют говорить о том, что вдоль правого берега реки Козыкош присутствуют следы большого количества казахских зимовок и зиратов (рис. VIII.13).

Нами зафиксированы более десятка казахских зимовок, на четырех из них сохранились кладбища (рис. VIII.14). Космоснимок свидетельствует о том, что казахские зимовки располагались вблизи зиратов, причем видно, что на нем присутствуют современные захоронения. Территории зимовок вышли из системы жизнеобеспечения, а захоронения продолжали играть важную роль в сакрализации места.

Находившиеся здесь зимние постройки и могилы фактически закрепляли земельные участки в наследственное владение, придавая

Рис. VIII. 13 Кыстау Козыкош. Космоснимок территории правого берега реки Козыкош. 2020 г.

сакральность территории хозяйствования и месту поклонения предкам.

Картографический материал демонстрирует границы кочевков казахских родов. Пастбищно-кочевая система, основанная на посезонном распределении пастбищ и водных источников, довольно четко и на многие годы закрепляла территории кочевания определенных казахских родов.

«Все зимовки киргиз до того строго между ними разграничены, что в этом деле никакое правительство установленное межевание не могло достичь той обозначенной границы между зимовками отдельных землевладельцев, какой достигли в этом отношении сами киргизы» - писал в своем отчете Красовский Н.И., собравший и обобщивший сведения о киргизах (казахах) (Красовский, 1868, с. 220). Изучение картографи-

ческого материала «Карта зимних и летних кочевков в области сибирских киргизов» в третьей части труда, позволяет сделать некоторые выводы о наличии четкой системы определения границ и родовых территорий казахов (рис.VIII.15). Карта демонстрирует, что границы расселения родов проходят по руслам рек. По правому берегу реки Ишим расположены зимовки рода керей. Левый берег является территорией кочевания рода темеш племени аргыны. По протоке Козыкочь, около могилы Дюрт-кулак, род команджепар племени канжигалы.

Имеющиеся в наличии данные по сакральным объектам позволяют говорить о существовании культовых мест как в течении рек Нуры и Козыкош, так и большого количества их притоков.

Рис. VIII.14 Казахские зимовки и зират. Космоснимок. 2020 г.

Исследование особенностей культурного ландшафта, существовавшего в течение определенного периода, показало, что формирование шло в ходе хозяйственного и культурного освоения пространства в районе рек. Водные артерии были единственным надежным средством для ведения кочевого хозяйства, обеспечения водными запасами и возможности располагать зимовки в пойменных местах. Это и предопределило оформление приречной сакральной пространственности. Выявленные исторические памятники свидетельствуют о существовании определенной системы почитания предков и организации духовного пространства. Наши исследования выявили факты существования определенной связи между природно-географической средой и ее жителями, которые образуют еди-

ное целое через сакрализацию памяти поколений.

Изучение природно-культурного ландшафта тесно связано со степенью сохранности объектов духовного наследия территории. Это культовые памятники, кладбища, зимовки, позволяющие говорить о влиянии природно-географических особенностей местности не только на жизнедеятельность людей, но и на духовное пространство. Единение между природно-географической средой и населением свидетельствует о существовании пространственной структуры культурной преемственности и духовного содержания. Сакральность культурного ландшафта, таким образом, фиксируется посредством территориальных организаций, культовых памятников и культурной преемственностью.

Рис. VIII.15 Фрагмент «Карта зимних и летних кочевок в области сибирских киргизов»

ГЛАВА IX. СТЕПИ САРЫАРКИ КАК ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М.К. Хабдулина

Научно-исследовательские результаты проекта и масштабы новых материалов, полученных за 20-летний период археологических работ в Акмолинском Приишимье, позволяют выйти на уровень исторических интерпретаций и представить степи Сарыарки как этническую территорию формирования казахской государственности. В истории любых политических процессов всегда есть центр – особое пространство накопления духовных сил, укрепления и консолидации этнических традиций, складывания этнокультурных приоритетов. В археологии развитие этих процессов бывает отмечено сакральными объектами.

Подробное описание многих сакральных центров, использование картографического материала, принятое в главах данной монографии, показывают степень насыщенности Нура-Ишимского региона культово-мемориальными комплексами, связанными с национальной историей Казахстана.

По письменным источникам известно, что здесь находились ставки Тауке-хана, Кенессары-хана, на реке Атбасарке была ставка Шибанида Мустафа-хана, в районе Коргалжин-

ских озер расположено городище и мавзолей Батагай. Еще два мавзолея (Сырлытам, Сулутам) упоминаются в исторических записках топографов XIX в. (Сембин, 1975). С этой территорией связаны яркие страницы исторической деятельности Чингисида Аблай-хана. Родовые земли хана Аблая находились на территории Кокшетауской возвышенности. Летняя резиденция правителя располагалась в Сырымбете. Места пребывания других летних ставок Аблай - хана включали также район Атбасара, Коргалжын, Ерейментау, Прииртышье.

Традиционно при реконструкции политической истории Казахского ханства основное внимание направлено на взаимоотношения кочевой степи и городов Сырдарьи. Захват городов обеспечивал контроль над торговлей и приводил к обогащению кочевой аристократии. Однако при всем стремлении к городам, основной территорией обитания кочевников оставались степные пространства. Здесь были ставки, резиденции, ордакенты правителей казахской степи. И такой заповедной территорией, обетованной землей, центром политогенеза были степи северной Сарыарки.

Особый сакральный статус Нура-Ишимского региона в истории формирования и укрепления казахской государственности обосновывается использованием традиционных источников и привлечением новых видов источников. Основным видом является археологический материал. За 20 лет масштабных исследований территории Акмолинской области пройдены десятки тысяч километров, обследованы берега Ишима, Нуры, их притоки и многие степные речки. На археологическую карту нанесены сотни древних объектов. Стационарными раскопками охвачены средневековое городище Бозок (VII-XV вв.), поселение эпохи бронзы Шагалалы II (II тысячелетие до н.э.), исследованы святилища и царские курганы раннего железного века, открыты и исследованы поселения раннего железного века, начато изучение казахских кыстау (Исследование памятников эпохи бронзы..., 2017; Хабдулина, 2016).

Знакомство исторической науки с культовой архитектурой степного Казахстана ведет начало с путевых записок русских путешественников, офицеров царской России, инженеров, разведчиков рудных богатств края. Сведения эти собраны в трудах П.И. Рычкова, А.И. Левшина, И.А. Кастанье, Ч. Валиханова, Л.Ф.Семенова, А.Х. Маргулана (Рычков, 1762; Левшин, 1996; Кастанье, 1910; Валиханов, 1964; Семенов, 1930, с. 77-87; Маргулан, 1950). Однако многое из того, что было зафиксировано в XVIII-XIX вв. безвозвратно утеряно. XX век также не способствовал сохранению культовых памятников. Единственным

источником частичного восстановления средневекового историко-культурного ландшафта степных регионов Казахстана является археология. Активные исследования средневековых памятников Степи начались в последние десятилетия (Байпаков, Смагулов, 2005; Бозок в панораме..., 2008; Хабдулина, Кожамжаров и др., 2011; Смагулов, 2012).

Археологические источники. В настоящее время в Нура-Ишимском междуречье исследованы остатки семи мавзолеев. Пять из них раскопаны на городище Бозок, два – в низовьях р. Нуры у с. Коргалжин (Билялова, Хабдулина, 2020, с. 289-294; Сембин, 2015, с. 150-153; Сембин, 1975, с. 12-20). По ним установлено, что строительство культовых мемориалов началось в северной Сарыарке в XIV в. (Хабдулина, 2010, с. 389-390). Если говорить о технологии и архитектуре культового зодчества, то все эти мавзолеи относятся к типу однокамерных, квадратных в плане. Стены воздвигнуты без фундамента, входы с южной стороны. Мавзолеи построены из жженого и сырцового кирпича. Какие-либо данные по высоте и конструкции перекрытия не сохранились. Можно утверждать, что своды кирпичных мавзолеев были увенчаны керамическими навершиями – куббами, покрытыми темно-зеленой и ярко-синей глазурью. Для обжига кирпичей рядом были построены кирпичеобжигательные печи. Следовательно, кирпичи, кубба, полива изготовлялись из местного сырья.

Археологическим обследованием берегов Нуры и Тенгиз-Коргалжин-

ских озер выявлено скопление этнографических памятников в виде казахских зимовок и некрополей. В центре некрополей высятся один-два сырцовых мавзолея. Эти культовые ансамбли тянутся с интервалом в 5-10 км вдоль Нуры и берегов озер (рис. I.5). Сырцовые мавзолеи XIX – начала XX вв. повторяют архитектурные формы мавзолеев золотоордынской эпохи. Этот факт свидетельствует о сохранении основного генофонда Степи от средневековья до настоящего времени.

Самым ярким открытием стал мавзолей Жанибек Шалкар, раскопанный нами на левом берегу реки Нуры в 20 км восточнее с. Коргалжын. Мавзолей назван Жанибек-Шалкар по наименованию проточного озера, образованного в естественном понижении русла реки Нуры. Оно не единственное. Такие проточные озера тянутся цепочкой в нижнем течении Нуры до впадения ее в озеро Тенгиз (рис. I.6). Вся прилегающая территория, ландшафтно выделенная в Тенгиз-Коргалжынскую впадину, изобилует озерами, мелкими степными речками, на берегах которых расположены казахские зимовки, некрополи.

Раскопки мавзолея Жанибек Шалкар проведены в два этапа: первый – это 2009-2010 г. и второй – в мае 2020 г. Главный результат, о котором необходимо сказать сразу: центральную могилу внутри мавзолея мы не обнаружили. Несмотря на тщательность поиска, применение геомагнитного сканирования, основное захоронение ради которого и мог быть возведен великолепный по оформлению мавзолей – не найдено. Обнаружены и раскопа-

ны более поздние, вводные захоронения. Они расположены вне мавзолея, с восточной стороны. По отсутствию центрального захоронения мавзолей Жанибек Шалкар аналогичен мавзолею Батагай, внутри которого также не оказалось могилы. Эти факты склоняют нас к мысли, что это были символические памятники, построенные в честь значительных харизматических личностей, сыгравших особую сакральную роль в исторических событиях степной Сарыарки XIV-XV вв.

Необходимо упомянуть еще об одной детали. При раскопках мавзолея Батагай (проходивших тоже в два этапа: 1974 и 2009 гг.) нет упоминаний о находках поливной терракоты. Мавзолей построен из жженого кирпича (Семби, 2015, с. 150-153). Однако рядом с мавзолеем Батагай в 2009 г. археологи раскопали печь для обжига глазурованной плитки. Внутри ее были найдены фрагменты кирпичей с поливой. При раскопках мавзолея Жанибек Шалкар найдено огромное количество глазурованной плитки, которой, вне сомнения, были украшены стены и купол мавзолея. Но печь для обжига не обнаружена. Расстояние между двумя мавзолееями 9 км. Возможно, именно на Батагае находился общий ремесленный центр по обжигу кирпича и изготовлению поливной плитки, и он обслуживал всю округу. И в этот единый сакральный центр, кроме известных нам мавзолеев Жанибек Шалкар и Батагай входили еще мавзолеи названия которых (Сулутам, Сырлытам) известны по сведениям российских чиновников и топографов XIX века (рис. IX.1).

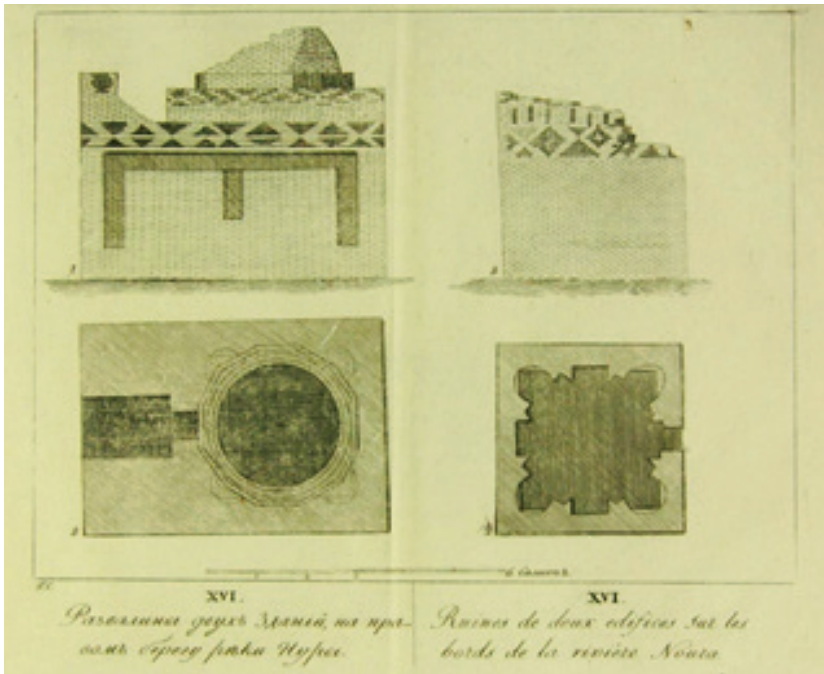

Рис. IX.1 Зарисовки руин мавзолеев Сулутам и Сырлытам (по Г.И. Спасский, 1818)

Мавзолей Жанибек-Шалкар. Географические координаты: 50° 33.867' N, ВД 070° 15.813' E. Памятник находится в 20 км восточнее с. Коргалжын Акмолинской области, в 120 км южнее г. Нур-Султана (рис. IX.2) и занимает наиболее высокую точку сопки (344 м) коренной террасы южного берега озера Жанибек-Шалкар. С поверхности сопки открывается широкая панорама степи, виден противоположный берег озера и прилегающая округа. Для постройки мавзолея было выбрано очень удачное место. Мавзолей был виден издали и доминировал над окружающей поверхностью.

Коргалжынские степи – зона десятилетних целинных распахов и от некогда стоявшего здесь прекрасного

мавзолея, сверкающего бирюзовыми стенами, к XXI в., ко времени открытия и раскопок остался небольшой холм. Холм диаметром 16 м, высотой 0,5 м порос бурьяном, поверхность его была насыщена фрагментами жженого кирпича, обломками полихромной терракоты покрытой зеленой глазурью. Глазурь на всех плитках превосходного качества, нанесена толстым стекловидным слоем (Хабдулина, Кожамжаров и др., 2011, с. 172-178).

В 2009-2010 гг. раскопом 20x20 м было открыто основание прямоугольного двухкамерного мавзолея и прилегающие к нему конструкции. Размеры мавзолея 12,7x7,5 м, длинная ось его ориентирована по линии северо-восток-юго-запад (рис. IX.3).

Рис. IX.2 Карта расположения мавзолея Жанибек Шалқар.

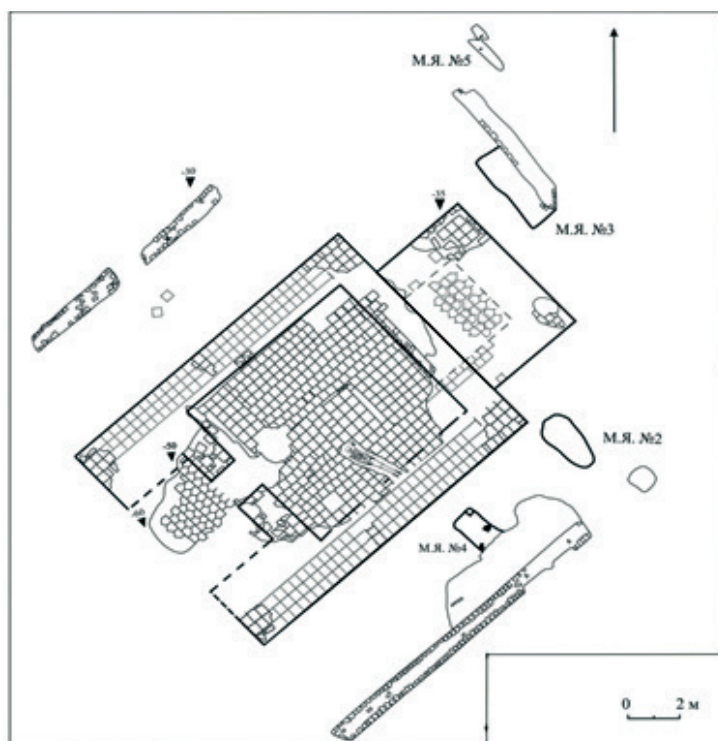

Рис. IX.3 Мавзолей Жанибек Шалқар.
План раскопа

Основная камера имеет размеры 9,2х7,5 м, к северо-восточной торцовой стене ее примыкает прямоугольная камера меньших размеров 4,5х3,5 м. Эта камера имеет стены шириной 1,2 м. Во внутреннем пространстве сохранились участки пола, выложенные фигурными пятиугольными кирпичами. Способ соединения двух камер не установлен из-за плохой сохранности северо-восточной стены мавзолея.

Фасад мавзолея обращен на юго-запад. Вход находится внутри выступающих крыльев портала, которые являются продолжением длинных продольных стен. Пилоны выступают на два метра от юго-западной торцовой стены мавзолея и имеют ширину 2 м. С двух сторон они обрамляют привходовую площадку размерами 3,5х2,0 м. Пол входной площадки выстлан такими же пятиугольными кирпичами, как в малой камере и здесь они лучше сохранились. На полу порталного объема виден вход в мавзолей. Вход намечен ступенчатым переходом от фигурных кирпичей к квадратным кирпичам пола мавзолея. Высота ступеньки 0,2 м. Ширина входа 0,8 м.

От мавзолея сохранился пол, выстланный жжеными кирпичами квадратной формы (26-27х25-27х5 см) и фрагменты стен высотой в 2-3 слоя кирпичей такого же формата (Хабдулина, Кожамжаров и др., 2011, с. 36). Ширина стен 0,9-1,2 м. Они построены из четырех рядов кирпича, уложенных плашмя. Стены мавзолея возведены без фундамента, конструкция их реконструируется по фрагментам

кладки, сохранившейся в торцовых стенах. Продольные стены рухнули. Судя по конструкции торцовой стенки, с площадки, намеченной под стены, убирался гумус, поверхность ее опускалась до плотного темно-серого грунта (предматерик), заливалась тонким слоем желтого глиняного раствора, на нее укладывался первый слой кирпичей. Каждый следующий слой перемежался черным гумусным раствором.

Следы кирпичей в виде светлой полосы шириной 0,9-1,0 м тянутся вдоль длинной северо-западной стенки. Отпечатки кирпичей в виде небольших участков видны и вдоль южной стенки мавзолея. Но сама южная стенка упала наружу, и остатки ее в виде груды битых плиток и кусков ганча фиксируются в 3 м от пола мавзолея. На глубине 0,6 м по всей длине ее поверхности расчищены фрагменты глазурованной плитки, сочетающей элементы растительного орнамента и арабскую вязь. Ширина слоя залегания плитки 0,5 м. Эта груда завала битого кирпича перекрывает внешнюю ограду мавзолея и очертания могильной ямы №4, которые проступили после полной расчистки до материка.

Кирпичная кладка пола мавзолея имеет размеры 5,2х5,2 м. Кирпичи уложены в один слой, в «разбег». Кладка пола отличается от кладки стен. Выровненная и размеченная поверхность была устлана слоем белого ганча толщиной 1 см. Сверху ганч залит раствором темно-серого цвета, и перекрыт еще раз белым ганчем, в котором закреплены жженные кирпичи

пола. Кирпичная поверхность пола, как и стены мавзолея, были обмазаны толстым слоем белого ганча (Хабдулина, Кожамжаров и др., 2011, с. 8).

Кладка пола хорошо сохранилась. На ее поверхности нет никаких следов основной могильной ямы. В нескольких местах пола со стороны входа видны небольшие проломы, с которых убран кирпич. В центре мавзолея зафиксирован участок из 15 кирпичей более качественного обжига (5 рядов по 3 кирпича в ряду). Кирпичи уложены более плотно. По краям этот фрагмент кладки оконтурен узкими кирпичами, среди них расчищено несколько глазурованных плиток. Предполагая, что, возможно, так отмечено перекрытие могильной ямы, мы вскрыли этот участок пола. Прокопали на глубину 0,6 м. Однако ни захоронения, ни каких-либо конструкций не обнаружили.

Т.о., необходимо отметить, что в пределах пола мавзолея основная могильная яма не обнаружена. Предпринятые нами раскопки участков пролома пола также оказались безрезультатными. Возможно, здесь мы имеем подземный склеп. Для того чтобы его обнаружить необходимо полностью убрать кирпичи пола и углубиться, либо использовать современную поисковую техническую аппаратуру. Основание мавзолея в 2010 г. было законсервировано, и исследование его возобновлено в мае 2020 г.

Мавзолей с трех сторон, кроме стороны входа, имел кирпичную ограду. Фрагменты ограды шириной 0,5-0,6 м, длиной от 4 до 11 м расчищены в 3 м от длинных стен мавзолея. Такая же узкая полоса кладки длиной 5,5 м расчищена с северной стороны в 2 м от северной стенки малой камеры (рис. IX.3). Ограда выложена по

Рис. IX.4 Мавзолей Жанибек Шалкар. Расчистка пола мавзолея. 2020 г.

краю фрагментами жженого кирпича. Внутренняя часть кладки забутована землей и мелкими осколками кирпича. Размеры огражденной территории составили 14,5x14,5 м. Поверхность огороженного вокруг мавзолея пространства покрыта отпечатками квадратных кирпичей, уложенных в виде ромбов. Сами кирпичи не сохранились, но отпечатки их видны вдоль наружных стен мавзолея.

За пределами мавзолея с северной и восточной сторон обнаружены четыре могилы (№2-5), пристроенные гораздо позднее (рис. IX.3). Об этом свидетельствуют насыпи могильных холмиков, состоящие из фрагментов жженого кирпича, цельных глазурованных плиток и смешанных осколков. Одна могила (№1) прорубила пол мавзолея и, судя по расположению, была сделана внутри уже полуразрушенного мавзолея. Могильная яма №3 перекрыта внешней оградой, что свидетельствует о более позднем появлении ограждения. Все пять могил ориентированы по линии СЗ-ЮВ.

Скопления битого обожженного кирпича и крупные массивы белого ганча, которым, видимо, были покрыты стены мавзолея изнутри, расположены на разных участках с разной степенью плотности, но в целом очень

хаотично. Определенного порядка в расположении глазурованной плитки не наблюдается. В процессе раскопок в развале мавзолея было собрано около 400 целых и фрагментированных глазурованных кирпичей с резным орнаментом и бирюзовой поливой. Несмотря на сотни лет, прошедшие со времени их изготовления они сохранили прочность и первоначальную красоту (рис. IX.5).

Выявлено 6 типов облицовочной плитки, которые различаются формой и орнаментом. Основная плитка декора прямоугольной формы

Рис. IX.5 Мавзолей Жанибек Шалкар.
Поливная терракота.

(33x12x3 см). Глазурью и орнаментом покрыт один торцовый край шириной 8 см. Еще один тип – прямоугольная плитка (42x32) с резным узором в виде парной восьмиконечной звезды с восемью лепестковыми розетками в центре. Она встречается с поливой и без (рис. IX. 6). Найдены фрагменты плитки с резным орнаментом, сочетающим растительные узоры и эпитафический орнамент, плитки, орнаментированные резными линиями в виде «лесенки», прямоугольные плитки, украшенные выступающими рельефами в виде шахматно расположенных прямоугольников.

Планировка мавзолея, сохранившаяся в его основании, и плитки декора позволяют реконструировать его как портално-купольный двухкамерный мавзолей. Некоторое сомнение относительно двухкамерности вызывает одинаковая кладка пола входного юго-западного портала и малой камеры. Еще во время раскопок зародилось мнение, что это мавзолей с двумя противоположными входами. Тщательная расчистка и полевые наблюдения позволили по отпечаткам кирпичей наметить северо-восточную стенку малой камеры. Дополнительным аргументом в пользу помещения, а не входа, является фрагмент ограды, зафиксированной с северо-восточной торцовой стороны мавзолея и могильная яма № 3 (рис. IX.2). Таким образом, судя по ограждению, к мавзолею можно было подойти только с одной юго-западной стороны, т.е. стороны входа.

Мавзолей Жанибек-Шалкар относится к категории археологически

Рис. IX.6 Мавзолей Жанибек Шалкар.
Типы поливной терракоты.

исследованного памятника. По фрагментам стен и размерам пола можно реконструировать архитектурный объем сооружения и сделать расчеты по технологии строительного дела. Известно, что любые архитектурные формы подчинены законам пропорциональности. Все параметры его находятся в геометрической зависимости. Зная часть здания можно воссоздать весь его объем (Шевелев, 1986, с. 34). Общий облик здания, детали интерьер-

ера могут быть реконструированы на основании сравнения с аналогичными памятниками архитектуры.

По законам архитектурной пропорциональности высота равняется внутренней ширине здания (Шевелев, 1986, с. 149). Отнимая толщину стен, получаем внутреннее пространство мавзолея 5,2 x 5,2 м. Следовательно, высота четверика мавзолея равнялась 5 м. Выше должны идти барабан и купол, высота которых предположительно также была 5 м. Таким образом, общая высота мавзолея при размерах основания 9,2x 7,5 м была более 10 м. Купол был над основной камерой.

Мавзолей Жанибек-Шалкар вошел в сводку золотоордынских мавзолеев, сделанных Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2014, с. 144). Она при-

водит аналогию планировке мавзолея. Такая же пристройка с северо-восточной стороны зафиксирована у мавзолея, исследованного в Воронежской области у пос. Красный (Зиливинская, 2014, с. 144, 378, рис. 164). Э.Д. Зиливинская относит мавзолей Жанибек-Шалкар к типу порталных мавзолеев с массивным порталом, вписанным в контур здания (пештаком). Массивный пештак предполагает высокую арку портала (рис. IX.7). В данном случае большинство орнаментированных изразцов найдено в завалах, примыкающих к южной привходовой стороне мавзолея. Возможно, портал был украшен рядами крупной плитки со звездообразным орнаментом и горизонтальной полосой плиток с арабской вязью. Среди плиток декора встречены крупные

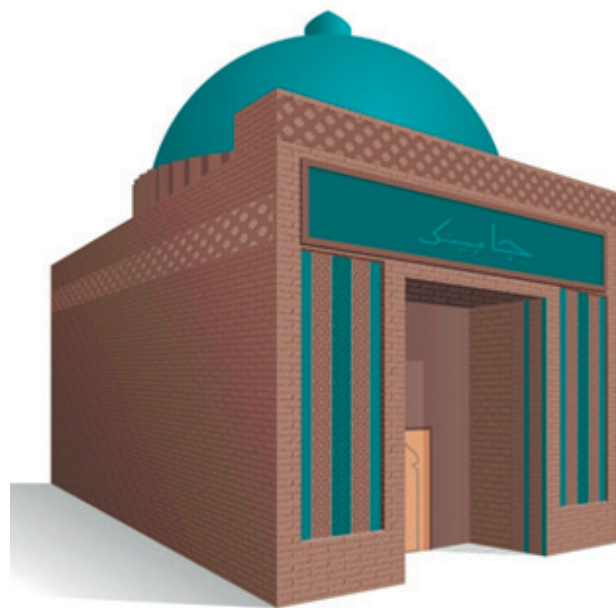

Рис. IX.7 Мавзолей Жанибек Шалкар. Реконструкция.
Авторы М.Хабдулина, В. Меденко.

подквадратные плитки (23,5x22,5x3,5 см) трапециевидные в разрезе. Основание у них горизонтальное, внешняя поверхность в поперечном разрезе – треугольная, края скошены внутрь. Такие скошенные края необходимы, если плитка крепилась в продольные пазы и при наборе давала выпуклый объем. Плитка не орнаментирована, но покрыта бирюзовой глазурью. Возможно, это декор барабана или свода.

Датировка. Расцвет культового зодчества в Степи начинается с эпохи Золотой Орды, со времени принятия ислама. Традиция сооружения мавзолеев продолжается и в последующие столетия. У нас нет прямых данных для узкой датировки мавзолея Жанибек-Шалкар. В первых аналитических обобщениях, опубликованных в 2015 г. (Хабдулина, Бонора, 2015, с. 95-97) были приведены косвенные аргументы, в пользу датировки мавзолея XV веком, временем сложения Казахского ханства. К ним отнесены:

1) Во-первых, полихромный декор, состоящий из бирюзового стиля. Как свидетельствуют историки архитектуры, расцвет «бирюзового стиля» приходится на эпоху Тимура и Тимуридов (конец XIV-XV вв.) (Пугаченкова, 1976, с. 35). Полихромный декор подчеркивает парадность культового сооружения и указывает на его неординарность и принадлежность особой исторической личности. Предположительно, Жанибек-султану, основателю Казахского ханства.

2) Топонимика края, которая является символом эпохи. Название озер, урочищ показывает их происхождение от ярких исторических событий,

связанных, прежде всего, с именами правящей элиты чингисидов (Жанибек, Кирей, Султанкельды, Аблай, Есей, Кокай).

3) Немаловажным аргументом датировки мавзолея XV в. мы сочли отмеченную топонимику, локализацию их в Тениз-Коргалжынском природном регионе и одновременное присутствие двух гидронимов: Жанибек, Кирей, которые в связке дали основание считать исследованный нами мавзолей – парадным мавзолеем Жанибек султана – одного из основателей Казахского ханства в 1470 г.

4) В 2018 г. эти доводы были подкреплены новым источником – картографическим материалом, полученным на основе десятиверстных карт второй половины XIX в. Десятиверстные карты были созданы топографами Омского военно-топографического отдела, которые на протяжении многих лет вели топосъемку всей территории современного Казахстана и запечатлели исконно казахскую ландшафтную топонимику с нанесением местных гидронимов, омонимов, айконимов. Карта составлена Г.Ж. Табулдиным и М. Набиевым на основе изучения, подбора и сопоставления более 100 десятиверстных карт конца XIX - начала XX в. Авторы сводной карты при ландшафтной идентификации учли картографические требования и методы картирования (масштабирование и сшивание) и создали новый источник по сакральной географии Акмолинской области (<http://abctv.kz/ru/news/v-sakralnuyu-kartu-kazahstana-voshlo-bole-600-obektov>).

На карте нанесены казахские топонимы и гидронимы, которых уже нет на картах Целиноградской области 1963 г. Указаны именные зимовки, названия урочищ, саев, гор. Указаны бесчисленное количество исторических наименований озер, на многих из них дополнительно написаны названия культовых мемориалов, существовавших в конце XIX – начале XX вв. (рис. IX.8).

Эта карта прежде всего оказалась значима для подкрепления аргументов, высказанных в пользу принадлежности раскопанного мавзолея – Жанибек-султану. На карте на берегу озера *Джаныбекъ* указан мавзолеем Жанибек (*м. Джаныбекъ*) (рис. IX.8). Т.е. в конце XIX в., когда создавалась карта, топографы видели мавзолей и

дали ему название, которое, вероятно, было указано казахами. Южнее озера Тениз есть речка и озеро с именем второго султана, брата Жанибека – Кирей. На берегу озера написано: *м. Кирей*. На этой же карте нанесены еще два мавзолея исторических чингисидов. На восточном берегу озера Тениз написано: *М. Аблай*. Южнее русла Нуры, параллельно его изгибам тянется ряд полувысохших соленых озер. Большая часть их ныне безымянна. Но на карте конца XIX века они имеют названия. И среди них есть озеро *Тохтамышъ*. Еще ряд озер Тенгиз-Коргалжинской впадины носят имена исторических личностей: *Султанкельды*, *Каныкей*, *Исей*, *Кокай*. И на многих из них указаны мазары, мавзолеи.

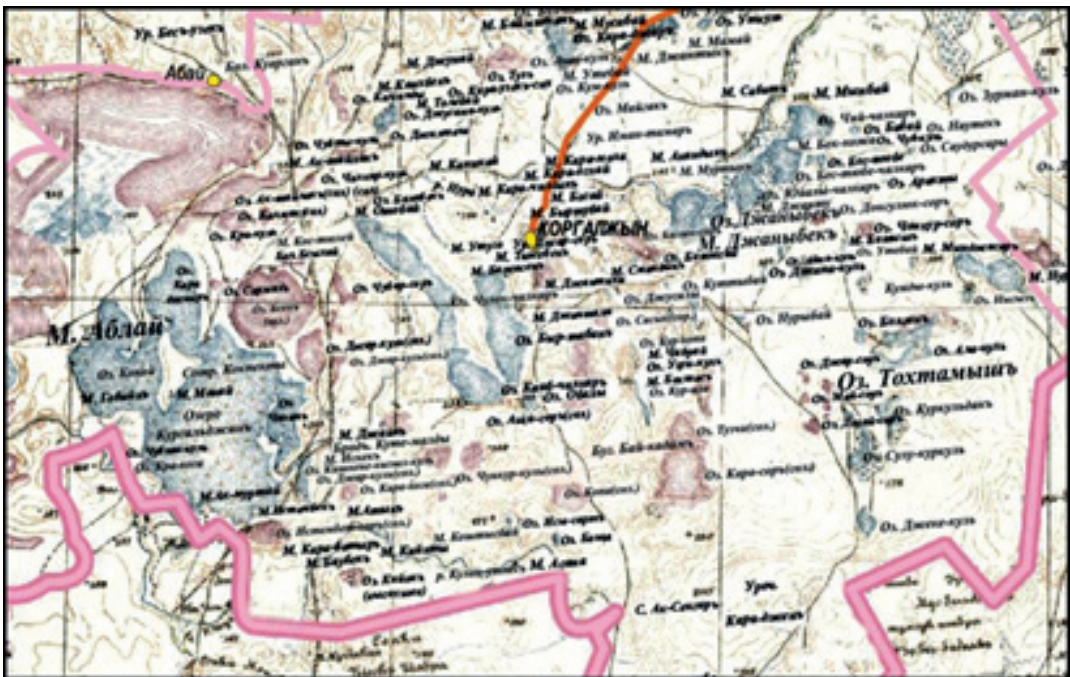

Рис. IX.8. Топографическая карта Акмолинской области конца XIX в.

Топонимика с именами исторических личностей, сконцентрированная в одном географическом регионе, в низовьях реки Нуры, свидетельствует о появлении ее в одну историческую эпоху – в период формирования Казахского ханства.

Т.о., до работ 2020 г. мы относили дату мавзолея к XV в. (Хабдулина 2018, с. 100-108).

Значительные коррективы в нашу логику внесли результаты исследования мавзолея Жанибек Шалкар в 2020 г. (Отчет, 2020). В мае 2020 г. был заново расчищен раскоп 2010 г., выявлен кирпичный пол мавзолея и раскопаны все пять поздних могил.

Лишь в одной из них (могила № 3) был найден сопровождающий инвен-

тарь. Могильная яма № 3 расположена под северо-восточной стенкой мавзолея. Ее топография (рис. IX. 3) подчеркивает, что мавзолеем имел только один вход – с юго-запада. Северо-восточная камера мавзолея имела глухую торцовую стенку, под которой и была сделана могильная № 3. Еще одна топографическая деталь: яма №3 перекрыта оградой, построенной вокруг мавзолея. Следовательно, существовал значительный временной разрыв между могилой и возведением ограды. Ограда строилась, когда могила уже не была видна. Иначе по ней не прошла бы кирпичная ограда мавзолея (рис. IX. 10).

Яма №3 содержала парное погребение двух женщин. Обе они лежат

Рис. IX.9. Мавзолей Жанибек Шалкар. Пол мавзолея, расчистка 2020 г.

Рис. IX. 10. Мавзолей Жанибек Шалкар. Фрагмент внешней кирпичной ограды над могилой №3. Расчистка 2020 г.

на дощатом полу, головой на северо-запад. Яма в поперечном разрезе расширяется к придонной части и с двух продольных сторон образует небольшие подбои. В головах северо-восточного скелета было расчищено 10 монет. Еще три монеты были обнаружены в лаборатории при расчистке черепа от грунта. Из этого следует, что монеты были положены ей в рот. Кроме монет найдены две бронзовые пряжки, костяная бусина и железный предмет. Монеты принадлежат к выпуску пяти монетных дворов, датированных серединой XIV в., чеканы

Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадид. По анализу нумизмата Н.П. Петрова, эти монеты вышли из обращения в 1363 г. (Отчет, 2020, с. 72-74).

Таким образом, если могила, пристроенная к стенам мавзолея, датируется второй половиной XIV в., значит, сам мавзолей был построен гораздо раньше этой даты, возможно, в первой половине XIV в., в золотоордынскую эпоху, и получается, что это было сделано на 100 лет раньше появления Казахского ханства. Остается загадкой, кому посвящен мавзолей, и почему озеро называется Жанибек Шалкар.

Известно, что в истории средневекового Казахстана было три хана по имени Жанибек. Они правили с интервалом в 100-200 лет. Первый Жанибек был ханом Золотой Орды в 1341-1357 гг. По годам правления он соответствует времени появления мавзолея Жанибек Шалкар, но он похоронен в г. Сарайчик (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 15, 58). Третий Жанибек был старшим сыном Ишим-хана. К власти пришел в начале 30-х годов XVII века. Много воевал с ойратами (джунгарами) и погиб в одном из сражений с ними в 40-х гг. XVII в. Для истории Казахстана главным является второй Жанибек. Именно его потомки были ханами Казахского государства до ликвидации ханской власти в XIX в. (Султанов, 2001, с. 156). Упоминания о Жанибек-хане встречаются во многих восточных книгах, что свидетельствует о его известности.

Все ханы Золотой орды и Казахского ханства кочевали по степям Дашт и-Кипчака, спокойно перемещаясь от

лесной полосы Западной Сибири на севере до предгорий Тянь Шаня на юге. Избранной территорией, сокровенной, обетованной землей с прекрасными природно-ландшафтными характеристиками для них являлся геостратегический центр Восточного Дашт и-Кипчака – Нура-Ишимское междуречье.

Топонимика края, концентрация культовых мемориалов позволяют утверждать, что это географическое пространство было коренными землями, доменом правящих чингисидов, в том числе султанов Жанибека и Кирея – основателей Казахского ханства. В низовьях Нуры пересекаются караванные маршруты, идущие от городов Сырдарьи в Сибирь, Урал, на Волгу и дальше в Европу. Степные пространства являлись прекрасными пастбищами, озера изобиловали рыбой, стада сайгаков, джейранов, коз, козлов, вепри и рыси в камышах – были объектами облавной охоты. Озера Тенгиз-Коргалжынской впадины – место гнездовий более 200 видов птиц: лебеди, журавли, черные аисты, цапли, колонии розовых и кудрявых пеликанов и среди них экзотические розовые фламинго. Такие богат-

ные условия не могли не быть привлекательны для кочевий и ставок правителей – чингисидов.

В результате эффекта мифологизации и сакрализации мест жизни великих людей, и ярких исторических событий и сохранился в этих краях гидроним Жанибек Шалкар.

Выгодное геостратегическое положение низовьев Нуры в центре казахских степей в сочетании с богатыми природными характеристиками края, концентрация пышных по оформлению культовых мемориалов со знаковыми топонимами позволяют предполагать функционирование здесь в период Улуса Жоши и последующие столетия истории Казахского ханства особого политического, духовного и историко – культурного центра. И можно утверждать что северная Сарыарка по геостратегическому положению в центре казахских степей и концентрации пышных по оформлению культовых мемориалов чингисидов, является территорией этнической консолидации казахов и этнической территорией сложения государственности казахов от эпохи Улуса Жоши до создания Казахского ханства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы реализации проекта (2018-2020 гг.) опубликованы в отечественных и зарубежных научных изданиях 59 статей. Из них 2 статьи в рецензируемых научных журналах, индексируемых в Web of Science и в базе Scopus, 10 статей в изданиях, рекомендованных ККСОН. Были выпущены три сборника статей, 2 учебно-методических пособия, организована одна международная археологическая конференция (Маргулан-2019). Исполнители проекта выступали с докладами на 31 международной научно-практической конференции.

Результаты НИР внедрены в производство в виде методических рекомендаций, экспертных заключений, передачи археологических коллекций в музейные фонды, научных описаний предметов музейных экспозиций (получено 4 акта внедрения). По теме проекта на кафедре археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева МОН РК закреплены 2 докторские диссертации (PhD), 1 магистерская диссертация.

Завершающим результатом научно-исследовательской работы является коллективная монография «Сакральный ландшафт Сарыарки», в которой отражены наиболее важные этапы исследований, открытия и обобщения. Они основаны на синтезе двух видов деятельности: полевые, экспедиционные и кабинетно-анали-

тические работы. За три года реализации проекта пройдены десятки тысяч километров разведочных маршрутов по Нура-Ишимскому междуречью. Раскопаны новые типы памятников: этнографические поселения казахов нового времени, курганы позднего средневековья, продолжено изучение крупных курганов-храмов раннесакского времени. Проведены кустовые обследования отдельных регионов, осмотрены берега притоков рек Ишима, Силеты. Открыты новые памятники, намечены перспективные районы работ, обозначены направления актуальных задач.

В аналитической деятельности накопление полевых наблюдений, сравнение культурного пространства Сарыарки с соседними геосистемами, позволило осуществить типологию сакральных ландшафтов, иерархически состоящую из крупных сакральных территорий, сакральных комплексов и сакральных центров.

Важным результатом научно-исследовательского проекта является использование картографического материала. Содержание старинных карт Нура-Ишимского междуречья насыщено сакральной топонимикой, свидетельствующей о концентрации сакральных объектов в степном пространстве Сарыарки от эпохи Улуса Жоши до Казахского ханства. Эти данные подчеркивают особый статус степной Сарыарки как этнической

территории формирования казахской государственности.

Т.о., в результате реализации проекта получены новые материалы по древней и средневековой истории и культуре Акмолинского Приишимья, намечены новые задачи и направления научных поисков, которые станут предметом дальнейших изысканий.

Первой теоретической проблемой является исследование оседлых поселений казахов. Помимо таких прикладных задач как районирование, архитектурно-планировочная типология, особенности пространственных размещений, актуально изучение казахских *кыстау* как показателя структуры хозяйственно-культурного типа населения степи. Важным является определение хронологии поселений казахов. На юге Казахстана и в Семиречье открыты оседлые памятники XVII-XVIII вв. В степной зоне, по мнению историков, казахские *кыстау* появились только во второй половине XIX века в результате потери пастбищных земель из-за колонизации Россией территории Казахстана. Поэтому важно выяснить: оседлость – это стандарт культуры жизнеобеспечения кочевников или фактор внешних сил. Для этого необходимы раскопки и использование мультидисциплинарных методов анализа.

Второе актуальное направление исследовательских задач – это изучение мавзольной архитектуры степи, представленной двумя формами технологического исполнения: зодчеством из жженой и сырцовых кирпичей. Парадные мавзолеи из жженого кирпича датируются XIV-XV вв. Сыр-

цовая технология претворена в мавзолеях этнографического времени. Крупное сакральное пространство казахских некрополей зафиксировано в устье реки Нуры. Они тянутся с интервалом в 3-7 км вдоль русла реки и выделяются возвышающимися на их территориях яркими образцами сырцовых мавзолеев XIX-XX вв. Мавзолеи одиночно или попарно стоят на западном краю казахских некрополей. Более поздние могилы пристроены к востоку от них. Большинство зиратов уже не действуют, площади их невелики. Зброшенные зираты свидетельствуют о функционировании их в XIX в.

Сырцовые мавзолеи разнообразны архитектурой объемно-пространственных форм. Они однокамерные и двухкамерные, круглые и квадратные в плане, относятся к типу портално-купольных. Фасадная сторона обращена, как правило, в южный сектор. Важной художественной и смысловой деталью казахского мемориального зодчества является структурирование композиции по вертикали (сакральная вертикаль) – зрительная потребность устремления вверх к небу.

Позднесредневековые сырцовые мавзолеи сочетают в своей архитектуре каноны золотоординских парадных мемориалов и архаические языческие детали оформления внешних объемов, известные в степном культовом формотворчестве с раннего железного века. Этот аспект симбиоза местных доисламских и исламских архитектурных конструкций станет перспективным направлением наших дальнейших изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники:

Зданович Г.Б. Могильник и поселение Якши-Янгизтау // Отчет. Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году. Том V. - Челябинск, 1980. - С. 35-46.

Касеналин А.Е., Хабдулина М.К., Есен С.Ф., Тлеугабулов Д.Т., Асылбеков К.М. Отчет. Археологические исследования могильника Жанибек Шалкар (Коргалжынский район, Акмолинская область). – Нур-Султан, 2020. – 101 с.

Сембин М.К. Мавзолеи Ботагай, Сырлы-Там, Сулу-Там. (историко-археологические материалы). Отчет проектно-сметного отдела Научно-реставрационного отдела Министерства культуры КазССР. – Алма-Ата, 1975. – 80 с.

Свиридов А.Н. Исследование кургана раннего железного века в урочище Куйгенжар // Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2005 году. - Астана, 2006. С. 40-48.

Хабдулина М.К., Орлова Л.А. Некоторые результаты исследования городища Бозок // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2009 жылғы: археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы. 2010. – С. 161-163.

Литература:

Anttonen, V. “Sacred”, in W. Braun and R.T. McCutcheon (eds.) Guide to the Study of Religion, pp. 271 - 282. London: Cassell, 2000.

Bilyalova G.D., Tleugabulov D.T., Yumakayeva E.A. Rites and Rituals of Ancient Turkic Period by the Written Sources // Вестник КазНУ. Серия историческая. №4 (91). 2018. – С. 89-96.

Brink, S. “The Toponymic Evidence”, in D. Skre (ed.) Kaupang in Skiringssal, i, 53 - 64. Oslo: Arhus Universitetsforlag, 2007.

Crumley C.L. “Sacred Landscapes: Constructed and Conceptualized”, in W. Ashmore and A.B. Knapp (eds.) Archaeologies of Landscape: Contemporary Perspectives, pp. 269 - 276. Oxford: Blackwell, 1999.

Eck, D.L. “The City as Sacred Center”, in B. Smith and H.B. Reynolds (eds.) The City as Sacred Center. ISSSA vol. XLVI, pp. 1 - 11. Leiden: E.J. Brill, 1987.

Eliade, M. Patterns in Comparative Religion, trans. by Rosemary Sheed. New York: New American Library; orig. publ. London: Sheed and Ward, 1958.

Giddens, Anthony. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley: University of California Press, 1984.

Häussler, R., Chia, G.F. (eds.) Sacred Landscapes in Antiquity: Creation,

- Manipulation, Transformation. Oxford: Oxbow Book, 2020
- Kiilerich, B. "From Temple to Church: The Redefinition of the Sacred Landscape on the Acropolis", in S.W. Nordeide & S. Brink (eds.) *Sacred Sites and Holy Places: Exploring the Sacralization through Time and Space*, pp. 187 - 214. Turnhout: Brepols Publishers, 2013.
- Muir, R. *Approaches to Landscape*. Basingstoke: Macmillan, 1999.
- Muir, R. *How to Read a Village*. Singapore: Ebury, 2007.
- Nordeide, S.W. "Cross Monuments in North-Western Europe", *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*, 37: 2010.- 163–78.
- Otto, Rudolph *The Idea of the Holy. An Enquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational (Das Heilige: über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen; Breslau, 1923)*, translated from German by J.W. Harvey. London: Oxford University Press, 1923
- Ray, C. "Flora, fauna and curative waters: Ireland's holy wells as sites of biocultural diversity", in C. Ray (ed.) *Sacred Waters: A Cross-Cultural Compendium of Hallowed Springs and Holy Wells*, pp. 378 - 390. London and New York: Routledge, 2020b.
- Ray, C. "Holy Wells and Sacred Springs", in C. Ray (ed.) *Sacred Waters: A Cross-Cultural Compendium of Hallowed Springs and Holy Wells*, pp. 3 - 31. London and New York: Routledge, 2020a.
- Saebjorg Walaker Nordeide. *Introduction: The Sacralization of Landscape* // *Sacred Sites and Holy Places: Exploring the Sacralization of Landscape through Time and Space*. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. – P. 2–13.
- Singh, Rana P.B. and Rana, Pravin S. "Faith and Place: Hindu Sacred Landscapes of India", in T. Edensor, U. Kothari and A. Kalandides (eds.) *The Routledge Handbook of Place*, pp. 141 - 154. London: Routledge, 2019
- Swan, James A. (ed.) *The Power of Place. Sacred Ground in Natural & Human Environment*. Wheaton, IL: Quest Books, 1991.
- Tuzbekov, A.I., Bakhshiev, I.I. 2019. "Reuse of Ancient Sacred Places in South Ural Region - The Case of Emir Edigey's Grave", *Studia Mythologica Slavica*, 22, 135 - 141. DOI: 10.3987/SMS20192207
- Walker P.L., Johnson J.R., Lambert P.M. Age and sex biases in the preservation of human skeletal remains. *American Journal of Physical Anthropology* 76. 1988. P. 183-188.
- Walter, Eugene V. *Placeways. A Theory of the Human Environment*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1988.
- Абсеметов М.О. Астана – город с тысячелетней историей. – Астана: ALCHIAIgroup, 2009. – 312 с.
- Акишев К.А. История археологических исследований в Центральном Казахстане (XVIII- первая половина XIX вв.) // *Евразийский ежегодник: Сборник науч.статей, посвященной памяти ... Кималия Акишевича Акишева*. – Астана, 2005. – С. 15-29.
- Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // *Бозок в панораме средневековых*

культур Евразии. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 13-19.

Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бозок (1999-2001 гг) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. – Астана, 2008. – С. 20-24.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М, 1964.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М, 1966.

Амброз А.А. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья, Археология СССР. – Москва: Наука, 1981. – С. 10-23.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата, 1960. – 450 с., илл., карты.

Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочинённый по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том Генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской академии наук. – Факсимильное издание 1745 г.– Москва: Артель Старая Грамота 2010. – 20 л. карт высокой печати, иллюм. акварелью.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 293 с.

Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 23-42

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга 1. – Алматы, 2012. - 390 с.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – Алматы, 2006. – 355 с.

Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ғ.А. Ортағасырлық Жайық қала жұрты. Алматы: Credo. 2005. – 221с. (каз., рус., англ.яз.)

Баранчук К.И., Исакаев К.Т., и др. Геофизические исследования курганов и межкурганного пространства при инженерных изысканиях для строительства // Инженерные изыскания. 2015. № 12. – С. 34-39.

Билялова Г.Д., Хабдулина М.К. Мавзолеи эпохи Золотой Орды Нура-Ишимского междуречья // Вестник КазНПУ. Серия «исторические и социально-политические науки». № 4 (67), 2020. – С. 289-294

Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. – 208с.

Боталов С.Г.Средневековые памятники второй половины I тысячелетия // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск, 2000. – С. 289–365.

Бромлей Ю. Очерки теории этноса. – Москва: Наука, 1983. – 412 с.

Бурштейн Е.Ф. Дела и судьбы Шангиных. Часть 2. Младшее поколение // Пространство и время. 2013. №4 (14). - С. 185-194.

Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще. Собрание сочинений в пяти томах. Т.III. Алма-Ата: АН КазССР, 1964. – С. 29-38

- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как категория наследия. Культурный ландшафт как объект наследия. – Москва, 2004. – С. 13–36.
- Вилесов Е.Н., Науменко А.А., Аубекеров Б.Ж. Физическая география Казахстана: учебное пособие. – Алматы: Казак университеті, 2009. 362 с.
- Ганешин С.С. Ботанико-географический очерк средней части Акмолинской области. – Петроград: типография М.П. Фроловой. 1917. – 60 с.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. 28, М., 1955.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., et al. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Т. 17. Серия: «Геоархеология. Этнология. Антропология», 2016. – С. 74-93.
- Дебец Г.Ф. Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей. М.: Наука, 1964.
- Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев, 1960.
- Жумекенова Д., Садыков Т. Карты XIX века как источник по исторической топонимике Казахстана // *Vylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. - pp. 161-171.
- Забияко А.П. Топография священного // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. – С. 123-136
- Замятнин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
- Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой орды. Ч.1. Культурное зодчество. Казань: Отечество. 2014. – 228с., илл.
- Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь // Сибирский Вестник. Часть 9. – СПб., 1820. – С. 2-145.
- Исаченко А.Г., Шляпников А.А. Природа мира: ландшафты. – Москва, 1989. – 504 с.
- Исследование памятников эпохи бронзы в Акмолинском Приишимье (поселение Шагалалы II): коллективная монография. – Астана: ИПТК «Глобус», 2017. – 192 с., илл.
- Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. - Алматы, 2007. - 511 с.
- Компанец С.Е. Надгробные памятники XVI–первой половины XIX вв. Практическое пособие по выявлению и научному описанию. – Москва: Мосгорпечать, 1990. - 68 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.
- Кошкин А.В. О чем молчит степь// Степной бюллетень. 2011, №3. – с. 36-38.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907-1125). – Москва: Наука, 2014. – 351 с.
- Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В III частях. - СПб., 1868. Ч. I. - 451 с.
- Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – СПб. 1868. Ч. 2. – 464 с.

Красовский Н.И. Область сибирских киргизов: [Стат. описание обл.] / Сост. Ген. штаба подполк. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба – СПб.: Тип. Траншея, Ретгера и Шнейдера, 1868. Часть 1.- 472 с.

Красовский Н.И. Область сибирских киргизов: [Стат. описание обл.] / Сост. Ген. штаба подполк. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба – СПб.: Тип. Траншея, Ретгера и Шнейдера. 1868. Часть 3. - 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников // Новосибирск, 2005. – 400 с.

Кукушкин И.А., Шашенов Д.Т., Кукушкин А.И., Елибаев Т.А., Дмитриев Е.А. Археологическая карта Нуринского района Карагандинской области. – Караганды, 2016. - 141 с.

Курныкина Г.И. «Дневные записки» И.П. Шангина как исторический источник // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: Мат-лы Четвертой междунар. научно-практич. конф. - Барнаул, 2003. - С. 9-12.

Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – Москва: Вост. лит., 2006. – 360 с.

Кызласов Л.Р. Города гуннов// Татарская археология. №2 (3). – Казань, 1998. – С. 47-64

Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта.: автореф.дис. соиск. уч. степени докт. филос.наук. – Москва, 2010. – 39 с.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / соч. Алексея Левшина. – СПб.: Тип. Карла Крайя. 1832. Часть 3. – 304 с.

Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г.// Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1949. Вып.2. - С.3-36.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. – 122с.

Маргулан А.Х. Чокан Чингисович Валиханов. Собр. соч. в пяти томах. Т.3. – Алма-Ата, 1967. – 783 с.; с илл.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 437 с.

Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала// Мир казаха. Алматы: Институт развития Каз-на. 1997. – С. 16-30

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ) – М.: Наука, 1983.- 284 с.

Обзор Акмолинской области за 1898 год. - Омск: Тип. Акмолин. обл. правления, 1899. - 130 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 223 с.

Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. – Москва: Директ–Медиа, 2014. – 230 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства 1772 и 1773 годов, Ч. 3. Поло-

вина 2 - Санкт-Петербург: Тип. Императорской Акад. наук, 1788

Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.

Плетнева С.А. Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья IV-XIII вв. Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003. – 247 с.

Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. 1976. – 116 с. илл., черт.

Пьянков И.В. К проблеме формирования восточноскифских народов // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды. 2011а. – С. 96-100 .

Пьянков И.В. Проблема динлинов // Қазақстан археологиясының мәселелері (Вопросы археологии Казахстана). Сб. научных статей. Вып.3 – Алматы: «Бегазы-Тасмола», 2011. – С. 411-419

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Ленинград: Наука, 1980. – 139 с.

Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. - СПб., 1913. - 286 с.

Русанова И.П. Культовые сооружения и жертвоприношения славян-язычников // Истоки русской культуры (археология и лингвистика): Материалы по археологии России. Вып.3. – Москва: Наука, 1997. – С.98-112

Рычков Н.П. Дневные записки путешественника капитана Николая Рычко-

ва в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году. - СПб.: Императорская Акад. наук, 1772. - 104 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. Ч. II. – СПб., 1762. – 331с. / (Репринт: Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. – М.: Книга по требованию, 2011. – 439с.).

Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. – Астана: Фолиант, 2017. – 496 с.

Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джекказганском регионе// Народное хозяйство. 1941. №1. - С. 80-87.

Свиридов А.Н. Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции)// Ахинжановские чтения-2004. – Алматы, 2004. – С. 45-51.

Свиридов А.Н., Ярыгин С.А., Сакинов С.К. «Элитные курганы Акмолинской области». Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: «Сарыарка», 2014. – С. 576-596.

Семби М.К. Мавзолей Ботагай – памятник средневековой казахской архитектуры (краткая история исследования) // Булантинская битва: история исследований. – Улытау: «Ұлытау» ұлттық тарихи-мәдени және табиғи қорық-мұражайы, 2015. – С. 150-153.

Семенов Л.Ф. Материалы к характеристике памятников материаль-

ной культуры Акмолинского округа // Вестник Центрального музея Казахстана. Алма-Ата: Казиздат, 1930, № 1. – С. 77-87

Сибирская советская энциклопедия. Том 3. Б. З. Шумяцкий [и др.]. – Москва: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1932. – 804 с.

Словцов И.Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. // Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Книжка III. – Омск. 1881. – 153 с.

Смагулов Т.Н. Калбасунская башня. Отв. ред. Б.А. Байтанаев. – Алматы, 2012. – 160 с.

Смирнов А.П. Железный век чувашского Поволжья // Материалы и исследования по археологии № 95. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 140-145

Смирнов В.И. Геология полезных ископаемых / Под ред. Е. А. Козловского.- Горная энциклопедия. – М.: Советская Энциклопедия, 1984. – Т. 1: Аа-лава – Геосистема. – 560 с.

Соколов А.А. Гидрография СССР. Гидрометеиздат. – Л., 1952. – 287 с.

Спасский Г.И. О древних развалинах Сибири. [Приложение]: Альбом видов, чертежей зданий и древних надписей Сибири // Сибирский вестник. 1818. № 3.. – 7 л.: илл. – Электронный фонд: www.shpl.ru

Спасский Г.И. О древних развалинах в Сибири: [О развалинах Татагая и двух зданий на правом берегу р. Нуры], Сибирский вестник, издаваемый Г.Спасским, часть 3, Санкт-Петербург, 1818. С. 52-107.

Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 213–229.

Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. – Алматы: ОФ «Берел», 2001. – 320 с. (на каз., рус., англ.яз.)

Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI-X вв.н.э. – Москва: Наука, 1990. – 192 с.

Тлеугабулов Д.Т. Исследование средневековых культовых памятников Акмолинского Приишимья (по материалам разведки 2018 года) // Вестник КазНУ. Серия историческая. №3 (94). 2019. – С. 121-129.

Тлеугабулов Д.Т. Исследование сакральных объектов в пространстве Тенгиз-Коргалжынского региона // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. – С. 510-522.

Тлеугабулов Д.Т. Городище Бозок в системе средневековых культовых объектов степной Евразии // Мәдени мұра. – 2020. № 1. – С.16-22.

Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII вв. (вопросы хронологии). – Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. – Санкт-Петербург, 2011.

Хабдулина М.К. Поселение раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Научное издание. – Астана, 2003. – С. 189-214.

Хабдулина М.К. Мавзолеи средневекового городища Бозок (река Ишим) // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18-21 окт.2010) / Отв. ред. Д.В. Васильев. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т». 2010. – С. 384-391

Хабдулина М.К. Формирование культурного ландшафта городища Бозок // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. / под ред. Н.П. Матвеевой. – Тюмень: Изд-во Тюм.ГУ, 2016. Выпуск 5. Ч.1. – С. 232–235.

Хабдулина М.К. Храмы-святилища сакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых кочевников Евразии. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2016а. – С.137-149.

Хабдулина М.К. К этнической территории казахской государственности//Центральная Азия на Великом Шелковом пути: диалог культур и конфессий отдревности до современности:Международная научно-практическая конференция 13-15 июня 2018 / отв.ред. В. Новоженков. – Алматы: Service Press, 2018. – С.100-108

Хабдулина М.К. Новое в изучении тасмолинской археологической

культуры Сарыарки// Turkic Studies Journal. 2019. Number 2, Vol. 1. – P. 21-33.

Хабдулина М.К. К.А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция //Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб.науч.статей, посвященный 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. Т.1.- Алматы, 2017. - С. 119-125.

Хабдулина М.К., Бонора Ж.Л. Культурное зодчество степной Сары-Арки периода сложения Казахского ханства // Ұлы Жібек жолы және Қазақ хандығы мынжылдықтар тоғысында: Материалы международной историко-археологической конференции. – Тараз: Инновационно-гуманитарный университет, 22-23 мая 2015. – С. 91-97.

Хабдулина М.К., Бонора Ж.Л., Билялова Г.Д. Сакральная карта Акмола: новые материалы //Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник науч.трудов / отв. ред. М.А. Корусенко. Омск: Изд-ий дом «Наука», 2018. – С. 162-166

Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдыбаев М.С., Сакенов С.К., Свиридов А.Н. Культурные памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины. - Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – 208 с., илл. (каз., рус.яз.)

Хабдулина М.К., Свиридов А.Н. Раннесредневековая эпоха Сары-Арки: проблемы этнокультурной принадлежности// М. Жолдасбековтің 80 жылдық мерейтойына арналған «Түркі әлемі және халықаралық байланыстар: тарих, тұлға, келешек» атты

Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдарының жинағы / Жауапты ред. Н.Г. Шаймердинова. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰҰ баспасы, 2017. – 161-165 бб.

Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т. К древнетюркской жилой архитектуре // Маргулановские чтения – 2019. Материалы междунар. археологич. научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. – Нур-Султан, 2019. – С. 584-591

Харинский А.В. Городища-святости в структуре сакральных представлений народов Северо-Восточной Азии. // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей, Т. II. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. – С.142-147.

Харькова Е.Ю. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. – СПб: Изд-во А. Голода. 2014. – С. 174-181

Хрисимов Н. Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпретации. / А. Евглевский (ред.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. – Донецк: Донецкий гос.университет, 2009. – С. 9-42

Шайкен Ж., Семби М. Аспекты изучения памятников Тенгиз-Коргалжынской котловины // Қазақстанның киелі жерлерінің

географиясы = Сакральная география Казахстана. Халықаралық ғылыми-тәжірбиелік конференция материалдарының жинағы = Сборник материалов международной научно-практической конференции. 3 октября, 2019 ж. – Нұр-Сұлтан, 2019. – С. 281-290

Шангин И. П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 года // Сибирский вестник, 1820. Ч. 11.

Шангин И.П. Дневные записки путешественника в степи киргиз-кайсаков Средней орды Колывано-Воскресенских заводов берг-гешворена Ивана Шангина 1816 г. // Астана. История столицы и края XVII-XIX вв. - Астана, 2006. - С. 13-152.

Шевелев И.Ш. Принцип пропорции. – М.: Стройиздат. 1986. – 200 с.

Шмидт Ю. Очерк Киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела Акмолинской области – Омск, 1894. – 149 с., 8 л., илл., карт.

Электронные источники:

Ссылка на интернет-источник: http://www.zapovedniki-ira.com/zapovedniki_kazahstana/326-korgalzhynskiy-prirodnyy-zapovednik.html

Ссылка на интернет-источник: <https://fb.ru/article/437615/korgaljyinskiy-zapovednik-opisanie-raspologenie-flora-i-fauna>

Ссылка на интернет-источник: <https://whc.unesco.org/en/culturallandscape/>.

Ссылка на интернет-ресурс: Мусульманское кладбище в центре Астаны скрывает порядка 10 000 захоронений

ний //http://today.kz/ (дата обращения: 24.07.2020).

Ссылка на интернет-источник : Об утверждении границ... URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10A0000658> (дата обращения: 24.07.2020).

Ссылка на интернет-ресурс: В Астане обнаружено захоронение батыров Кенесары//URL: <https://azan.kz/kz/ahbar/read/foto-v-astane-obnaruzheno-zahoronenie-batyirov-kenesaryi-4713> (дата обращения: 30.07.2020).

Абенова Г. Прах С. Садвакасова спустя 77 лет доставлен в Казахстан //https://rus.azattyq.org/a/smagul_sadvakasov_kazakhstan_moscow/2282541.html (дата обращения: 24.07.2020).

Артыкбаев Ж.О. Загадка пещеры дракона. Электронный журнал

е-истори 23.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3429> (дата обращения 01.06.2020).

Дорога памяти. Жайкбаев Данду Рахимжанович. <https://1418museum.ru/heroes/33581547/> (дата обращения: 24.07.2020).

Назарбаев Н.А. «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» – «Рухани жаңғыру: болашаққа бағдар». Ссылка на интернет – источник http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-vbudushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya.

Ссылка на интернет-источник: <http://abctv.kz/ru/news/v-sakralnuyu-kartu-kazahstana-voshlo-bolee-600-obektov> (дата обращения 04.2018)

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Хабдулина Марал Калымжановна –	кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, директор Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева
Глеугабулов Данияр Толегенович –	старший преподаватель кафедры археологии и этнологии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева
Дукомбайев Азамат Талгатович –	магистр гуманитарных наук, главный специалист отдела научно-технических программ Департамента науки и инноваций, научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева
Кошман Татьяна Васильевна –	магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры археология и этнология Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева
Букешева Гульзат Кайнулловна –	младший научный сотрудник РГКП «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок», младший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева
Сапарова Камеля Серікқызы –	специалист высшего уровня отдела хранения фонда Национального музея РК, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева
Гайса Акерке Маратқызы –	магистрант кафедры археологии и этнологии, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии им. К.А. Акишева
Бонора Жан Лука –	PhD, профессор, директор итальянской археологической экспедиции в Казахстане

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>М.К. Хабдулина</i>	3
Introduction <i>by M.K. Khabdulina</i>	3
Глава I. Хроника полевых исследований 2018-2020 гг. <i>Д.Т. Тлеугабулов, А.Т. Дукомбайев, Ж.Л. Бонора</i>	14
Chapter I. Chronicle of field studies 2018-2020 <i>by D.T. Tleugabulov, A.T. Dukombaiyev and Gian Luca Bonora</i>	14
Глава II. Физико-географическая характеристика и типология культурных ландшафтов Северной Сарыарки. <i>К.С. Сапарова, Г.К. Букешева</i>	46
Chapter II. Physical and geographical characteristics and typology of the cultural landscapes of North Saryarka <i>by K.S. Caparova, G.K. Bukesheva</i>	46
Глава III. Механизм сакрализации ландшафта и функции сакральных ландшафтов в историко-археологическом контексте. <i>М.К. Хабдулина</i>	60
Chapter III. The mechanism of sacred landscape and the functions sacred landscape in a historical and archeous context <i>by M.K. Khabdulina</i>	60
Chapter IV. Theoretical concepts and practices in the study of the sacred landscape of Eurasia <i>by Gian Luca Bonora</i>	74
Глава IV. Теоретические концепции и практика в изучении сакрального ландшафта Евразии. <i>Ж.Л. Бонора</i>	85
Глава V. Исследование элитного кургана раннего железного века в урочище Куйгенжар. <i>Д.Т. Тлеугабулов, А.М. Гайса</i>	93
Chapter V. Exploring an elite mound of the early Iron Age in the Kuigenjar <i>by D.T. Tleugabulov, A.M. Gaisa</i>	93
Глава VI. Раскопки казахского поселения Саркырама. <i>А.Т. Дукомбайев</i>	136
Chapter VI. Excavations of the Kazakh settlement of Sarkyrama <i>by A.T. Dukombaiyev</i>	136
Глава VII. Сакральные объекты Сарыарки в путевых записках И.П. Шангина (1816 г.). <i>Т.В. Кошман, М.К. Хабдулина</i>	159
Chapter VII. Sacred objects of Saryarka in travel notes by I.P. Shangin (1816) <i>by T.V. Koshman, M.K. Khabdulina</i>	159

Глава VIII. Натурное обследование культовых мемориалов периода Казахского ханства (мусульманский некрополь Караоткель). <i>Т.В. Кошман, А.Т. Дукомбайев</i>	163
Chapter VIII. Natural survey of the kult memorials of the Kazakh Khanate (Muslim necropolis Karaotkel) <i>by T.V. Koshman, A.T. Dukombaiyev</i>	163
Глава IX. Степи Сарыарки как этническая территория казахской государственности. <i>М.К. Хабдулина</i>	192
Chapter IX. The steppes of Saryarka as an ethnic territory of Kazakh statehood <i>by M.K. Khabdulina</i>	192
Заключение	207
Conclusion	207
Список литературы	209
References	209
Авторский коллектив	219
The author's team	219

*Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В.,
Букешева Г.К., Сапарова К.С., Файса А.М., Бонора Ж.Л.*

САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ САРЫАРКИ

Коллективная монография

Редактор: *Тлеугабулов Д.Т.*
Технический редактор: *Бектыбаева Г.Т.*

Подписано в печать 23.02.2021.
Формат 70 × 100 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,2 Тираж 200 экз. Заказ № 0018.

Отпечатано из готовых диапозитивов

*Отпечатано в типографии «Регис-СТ Полиграф».
010000, г. Нур-Султан, ул. Ш. Айманова, 13.*